

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

C 3325.167

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

СКАЗАНИЕ
О
СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ
ПО
РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ
И
СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

постриженника
СВЯТЫЯ ГОРЫ АѦОНСКІЯ

Инокъ Парсенія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Сомова.
1856.

СКАЗАНИЕ

о

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

по

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ И СВ. ЗЕМЛѢ.

СКАЗАНИЕ

О
СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

И

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

ПОСТРЕЖЕННИКА

СВЯТЫЯ ГОРЫ ЛЕОНСКІЯ

Исхоа Пароеніа.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

(Изданіе второе, съ исправленіями.)

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Сомова,
на Соеійской улицѣ.

1856.

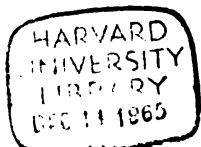
C 33.25.167 (2)
✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 19 дня 1856 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

*Цензоръ, Визанской Семинаріи Ректоръ,
Архимандритъ Неоананій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стран.</i>
1. Желаніе отправиться во св. Гору Аѳонскую.	3
2. Благословеніе отъ духовника и отъ старца, схимонаха Іоанна.	5
3. Наставленіе отъ старца Іоанна о вѣрѣ въ Бога.	6
4. Мѣсто келліи старца Іоанна.	9
5. Архимандритъ Гафанилъ не совѣтуетъ мнѣ идти во св. Гору.	—
6. Объявленіе моего намѣренія своей братіи.	10
7. Наставленіе старца Іоанна о надеждѣ и любви къ Богу.	11
8. Наставленіе о любви къ ближнему.	14
9. Наставленіе о соблюденіи отъ ересей, расколовъ и со- блазновъ.	15
10. Архимандритъ благословляетъ меня въ путь, и послѣд- нее мое свиданіе съ старцемъ Іоанномъ.	18
11. Разсказъ старца Іоанна: а) о своемъ происхожденіи и странствіи.	19
12. б) о поступленіи въ Немецкій монастырь.	20
13. в) о старцѣ Паисіи и его монастырѣ Немецкомъ.	—
14. г) о путешествіи во св. Гору Аѳонскую и возвращеніи.	24
15. д) о пребываніи въ безмолвіи.	—
16. е) о второмъ путешествіи во св. Гору.	25
17. ж) о свиданіи съ Константинопольскимъ Патріархомъ Григоріемъ во св. Горѣ.	26
18. з) о обратномъ пути изъ св. Горы Аѳонскія.	27
19. и) о гробницѣ Преподобнаго Григорія.	—
20. і) о вселеніи въ скиту Покровскомъ близъ старца Платона.	28
21. к) о прожитіи жизни съ отцомъ Платономъ.	—

22.	а) о святой жизни отца Платона и его кончинѣ.	29
23.	м) о разстройствѣ въ монастырѣ Нямецкомъ.	30
24.	н) о свиданіи съ Митрополитомъ Веніаминомъ и переходѣ въ монастырь Ворону.	31
25.	о) объ умной молитвѣ и плодахъ безмолвія.	32
26.	Видъ и образъ жизни старца Іоанна пустынножителя.	35
27.	Отбытіе изъ монастыря Вороны, прощаніе съ братією, и путь по Молдавіи	36
28.	Монастырь Мерлополяна въ Валахіи.	37
29.	Градъ Бранловъ и переправа чрезъ Дунай.	—
30.	Прибытіе въ Турцію, въ городъ Мачинъ; притѣсненіе христіанъ отъ турокъ.	—
31.	Ромыни рассказали намъ путь въ Аѳонскую Гору.	38
32.	Русское село Некрасовцовъ, скитъ раскольниковъ монаховъ и преніе съ ними	39
33.	Какимъ образомъ были въ опасности жизни.	44
34.	Страннолюбіе придунайскихъ христіанъ.	45
35.	Страна задунайская	46
36.	Бѣдность православныхъ церквей въ Болгаріи.	—
37.	Бѣдность христіанъ и тяжкое иго турецкое.	—
38.	Градъ Силистрія; чума; трудный путь.	47
39.	Гр. Туртукай; оказанное намъ страннолюбіе.	48
40.	Гр. Рушукъ. Болгарскія села и церкви.	50
41.	Болгарскій народъ и иго турецкое.	51
42.	Усердіе и страннолюбіе болгаръ.	—
43.	Горы Балканскія и переходъ чрезъ нихъ.	53
44.	Путь по Фракіи; селенія Шипкой и Калотеръ.	54
45.	Гр. Базаръ-Чукъ татарскій. Тамашніе христіане и церкви.	55
46.	Балканъ — Доспадъ и село Батакъ.	57
47.	Мало проходимый путь, и обозъ на пути.	59
48.	Разбойники что съ нами сдѣлали. Страна Македонія.	60
49.	Монастырь Іоанна Рыльского.	61
50.	Монастырь Іоанна Предтечи и древа кипарисовыя.	62
51.	О чудесной водѣ, проведенной Іоанномъ Предтечею.	65
52.	Библіотека; множество кожаныхъ славянскихъ книгъ.	67
53.	Сказаніе о градѣ Серевѣ и его жителяхъ.	68
54.	Турки за бороды берутъ деньги; блужданіе наше по горамъ и лѣсамъ.	70

55.	Какъ мы шли на гору, и плакали.	72
56.	Первый разъ увидали Аѳонскую Гору.	73
57.	Радость наша и плачь.	74
58.	Прибытіе на Перешеекъ и молитва наша.	75
59.	Ночлегъ на метохѣ, или на хуторѣ.	77
60.	Вступленіе на св. Аѳонскую Гору.	78
61.	Путь по св. Горѣ; вершина горы Аѳона; радость наша.	79
62.	Крестъ на дорогѣ; первая встрѣча съ монахами аѳонскими.	81
63.	Красота св. Горы Аѳонской; монастырь Хилендарь.	82
64.	Стоящая на пути чудотворная икона Богородицы, и слова наши къ ней.	83
65.	Видъ монастыря Хилендаря извѣст.	85
66.	Врата монастыря.	87
67.	Вступленіе въ монастырь; его зданія	88
68.	Угощеніе на гостинницѣ.	—
69.	Паперть и притворы храма.	90
70.	Настоящій храмъ; служеніе вечерни.	91
71.	Чудотворная икона Пресвятыя Богородицы «Троеручица» въѣсто игумена.	93
72.	Гробъ св. Симеона Царя сербскаго.	94
73.	Красота храма, конецъ вечерни.	95
74.	Лоза виноградна изъ гроба св. Симеона.	97
75.	Чинъ и уставъ утрени.	98
76.	Чинъ Литургіи.	100
77.	Приглашеніе на жительство.	101
78.	Паки икона Пресвятыя Богородицы, что на пути; сказаніе о ней.	102
79.	Монастырь Есфигменъ	103
80.	Славная обитель Ватопедская.	106
81.	Путь отъ Ватопеда лѣсомъ.	107
82.	Скитъ Болгарскій Богородицы.	108
83.	Скитъ Ильи Пророка, русскій.	109
84.	Число братіи на Аѳонѣ; повѣсть о изгнаніи великорос. изъ скита.	110
85.	Первое извѣстіе о старцѣ и духовникѣ Арсеніи.	111
86.	Богослуженіе въ скитѣ Ильинскомъ.	112
87.	Множество келлій на Горѣ Аѳонской.	113
88.	Монахи аѳонскіе, идущіе на Карею съ рукодѣліемъ.	114

89.	Карей, аеонское торжище съ множествомъ монаховъ.	115
90.	Великороссіане жалуются на малороссіанъ за притѣсненій.	117
91.	Великороссіане похваляютъ духовника Арсенія, и расказы- ываютъ о его высокой жизни.	118
92.	О духовникѣ Григоріи Болгаринѣ.	120
93.	Продолженіе о старцѣ Арсеніи.	—
94.	Жительство на келліи св. Апостоля, на Капсальской горѣ.	121
95.	Неотложное намѣреніе ити къ духовнику Арсенію.	122
96.	Монастырь Иверскій; дорога къ келліи духовника.	123
97.	Приходъ къ духовнику Арсенію, и моя съ нимъ бесѣда.	124
98.	Избираю себѣ за старца духовника Арсенія; наставле- ніе его мнѣ.	125
99.	Трапеза у духовника Арсенія.	128
100.	Описаніе духовниковой келліи.	129
101.	Благодареніе мое Господу Богу.	130
102.	Видъ старца Арсенія; возвращеніе въ келлію.	131
103.	О схимонахѣ Андреѣ и кончинѣ его.	—
104.	Келлія Успенія Пресвятыя Богородицы, называемая Аксіонъ.	132
105.	О старцѣ Никодимѣ.	134
106.	О горѣ Капсаль.	135
107.	Радостная для великороссіанъ вѣсть.	136
108.	Греки просятъ русскихъ въ русскій монастырь.	137
109.	Духовникъ Арсеній благословляетъ русскихъ войдти въ Русскій.	139
110.	Русскіе входятъ въ русскій монастырь.	141
111.	Общая въ русскомъ монастырѣ радость.	142
112.	Радость шестидесятилѣтняго старца Венедикта.	143
113.	Рѣчь старца Венедикта.	144
114.	Освященіе храма Святителя Митрофана.	145
115.	Проповѣдь Архимандрита Прокопіи.	146
116.	Слово старца и игумена Герасима, въ трапезѣ.	151
117.	Слово его-же къ однимъ русскимъ.	154
118.	Рѣчь отца Павла къ своимъ русскимъ братіямъ.	155
119.	Служеніе Литургіи духовникомъ Арсеніемъ.	159
120.	Щедрость духовника; назначеніе мнѣ мѣста жительства.	—
121.	Жизнь моя на колыбѣ.	161
122.	Монастырь Симонегръ.	164

123.	Чинъ богосауженія въ русскомъ монастырѣ.	165
124.	Праздникъ Богоявленія въ Иверскомъ монастырѣ.	166
125.	Переходъ на келію къ отцу Іоанникію.	168
126.	О старцѣ Іоанникіи.	170
127.	Торжество въ Ватопедскомъ монастырѣ на Благовѣщеніи.	171
128.	Живость клеветы раскольниковъ на грековъ.	174
129.	О прибытіи моего друга Аѳанасія въ Аѳонъ и отбытіи оттуда.	175
130.	Постриженіе въ монашество, и наставленіе старца Арсенія.	177
131.	Лавра св. Аѳанасія ; восхожденіе на верхъ Аѳона.	178
132.	Праздникъ Іліи Пророка.	180
133.	Праздникъ св. Пантелеимона въ русскомъ монастырѣ.	—
134.	Кончина и погребеніе іеросхимонаха Павла въ русскомъ монастырѣ. Избраніе ему преемника.	181
135.	Духовникъ Арсеній нашего отца Іоанникія и насъ съ нимъ посылаетъ въ русскій монастырь.	186
136.	Вступленіе наше въ русскій монастырь.	188
137.	Жизнь наша въ русскомъ монастырѣ.	189
138.	О обычаяхъ на Аѳонѣ откапывать кости умершихъ.	—
139.	Объ откопанныхъ костяхъ схимонаха Никодима.	190
140.	О посвященіи о. Іоанникія въ іеромонахи.	192
141.	О общежительныхъ монахахъ.	193
142.	Совершенство общежительныхъ монаховъ.	195
143.	Уставъ общежительныхъ монастырей въ Аѳонѣ.	—
144.	Хожденіе за больными и погребеніе умершихъ.	199
145.	Описаніе русскаго монастыря	200
146.	Скиты , принадлежавшіе къ монастырю русскому ; вла- дѣнія его.	205
147.	Исторія русскаго монастыря. Причина наименованія его.	209
148.	Исторія монастыря отъ 14-го вѣка до настоящаго.	210
149.	О молдавскомъ Князѣ Скарлатѣ Каллимахѣ.	214
150.	О іеромонахѣ Аникитѣ Шахматовѣ.	218
151.	Переходъ князя въ русскій монастырь.	219
152.	Удаленіе князя изъ русскаго монастыря.	221
153.	Наказаніе грекамъ за изгнаніе русскихъ.	222
154.	Соболѣзнованіе грековъ о изгнаніи русскихъ.	223
155.	Греки просятъ русскаго игумена къ себѣ въ монастырь.	224

156.	Празднованіе дня св. мученика Пантеленмона и прорече- ніе старца Венедикта.	225
157.	Изгнаніе великороссіанъ монаховъ изъ Ильинскаго скита.	226
158.	Греки упросили русскихъ взойти на жительство въ Русскіе.	227
159.	Заложеніе новаго храма Святит. Митрофана.	228
160.	О постриженіи моемъ въ великій ангельскій образъ.	—
161.	Радованіе мое о моихъ старцахъ руководителяхъ.	229
162.	Приближеніе скорбей моихъ.	230
163.	Духовникъ Геронимъ объявилъ мнѣ о назначеніи ѣхать въ Россію за сборомъ.	231
164.	Горестъ моя, и утѣшеніе отъ духовника.	232
165.	Плачь мой о горькой моеѣ участи.	—
166.	Страстная седмица во Аѳонѣ.	234
167.	Пасха Святая во Аѳонѣ.	—
168.	О свиданіи съ старцемъ Арсеніемъ.	235
169.	Разставаніе съ моими отпани и со всею моею братією.	—
170.	Плачь и рыданіе мое о св. Горѣ Аѳонской.	236

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТРАНСТВІЕ И ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ

И

ПРЕБЫВАНІЕ ВО СВ. ГОРѢ АВОНСКОЙ.

СТРАНСТВІЕ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ

и

ПРЕБЫВАНІЕ ВО СВЯТОЙ ГОРѢ АѦОНСКОЙ.

1. По многовременномъ и многолѣтнемъ моемъ странствіи по Россіи и Молдавіи и Буковинѣ, по оставленіи раскола и всѣхъ толковъ его, и по присоединеніи ко Святой Соборной Апостольскей Христовой Церкви Православной, находясь въ православномъ общежительномъ монастырѣ Воронѣ, при церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, на пономарскомъ послушаніи, возымѣлъ я непремѣнное желаніе спутешествовать въ пресловутую Святую АѦонскую Гору, какъ въ тихое и небурное пристанище, къ сей иноческаго пустыннаго и безмолвновъ житія наставницѣ, въ сей отъ суеты и отъ соблазновъ міра сего удаленный жребій Царицы Небесной, находящійся подъ Ея покровительствомъ, посѣтить аѦонскія обители, лавры и кивоты, и безмолвные скиты и отшельническія пустынныя келліи и колибы, посмотреть на тамошнихъ земныхъ ангеловъ и небесныхъ челоуѣковъ, и ангель-

скому житію подражателей, святыхъ отцевъ аѳонскихъ, избрать одного изъ нихъ себѣ пастыря и учителя, безмолвному иноческому житію наставника и къ вѣчному блаженству руководителя, и препроводить съ нимъ остальные дни жизни своей, и скончать животъ свой. Сіе желаніе имѣлъ я съ самыхъ юныхъ лѣтъ жизни моея, но былъ удерживаемъ по разнымъ благословнымъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, по смутному военному времени, которое продолжалось почти десять лѣтъ (отъ 1818 по 1828-й годъ); во-вторыхъ, по частымъ моровымъ язвамъ; въ-третьихъ, по главной причинѣ, именно возбранялъ природный мой расколъ. Но пришло время самое удобное: рати утихли, моры престаи, отъ раскола Господь Богъ Своимъ неизреченнымъ милосердіемъ меня освободилъ и очистилъ. Всюду стало спокойно и благополучно; потому я възимѣлъ неотлагаемое намѣреніе отправиться въ путешествіе. И прежде всего прибѣгнулъ съ теплою молитвою ко Всевышнему моему Творцу и Небесному Отцу, да управитъ мой путь благополучно, и аще по Его святой волѣ мое желаніе въ Святую Гору, то да извѣститъ мнѣ Свою святую волю чрезъ духовнаго моего отца. Также просилъ и Царицу Небесную, спорушницу и назирательницу святыхъ Горы Аѳонскія, Пресвятую Богородицу Владычицу, Пречистую Дѣву Марію, да будетъ мнѣ спутешественница и назирательница и помощница во всемъ пути моемъ, и да сподобитъ достигнуть благополучно до святыхъ Горы Аѳонскія, и да пріиметъ меня грѣшнаго и непотребнаго раба въ Свой святой жребій подъ Свое покровительство, и да причислитъ меня къ Своему богособранному великому полчищу, ко аѳонскихъ отцевъ множеству, хотя

бы послѣднимъ послушникомъ, и да сподобитъ мнѣ тамо обрѣсти отца и наставника, въ иноческомъ житіи искуснаго, и Сама да будетъ мнѣ помощница на врага моего древняго, діавола, и на всѣ козни его, и Сама да очистишь отъ страстей моихъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

2. И такъ помолившись, пошелъ къ отцу моему духовному, іеромонаху Антонію, и открылъ ему свое намѣреніе. Онъ же со всею любовію меня благословилъ, только съ тѣмъ, чтобы по прибытіи въ Святую Гору не жить по своей волѣ, а поручить себя наставнику и отцу духовному. Еще послалъ меня посовѣтоваться къ отцу Іоанну, схимнику и пустынножителю. Я сходилъ и къ отцу Іоанну, и сказалъ ему намѣреніе и отъ юныхъ лѣтъ мое желаніе въ Святую Аѳонскую Гору. Онъ же сіе тяжело себѣ вмѣнилъ, заплакавъ, и началъ говорить мнѣ: «Хотя и есть тебѣ воля Божія идти въ Святую Гору, но я желалъ бы, чтобы ты пожилъ еще въ здѣшнемъ монастырѣ: ибо жалію съ тобою разлучиться. Болѣе мы на семь свѣтъ не увидимся, а я хотѣлъ бы, чтобы ты похоронилъ грѣшное мое тѣло: ибо уже не много осталось мнѣ и жить. Но впрочемъ волѣ Божіей противиться не могу, и удерживать тебя не буду; твори, еже хочещи; Господь благословитъ; помини и меня въ своихъ молитвахъ въ Святой Горѣ Аѳонской. А можетъ, Господь приведетъ тебя быть и во святомъ градѣ Іерусалимѣ: помини мое окаянство на живоносномъ Христовомъ гробѣ и на прочихъ святыхъ мѣстахъ.» А я ему отвѣтилъ: «Какъ могу быть въ Іерусалимѣ? Дойти туда много требуется денегъ, а я теперь не имѣю; родные теперь не дадутъ, да и

не хочу просить ихъ: а мнѣ бы весьма желательно побывать во святомъ градѣ Іерусалимѣ, и поклониться живоносному Христову гробу; но не имѣю возможности тамъ быть, а прошу Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь, и вашихъ святыхъ молитвъ, чтобы только достигнуть благополучно въ Святую Гору Аѳонскую, и тамъ скончать животъ свой.» Онъ же мнѣ отвѣчалъ: « Не такъ будетъ, какъ ты помышляешь: отъ человѣкъ невозможно, а отъ Бога вся возможна. Будешь во Святой Горѣ, будешь и въ Іерусалимѣ, будешь и тамъ, гдѣ ты и не помышляешь. Еще много тебѣ предстоитъ постраниествовать и пройти сквозь огонь скорбей и воду искушеній; и аще все перенесешь безъ роптанія, и претерпишь съ благодареніемъ, тогда развѣ достигнешь въ покой.» Я палъ ему въ ноги, и со слезами просилъ его помолиться обо мнѣ ко Господу, да, егда найдутъ на меня скорби и искушенія, подастъ мнѣ Господь терпѣніе перенести оныя съ благодареніемъ. Еще со слезами началъ его просить, да дастъ мнѣ послѣднее наставленіе, какъ мнѣ переплыть многоволнистое и страшное море житія сего, какъ достигнуть въ тихое и небурное пристанище, въ небесное наше отечество, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная, и какую мнѣ избрать жизнь въ Святой Горѣ Аѳонской?

3. Онъ же началъ мнѣ говорить: « Мое наставленіе такое: когда достигнешь Святой Горы, избери себѣ искуснаго старца, отца и наставника, и препоручи ему свое тѣло и душу, и буди ему послушенъ даже до смерти, и гдѣ онъ благословитъ, тамъ и живи. Аѳонскіе отцы выше молдавскихъ; я и самъ бы же-

лалъ съ ними пожитъ и отъ нихъ пользоваться, и
 дважды путешествовалъ во Святую Гору: но воля
 Божія и смутныя времена не позволили мнѣ тамъ
 препровождать жизнь свою, и я паки возвратился въ
 Молдавію, въ свою обитель. А о будущемъ блажен-
 ствѣ, какъ его достигнуть, скажу тебѣ вкратцѣ: Гдѣ
 будешь житъ, гдѣ будешь странствовать, вездѣ и на
 всякомъ мѣстѣ владычество Господне и благодать Его
 присутствуетъ, только аще по волѣ Его святой бу-
 демъ житъ и волю Его творить: не мѣсто человѣка
 просвѣщаетъ, но человѣкъ мѣсто. Воля же Господня
 состоитъ въ главныхъ трехъ добродѣтеляхъ, т. е. въ
 вѣрѣ, любви и надеждѣ. Первое вѣра: вѣра есть глава
 всѣмъ добродѣтелямъ. Безъ вѣры всѣ добрыя дѣла
 мертвы. Праведникъ отъ вѣры живъ будетъ. Вѣрою
 вси Святіи побѣдиша міръ, содѣяша правду, получи-
 ша обѣтованія (Евр. гл. 11-я.). Аще совершенную
 стяжеша вѣру къ Богу, то ничего тебѣ не будетъ не-
 возможнаго, но вся покорена будутъ тебѣ, и ни какія
 скорби и напасти одолѣть тебя не могутъ. О сей
 вѣрѣ сказалъ Господь ученикамъ Своимъ: « аще имате
 вѣру, яко зерно горушно, аще речете и горѣ сей:
 двинися и верзися въ море: будетъ ». (Матѣ. 21, 21).
 Сію вѣру стяжали Апостолы, и прошли по всей все-
 ленной, яко овцы посредѣ волковъ, и уловили вся
 языки въ Христову вѣру. Сію вѣру имѣли святые му-
 ченики, проліяшіе свою кровь. Сію вѣру имѣли Пре-
 подобные отцы, которые, оставивъ міръ и яже въ
 немъ, удалялись въ пустыни, и едины со единымъ
 Богомъ пребывали въ ней, овыя чотыредесять, овыя
 пятьдесятъ и шестьдесятъ лѣтъ; единою повѣровали
 Богу, и Господь пропиталъ ихъ, хотя и мало кого

отъ чловѣкъ видѣли. Такую вѣру еще стяжени, то и ты не далече будещи царствія небеснаго.» Но я ему отвѣчалъ. « Отче святыи, какъ могу стяжать вѣру сію, которая превосходитъ естество чловѣческое? Я чловѣкъ грѣшный, и повседнвно обрѣтаюся въ немощахъ.» Онъ же сказалъ: « Да, правда; эта вѣра трудами и подвигами, постомъ и молитвою стяжается, совершеннымъ послушаніемъ и отсѣченіемъ собственной воли укрѣпляется и возрастаетъ. Но паки глаголю: еще не стяжеша такой вѣры, то не можешь стяжать и надежды на Бога и любви къ Богу и ближнему; еще ли сихъ не стяжеша, и не очистиши внутренняго чловѣка, не побѣдиши страстей: то все наше будетъ удаленіе отъ міра, только однимъ тѣломъ, а не умомъ и сердцемъ. А тогда какъ бы не постигла насъ страшная угроза: *ни теплз еси, ни студенъ, изблевати тя имамъ* (Апок. 3, 16)? Теперь иди съ Богомъ, и помни слова мои. А когда соберешься совѣмъ, то прійди ко мнѣ проститься: и я грѣшный еще что-нибудь скажу тебѣ на пользу, и провожу тебя. » Я палъ ему въ ноги, и благодарилъ его за наставленіе, яко никогда такъ много со мною не бесѣдовалъ и не пользовалъ, какъ въ этотъ разъ. Онъ же паки рече: « Это потому, что пришло время намъ разлучиться, и на семь свѣтъ намъ не видаться. Ты полетишь чрезъ великія горы и чрезъ пучины морскія, въ далекія страны, и будешь летать многія лѣта; а я останусь въ этой моей малой келліи, гдѣ и скончаю животъ мой. А когда ты прійдешь ко мнѣ послѣ, то еще больше тебѣ скажу. » Получивши отъ него благословеніе, я вышелъ; а онъ меня проводилъ. И пошелъ я въ монастырь, радуясь,

что сподобился получить благословеніе идти въ святую Гору Аѳонскую.

4. Пустыня, въ которой обиталъ старецъ Іоаннъ, отстоитъ отъ монастыря Вороны на часъ ходу, или пять верстъ, въ непроходимомъ мѣстѣ, въ темномъ лѣсу, между великихъ горъ, при источникѣ водъ. Въ этой пустынѣ проходилъ поприще иноческихъ подвиговъ болѣе сорока лѣтъ старецъ схимонахъ Онуфрій, пустынножитель, гдѣ скончалъ и животъ свой; тамъ и гробъ его источаетъ благоволеніе; скончался уже болѣе сорока лѣтъ. Былъ другъ и собесѣдникъ великому старцу Паисію Величковскому и его старцу Василию, основателю монастыря Мерлополяны, въ Валашскомъ княжествѣ.

5. По пришествіи въ монастырь, пошелъ я къ духовнику, и повѣдалъ ему, что слышалъ отъ старца Іоанна. Онъ же весьма обрадовался, и послалъ меня къ отцу Архимандриту Рафаилу просить позволенія и билета на путь. Пришедши къ Архимандриту, я открылъ ему свое намѣреніе и желаніе въ святую Аѳонскую Гору, и началъ просить благословенія и билета. Но онъ началъ меня отговаривать и предлагать разные неудобства, говоря: « Въ Святую Гору безъ денегъ идти невозможно; ежели чрезъ моря, то много потребуется денегъ; потому что надобно три моря перейти: первое — Черное, второе — Мраморное и третье — Архипелагъ. Уже мало надобно по сту рублей на человека, только на дорогу; а безъ денегъ и тамъ нигдѣ не примутъ, не только жить, но и ночевать, потому что тамъ все дорого, а иначе хлѣбъ; да еще платятъ туркамъ великія дани, и съ каждого человека платятъ харачъ. А ежели идти посуху, то

есть великія непроходимыя горы, и въ нихъ множество разбойниковъ—арнаутовъ; этотъ путь почти непроходимый, а которые и проходятъ, то собираются великими караванами, съ орудіями огнестрѣльными, да и то много пропадаетъ. А хотя и дойдешь, то и тамъ безъ денегъ не пріймутъ, а хотя и пріймутъ, то будешь работать земляную работу день и ночь; а ты къ работѣ черной не привыченъ. Въ Аѳонскую Гору надобно идти или золотому или желѣзному. У меня много есть такихъ, которые бывали тамъ, и паки обратно пришли; спроси ихъ самъ, они тебѣ скажутъ, какова тамъ жизнь. Не лучше ли жить на одномъ мѣстѣ? Если желаешь, то постригу въ мантию, и посвященъ будешь во іеромонахи. А билета не дамъ и благословенія идти на такія бѣдствія.» Но я сказалъ ему: «благодарю, ваше высокопреподобіе, за ваше доброе привѣтствіе, но постригаться я здѣсь не имѣю желанія, кромѣ Святыхъ Аѳонскихъ Горы; а это ваша правда, что труденъ путь, и много требуется денегъ; это мнѣ давно и прочіе сказывали; но я пойду не съ деньгами, а съ Господомъ Богомъ, и не на что иное уповаю, а только на единого Господа Бога моего; а когда прійду туда, то самъ своими очами посмотрю: ежели не будетъ возможности тамъ жить, то паки къ вамъ возвращусь подъ ваше покровительство, якоже къ Ною голубица.» Онъ же сказалъ: «иди, и подумай добрѣ; да отложи намѣреніе до весны, а теперь я тебя не отпущу.» И вышелъ отъ него со скорбію, яко не получилъ желаемого.

6. Потомъ я созвалъ всю свою братію, которые обратились изъ раскола: отца Макарія, прежде бывшаго Гедеона, и отца Алипія, теперь Александръ, и

прочихъ , и объявилъ имъ свое желаніе и намѣреніе идти въ Святую Гору Аѳонскую , которое имѣлъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. И говорилъ , что за тѣмъ мы болыпе съ отцемъ. Іоанномъ воротились изъ Россіи , дабы ѣхать во Святую Гору; но онъ по своимъ обстоятельствамъ уѣхалъ паки въ Россію, а я неотлагаемое имѣю намѣреніе въ Аѳонъ; отецъ духовникъ и отецъ Іоаннъ пустынникъ меня благословляютъ, а только Архимандритъ удерживаетъ. И изъ васъ кто хочетъ со мною путешествовать, да идетъ; а не хотите, оставайтесь съ Богомъ здѣсь. Они же начали меня отговаривать подобно Архимандриту, представляя разныя невозможности, а колыми паче немѣнне денегъ. Но я имъ сказалъ: « Вы денегъ жалѣете, дабы ихъ не расточить; но я милостію Божіею ихъ не имѣю , и расточать нечего, и жалѣть не о чемъ, а возвергну на Господа печаль мою , и Той мя препитаеть. Сколько тычачъ монаховъ живетъ въ Святой Горѣ, и всѣхъ Царца Небесная питаетъ: меня ли одного не можетъ пропитать? » Послѣ сего одинъ изъ братій , именемъ Никита, иконописецъ , котораго я обратилъ изъ раскола, и который пришелъ со мною въ монастырь, палъ мнѣ въ ноги, и сказалъ: « и я бы желалъ съ тобою идти въ Святую Гору, да не съ чѣмъ. » Я же ему сказалъ: « пойдѣмъ , возлюбленный братъ ; имѣю у себя 100 левовъ (20 руб. асс.); что есть, все вмѣстѣ , а чего не достанетъ , то Господь Богъ дополнитъ; и пойдѣмъ сухимъ путемъ: разбойниковъ намъ бояться нечего, а хлѣбомъ Богъ насъ пропитаетъ. » И начали собираться въ путь.

7. Потомъ я паки пошелъ къ отцу Іоанну пустынику, и пересказалъ ему, что много меня страшатъ,

и отецъ Архимандритъ удерживаетъ. Онъ же мнѣ сказалъ: « Они всѣ разсуждаютъ по человѣческому разуму, а не по Божію благоизволенію. Аѳонская Святая Гора управляется самою Божіею Матерію: туда много ходятъ и съ деньгами, но паки возвращаются; а другіе и безъ денегъ, но тамъ живутъ; кого какъ благословитъ Матерь Божія. И Архимандритъ васъ отпустить: я ему поговорю, а вы идите сухимъ путемъ; васъ хлѣбомъ Болгары пропитаютъ. А то, что обѣщавъ тебѣ сказать, скажу теперь, а ты послушай со вниманіемъ, и запиши все на своемъ сердцѣ. Прежде тебѣ сказалъ я только о вѣрѣ въ Бога: теперь послушай и о надеждѣ на Бога. Гдѣ ты будешь жить, не полагай надежды ни на кого смертнаго, ни на царя, ни на князя и сына человѣческаго, въ нихже нѣсть спасенія, ниже на патріарха, ни на архіерея, ни на купцовъ, ниже на какого-либо человѣка: ибо всякъ человѣкъ ложъ; ниже полагай надежду на богатство, ни на славу міра сего, ниже на чинъ: богатство бо яко роса утренняя. Якоже бо роса изсыхаетъ, тако и богатство исчезаетъ; и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный: вечеромъ цвѣтетъ, а утромъ подкошенъ бываетъ и увядаетъ; такъ и слава человѣческая: днесъ хвалятъ, а завтра поносятъ и укоряютъ. Ты же, возлюбленное чадо, всю свою надежду полагай на Господа Бога. Теперь надобно тебѣ показать свою вѣру и надежду не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, безъ роптанія. Теперь тебѣ наступаетъ время скорбей и искушеній, по морямъ и посуху; ты же не унывай, но единожды повѣровавъ Господу Богу, полагай всю надежду свою на Бога, и воспѣвай съ Пророкомъ Давидомъ: *буди, Господи, милость*

Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя. Пс. 32, 22.
 И пакы: *Блаженнi вси надпьющiися на-Нъ. Надпьющiися на Господа, яко гора Сіонъ: не подвижнется въ стѣхъ живыхъ во Иерусалимѣ. Пс. 2, 12. 124, 1.* Теперь скажу и о любви къ Богу и ближнему. — Возлюбивши Господа Бога твоего отъ всея души твоея, и отъ всего сердца твоего, и отъ всего помышленія твоего. Такъ намъ должно любить Господа Бога, что ради любви Его ничего не должно намъ шадить, ниже самихъ себя. Такъ его возлюбили святые Апостолы, и прошли всю вселенную скорбяще, озлоблени, укорями и поношаеми, въ узахъ и въ темницахъ, а послѣ и самую смерть претерпѣли за любовь Христову. Такъ Его возлюбили святые Мученики, и все пренебрегши, родителей, женъ, и дѣтей, савы и чести, дабы не разлучиться со Христомъ, проліяли кровь свою, яко воду. Такъ возлюбили Его Преподобные отцы наши, и любве ради Его оставили міръ и славу міра, и всю прелесть его, родителей и всѣхъ сродниковъ своихъ; любви ради Христовой удалились въ монастыри и въ пустыни, и отдали себя въ послушаніе съ совершеннымъ отсѣченіемъ своей воли и своихъ прихотей, да безъ всякаго препятствія поработаютъ Господу своему. Ты же, возлюбленный брате, уже начатокъ сдѣлалъ, теперь потщися Господа своего возлюбить отъ всея души своея, т. е. соединиться съ нимъ сердцемъ, умною и безпрестанною молитвою: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* И старайся очищать внутренняго человѣка отъ всѣхъ помышленій противныхъ Богу; тогда познаешь, коль сладка будутъ *гортани* твоему словеса Господня (Пс. 118, 103), и коль весело и радостно

быть съ Богомъ. Пророкъ сказалъ: « помянухъ Бога, и возвеселихся » (Пс. 76, 4); кто съ Нимъ непрестанно бесѣдуетъ и поминаетъ имя Его святое, тотъ какъ не возвеселится и не возрадуется о имени Господни? Аще съ земнымъ царемъ пріятно и радостно имѣть бесѣду, и получать отъ него награду; кольми паче съ небеснымъ Творцемъ, на Негоже не смѣютъ чини ангельстїи взирати, какъ не сладостно намъ грѣшнымъ и непотребнымъ рабамъ имѣть бесѣду? О коль сладостно! Но оставимъ объ этомъ говорить; невозможно на словахъ объяснить того; а когда самъ вкусивъ на дѣлѣ, тогда познаешь, и скажешь: *Господи, добро есть намъ здѣ быти*; возьми меня отъ суетнаго міра сего и отъ его прелестей; не хочу болѣе въ немъ пребывать; боюсь, дабы паки не разлучилъ меня съ Тобою, сладчайшимъ моимъ Господомъ, Творцемъ моимъ и Спасителемъ. Теперь иди ты во святую Аѳонскую Гору, и достигай получить этой сладости; тамъ найдешь такихъ отцевъ и наставниковъ, которые ея пріязобялуютъ, и тебѣ могутъ удѣлить; только ты во всемъ ихъ послушай.

8. Еще скажу тебѣ, какъ намъ должно любить и ближняго своего и всякаго человѣка. Апостолъ сказалъ: *аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего неидвидитъ, ложь есть*. 1 Іоан. 4, 20. Любовь къ Богу доказывается любовію къ ближнему. Не такъ намъ должно любить ближняго, якоже самихъ себя, но несравненно болѣе. Тогда познавается совершенная любовь, егда положимъ душу свою за брата своего. Іоан. 15, 13. Вотъ совершенная любовь! Этой любви не можетъ стяжать никто, привязанный мыслію и сердцемъ къ прелестямъ міра сего. Отчего быва-

ють въ мірѣ убійства, грабительства, злоба, зависть, ненависть, клевета, тяжбы? Либо ради имѣнія и богатства, либо ради чести и славы міра сего, или ради какихъ-нибудь плотскихъ и тѣлесныхъ страстей; потому сказано: *любовь міра сего вражда Богу есть.* Іак. 4, 4. *Ни кій же рабъ можетъ дѣлаи Господина работати.* Лук. 16, 13. Поэтому, кто хочетъ отъ всего сердца возлюбить Господа Бога и ближняго своего, тотъ долженъ, по Евангелію, оставить міръ и вся, яже въ мірѣ, и иди во слѣдъ за Христомъ, путемъ вноческаго житія. Да и тогда еще не вступимъ въ совершенное послушаніе, и не отсѣчемъ собственной своей воли, и не будемъ хранить своего сердца отъ помысловъ скверныхъ, и не будемъ стараться о очищеніи внутренняго чловѣка, то и въ пристанищѣ можемъ погибнуть. Наше спасеніе состоитъ въ отверженіи самихъ себя и въ храненіи своего сердца, и въ непрестанной умной Іисусовой молитвѣ. Еще же отвержемся самихъ себя, и будемъ хранить свое сердце отъ прилоговъ вражійхъ, и держать свой умъ въ непрестанной молитвѣ, и вкусимъ той духовной сладости; тогда соберутся и пребудутъ въ насъ всѣ три добродѣтели: вѣра, надежда и любовь; тогда и вселится въ насъ Святая Троица, Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ, Единный Богъ, Ему же слава во вѣки вѣковъ.

9. Еще, возлюбленное чадо и брате, поговорю тебѣ, яко юному сыну и недавно отрожденному въ Свѣтѣ Святой Соборной Православной Христовой Церкви. Хотя и самъ ты добръ знаешь Божественное и отеческое писаніе; но послушай меня, убогаго старца, и запиши слова мои на своемъ сердцѣ. Когда прійдетъ время, повѣдай и прочимъ, и не скрой даннаго тебѣ таланта

въ землю; но отдай его торжникомъ: пусть куплю дѣють. Блюдися чадо, да никтоже тя прельститъ; понеже нынѣ время зло есть: всюду ереси, всюду расколы, всюду раздоры церковные, всюду развратъ и роскошество умножились. А наипаче много ты всего увидишь и услышишь въ своемъ странствіи: ибо много ты пройдеши странъ и градовъ и народовъ, и со многими людьми имѣть будешь бесѣды: блюдися, да не подашь соблазна и повода къ злу, или къ разврату. А наипаче блюдися ересей и расколовъ, блюдися роскоши, блюдися ученія латинскаго и злоумудреннаго Папы Римскаго, того чермнаго змія, егоже хоботь отторже третію часть звѣздъ отъ церковнаго неба (Апок. 12, 3. 4.); блюдися его душепагубной уніи; блюдися сообщника древнимъ еретикамъ и послѣдователя мнѣнборцамъ, говорю—**Мартина Лютера**, иже возверже хулу и поруганіе на Святую Христову Церковь, на святыя иконы, на святыхъ угодниковъ Божіихъ и на инокескій чинъ. Еще блюдися злѣйшаго отродка сатаны діавола, сына геенны и явственнаго предтечи послѣдняго антихриста, иже пришелъ предуготовить ему мѣсто, говорю—того проклятаго **Волтера**, иже изблева свой злый ядъ и хулу на Всевышняго своего Творца и Бога и на Святую Христову Церковь и отъ Бога учиненную царскую власть, и основалъ себѣ гнѣздо въ томъ адскомъ днѣ—**Парижѣ**, откуда вся злая происходятъ на весь міръ, и откуда, какъ изъ бездны, исходятъ злыя звѣріе, и посядаютъ Христово стадо. Оттуда исходятъ всѣ бѣсовскія моды. Оттуда происходятъ ехидновы порожденія, злыя отродки проклятаго **Волтера**, масоны и вольнодумы, иже уловляютъ незлобивыя души и отвлекаютъ отъ Бога,

разстроиваютъ царства, возмущаютъ народное спокойствіе, и вооружаютъ противъ Бога. Охъ! увы! увы! не могу не плакать: сколько золъ отъ нихъ происходитъ! О Господи, соблюди и сохрани отъ нихъ Святую Свою Церковь! Спаси и помилуй Россійскаго Благочестивѣйшаго Царя во вѣкъ вѣка! Еще, чадо, блюдися волковъ, крѣющихся по лѣсамъ и по деревнямъ, и скрывающихся по градамъ, глаголю — раскольниковъ и разныхъ безтолковыхъ сектъ раскольническихъ; они не меньше западныхъ отступниковъ терзаютъ Христову Церковь, и отыгаютъ скверныя своя уста и ядъ хуленія на Святую Церковь и на ея Пастырей. Не имѣй дружбы съ развратными и не соблюдающими святыхъ постовъ. Не имѣй близкой дружбы съ женами: ибо онѣ весьма вредны нашему иноческому званію. Блюдися новопроникшей страсти къ табаку, весьма неприличной нашему иноческому чину и всему вообще духовному званію: ибо мы *свѣтъ міру*. *Аще свѣтъ будетъ тма, то тма колыми. Да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видѣтъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего Небеснаго* (Матѣ. 6, 23. 5, 14. 16.). Да не соблазнимъ ни *единаго отъ малыхъ сихъ*: горе тому, *имже соблазнъ приходитъ* (Матѣ. 18, 7). Крѣпко держися Святыхъ Соборныхъ Апостольскія Христовы Церкви Православныя. Она самимъ Христомъ Богомъ въ Іерусалимѣ основана, святыми Апостолами во всю вселенную пронесена и проповѣдана, святыми семью Вселенскими Соборами утверждена, мученическою кровію запечатлѣна, и святыми Отцами засвидѣтельствована. Слушай и почитай ея Пастырей: Святѣйшихъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ

и Епископовъ. Святая Церковь утверждена стоитъ на седми столбахъ — на седми Тайнахъ; ее утвердилъ самъ Христосъ сими словами: *на семь каменїи созижду Церковь Мою, и врата ада не одолютъ ей.* И обѣщался съ ней быть до скончанія вѣка, тако сказавъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка: аминь.* — Теперь иди съ Богомъ.» Выслушавъ сіи слова, я упалъ ему въ ноги и благодарилъ его за наставленіе. И еще сказалъ ему: «отче святыи, хотѣлъ бы васъ еще нѣчто спросить.» Онъ же сказалъ мнѣ: «послѣ; паки прійди ко мнѣ, и тогда согласишь, что нужно.»

10. Пришедши въ монастырь, я цѣлый почти мѣсяцъ ходилъ къ Архимандриту, и просился, да отпуститъ насъ; онъ же удерживалъ, а потомъ сказалъ: «Хотѣлъ васъ удержать, но уже не могу. Богъ васъ благословитъ! Идите съ Богомъ, и за меня тамъ помолитесь; я изготавлю вамъ на дорогу паспорта.» Мы же, получивъ благословеніе, вышли съ радостію. И я паки пошелъ къ отцу Іоанну въ пустыню, и сказалъ ему, что Архимандритъ съ любовію отпускаетъ. Онъ сдѣлался весьма радостенъ, и отъ радости много пролилъ слезъ, и я, смотря на него, много плакалъ. Потомъ взялъ меня въ свои объятія, и омочилъ слезами, и началъ говорить: «Теперь уже послѣдняя наша будетъ съ тобою бесѣда, и въ послѣдній разъ ты у меня въ гостяхъ; уже мы больше не увидимся другъ съ другомъ въ этомъ суетномъ мірѣ; паки говорю тебѣ: полетишь ты въ далекія страны, и облетаешь много странъ и народовъ, и много претерпишь напастей; но не изнемогай: подобасть бо намъ многими скорбями и напастями вникти

въ царствіе небесное; въ терпѣніи своемъ стяжи душу свою, и за враговъ своихъ молися, чтобы не поставилъ Господь имъ грѣха. А что хотѣлъ спросить, то спроси.» Я опять упалъ ему въ ноги, и началъ ему говорить: «Отче святыи, повѣдайте мнѣ жизнь свою: откуда вы родомъ? И гдѣ проживали прежде? И давно ли находитесь въ сей пустыни? И какую проходили и проходите жизнь? Да и азъ грѣшныи прииму пользу себѣ, и прославлю Отца Небеснаго.» Онъ же, воздохнувъ, заплакалъ, и началъ говорить слѣдующее: «Великое просилъ еси; что тебѣ повѣдаю, развѣ грѣхи моя? И въ чемъ похваляюся, развѣ въ немощахъ моихъ и въ повседневныхъ искушеніяхъ? И не повѣдалъ бы тебѣ, но боюся, да не уподоблюся рабу, скрывшему талантъ Господина своего. Еще за то повѣдаю, что много ты послужилъ моей старости, и много тебя люблю. Повѣдаю не ради тщеславія и славы человѣческой, но славы ради Божіа. Еще и потому, что близко моя кончина; да еще и ты идешь въ далекія страны; но пока будешь слышать, что я живъ, то никому не повѣдай; когда же помру, тогда какъ знаешь. Послушай теперь.

11. Я родомъ великороссіянинъ, изъ самой внутренней Россіи; отъ какого рода, того тебѣ знать не нужно. Отъ юности моя возлюбилъ я Господа моего Іисуса Христа. Отъ юности усмотрѣлъ суету и непостоянство міра сего, краткость настоящей жизни и безконечность будущей, и размыслилъ, что кто на семъ свѣтѣ послужитъ и поработаетъ Господу Богу, тотъ спасетъ душу свою, наслѣдуетъ вѣчное блаженство, а кто согрѣшитъ и прогнѣваетъ Господа Бога, тотъ долженъ принять вѣчное мученіе, и потому раз-

судилъ поработать Господеви своему безъ всякихъ препятствій отъ суетъ міра сего, оставилъ все, и послѣдовалъ Христу съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ. Прежде странствовалъ по російскимъ монастырямъ, и во многихъ монастыряхъ слышалъ о великомъ старцѣ Паисіи и его великихъ подвигахъ, о великомъ его богособранномъ стадѣ и о прочихъ молдавскихъ отцахъ, и о старцѣ Онуфріи, который въ сей пустыни препроводилъ жизнь свою и скончалъ животъ свой. И я предпринялъ путешествіе, и достигъ Молдавіи и великой обители Нямецкой.

12. Здѣсь я увидѣлъ великаго старца Архимандрита, отца Паисія, и святолѣпныя его сѣдины, и Богомъ собранное его великое полчище. Его учениковъ уже было около тысящи. И я припалъ къ стопамъ его, и началъ его просить, да прииметъ меня въ свою святую обитель, и причислитъ къ своему стаду. Онъ же съ любовію принялъ меня, и причисливъ въ братство, далъ мнѣ келлію, назначилъ послушаніе, и поручилъ меня духовнику. Онъ всѣхъ приходившихъ и желавшихъ съ нимъ жить принималъ, хотя старшіе нѣкіе изъ братій и скорбѣли, ибо терпѣли недостатки тѣлесныхъ потребъ; но онъ всегда говаривалъ братіи: «Азъ грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ; прибылъ братъ, прибыла и молитва. Пошлетъ Богъ и на него пищу.» И я грѣшный началъ жить въ томъ богособранномъ его стадѣ, и наслаждаться его богомудренными наставленіями, и утѣшаться, смотря на его благолѣпныя сѣдины.

13. Старецъ Паисій всѣхъ училъ, всѣхъ утѣшалъ, всѣмъ съ отеческою любовію наказывалъ не разрушать общежитія, имѣть совершенное послушаніе и

смирение, отсѣкать свою волю, и внушалъ, чтобы всѣ повиновались одинъ другому, и почитали одинъ другаго земнымъ поклономъ, чтобы всякій имѣлъ ступаніе кротко, руцѣ согбенныя къ персямъ, голову наклоненную, очи потуплены въ землю, сердце горѣ къ Богу, а умъ въ безпрестанной Иисусовой молитвѣ; и чтобы во всѣхъ была любовь нелицемѣрная. А наипаче старался во всякомъ посѣять и углубить божественное сѣмя, сердечное дѣланіе, умную и безпрестанную молитву Иисусову. И была тогда Немецкая обитель яко рай, Богомъ насажденный: всѣ во единомысліи и любви работали Господу своему; было совершенное общежитіе и любовь во всѣхъ, и была во всѣхъ яко единая душа; всякъ проходилъ свое послушаніе со смирениемъ, безъ роптанія, всѣ съ любовью взирали на пастыря своего и предводителя, и утѣшались его лицезрѣніемъ и бесѣдою, и его святолюбными сѣдинами: ибо онъ всѣмъ былъ образъ и примѣръ своею смиренною жизнію. Но сколько онъ былъ смиренъ и кротокъ, столько былъ и строгъ: за малое какое-либо безчиніе строго взыскивалъ. Въ одно время шелъ по монастырю одинъ послушникъ, и неблагочинно руками размахивалъ, и очами сѣмо и овамо озирался. Старецъ смотрѣлъ въ окно, и постороннихъ спросилъ: «какого духовника этотъ послушникъ?» Они ему сказали. Онъ же призвалъ духовника, и сдѣлалъ ему строгій выговоръ, и сказалъ: «Такъ ли ты наставляешь учениковъ своихъ? Они безчинствуютъ и соблазняютъ братію. Монахъ долженъ быть во всемъ монахъ: ступаніе кротко, руцѣ къ персямъ, очи въ землю, голову наклонну, каждому встрѣчающемуся дѣлать поклоненіе, іеромонаху или

монаху—до земли, равному себѣ—въ поясъ. Ты скажешь, что онъ еще не монахъ; но кто живетъ въ монастырѣ, постриженъ ли или не постриженъ, всѣ должны наблюдать монашество, и брать со старшихъ примѣръ. За это обонимъ вамъ съ ученикомъ даю канонъ — три дня въ трапезѣ творить поклоны, да и прочіе накажутся не дѣлать безчинства.» Еще онъ строго наблюдалъ, чтобы крестились правильно: кто неистово, или съ небреженіемъ, изображалъ крестное знаменіе на лицѣ своемъ, того весьма строго наказывалъ, и всегда говаривалъ: «кто неистово изображаетъ крестное знаменіе, того маханію бѣси радуются.» Также наблюдалъ великое благочиніе и въ церкви: всегда самъ обходилъ всю братію, чтобы всѣ стояли чинно, со страхомъ и трепетомъ, и наблюдали всѣ поклоны, а наипаче на клиросахъ и за чтеніемъ, чтобы ни единого поклона не опустили: на *Святый Боже*, на *прїидите поклонимся* и на *аллилуїа*. И весь чинъ и уставъ и напѣвы содержалъ св. Горы Аѳонскія. Табакъ строго запрещалъ употреблять; а кто не исправлялся, того изъ монастыря выгонялъ. Ересей и расколовъ столько опасался, что всѣхъ обращающихся, какъ отъ раскола, такъ и отъ западныхъ латинскихъ ересей, крестилъ, что и до-нынѣ содержитъ молдавская Церковь. Явную онъ показалъ ревность по благочестію тѣмъ, что когда онъ жилъ съ братіею въ монастырѣ Драгомириѣ, и послѣ военныхъ временъ отшелъ его монастырь вмѣстѣ съ Буковиною подъ австрійское владѣніе, то онъ оставилъ монастырь свой со всѣми богатствами, движимыми и недвижимыми, и перешелъ въ Молдавію, и сказалъ своей братіи: «Отцы и братія, кто хочетъ послушать и

послѣдовать своему старцу , грѣшному Паисію , тотъ да грядетъ со мною , а оставаться въ Драгомирнѣ благословенія никому не даю : ибо въ еретическомъ дворѣ жить, ересей убѣжать не возможно. Папа Римскій яко левъ рыщетъ и по другимъ царствамъ , и ищетъ кого поглотити ; не даетъ покою и въ турецкомъ царствѣ , и всегда смущаетъ и оскорбляетъ Св. Восточную Церковь , а колыми паче въ австрійскомъ владѣніи онъ живыхъ поглотить.» И тако со всѣмъ своимъ стадомъ ушелъ въ Молдавію. Молдавскій Господарь, видя его ревность по благочестію, далъ ему вмѣсто одного два монастыря : 1-й — Сѣкуль во имя Іоанна Предтечи, а потомъ и Нямецъ во имя Вознесенія Господня. Старецъ Паисій всегда поучалъ братію блюстися ересей и расколовъ , во всемъ повиноваться Святѣйшимъ Восточнымъ Вселенскимъ Патріархамъ , и почитать ревнителей по благочестію: Святѣйшаго Фотія Патріарха Константинопольскаго и блаженнаго Марка Митрополита Ефесскаго , подвизавшихся противъ Папы Римскаго. Но я не много наслаждался его медоточнаго ученія , только два года; и не сподобился постричься отъ него въ полное монашество , а сдѣланъ отъ него только рясофорнымъ. Потомъ всѣ вдругъ приуныли и заскорбѣли, услышавши, что старецъ боленъ; все сдѣчалось мрачно и печально. Вскорѣ всѣмъ дана была повѣстка , чтобы всѣ были къ Литургіи. И всѣ слетѣлись , яко орлы, такъ что не могла вмѣстить церковь. Вотъ идетъ и старецъ , поддерживаемый двумя духовниками. Всѣ братія возрадовались , увидавши его святолѣпныя сѣдины, и всѣ поклонились ему до земли; онъ же прошелъ прямо въ алтарь, и во время причастія присту-

нилъ къ Божественнѣй трапезѣ, и причастился Св. Тайнъ Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи всталъ на свою кафедру, и всѣмъ повелѣлъ подходить подѣ благословеніе: со всѣми простился, и пошелъ въ келлію свою, и уже никого болѣе къ себѣ не принималъ. Черезъ мало дней услышали плачевную вѣсть, что скончался старецъ. Послышались плачь и рыданіе братіи, яко лишились своего старца, отца и наставника. Послѣ трехъ дней похоронили его въ соборной церкви Вознесенія Господня, и остались сиротами. Потомъ по совѣту всей братіи избрали другаго начальника, единого отъ учениковъ его, духовника Софронія, который постригъ меня въ мантию. Года черезъ два начали измѣняться отца Паисія общежительные уставы и правила, и отъ того сдѣлалось въ монастырѣ смущеніе, чрезъ что нашихъ русскихъ семьдесятъ человѣкъ ушли въ Россію; въ числѣ ихъ былъ знаменитый старецъ отецъ Ѳеодоръ, о которомъ я слышалъ, что онъ претерпѣлъ много скорбей, и скончался въ монастырѣ Александра Свирскаго.

14. Я же грѣшный пошелъ во св. Аѳонскую Гору, чая тамъ возрастить Божественное сѣмя, которое посѣялъ во мнѣ старецъ Паисій. И дойдя по морю благополучно, вселился тамъ въ пустынной келліи, на мѣстѣ, называемомъ Лакъ, и прожилъ тамъ почти два года; пропитывался отъ рукодѣлія, работалъ ложечки. Потомъ наступили смутныя времена, настали войны, пришли разбойники на Св. Гору, и начали творить много пакости. Я окаянный не могъ терпѣть, и паки по морю возвратился въ Молдавію, въ свою обитель.

15. Но вкусивъ пустыннаго, сладкаго паче меда, безмолвія, испросилъ себѣ келлію внѣ монастыря.

Отецъ Архимандритъ съ духовникомъ хотѣли меня хиротонисать во іеродіакона. Но я боялся принять сей санъ, дабы не отучиться мнѣ отъ умной и безмолвной молитвы; просилъ оставить меня на безмолвіи, но они усиливались меня принудить. Я, видя ихъ намѣреніе, отсѣкъ себѣ персть десныя руки, и отъ того часа оставили меня, и прозвали «безпалымъ.» И началъ я жить въ безмолвной келліи и проходить нѣкоторыя монастырскія послушанія; и часто посѣщалъ одного пустынножителя схимонаха Платона, ученика старца Павсія, и наслаждался съ нимъ духовными бесѣдами. И прожилъ въ той келліи пять лѣтъ. Но наскучила мнѣ молва, бываемая на послушаніи, и началъ во мнѣ угасать свѣтильникъ Божественнаго свѣта. Тогда началъ я просить Архимандрита, да отпустить и уволить меня въ глубочайшую пустыню,—въ Покровскій скитъ, къ отцу Платону. Онъ же отказалъ, говоря: «ежели мнѣ васъ такихъ молодыхъ отпускать въ пустыню, то не кому ходить и на послушаніе.»

16. Азъ же изъидохъ плачася, и началъ со скорбію помышляти: какое я собралъ богатство во св. Горѣ Аѳонской, — здѣсь все расточилъ! Пойду паки въ Св. Гору, и тамъ скончаю животъ мой. И пошелъ къ отцу Платону, и открылъ ему свой помысль. Онъ же сказалъ мнѣ: «Иди во Св. Гору, и еще поживи тамъ, да паки приходи сюда; и здѣсь уже тебя успокоють. И тогда будемъ жить вмѣстѣ, и похоронишь грѣшное мое тѣло; а хотя бы и желалъ остаться тамъ до смерти, но по неволѣ выйдешь.» Я поклонился ему, и пошелъ къ Архимандриту, и началъ его просить, да отпустить меня паки во св. Гору Аѳонскую,

и сказалъ ему, что теперь время утихло: а я и тогда оттуда вышелъ за смущеніе. Онъ же съ любовію отпустилъ меня. И я отправился въ путь паки по морю, чрезъ Константинополь; паки достигъ во Св. Гору Аѳонскую; паки вселился въ пустынную келію; паки началъ ложечки работать, и безмолвіе проходить, и много радовался и веселился, яко паки сподобился достигнуть тихаго и небурнаго пристанища, св. Горы Аѳонскія.

17. Въ одинъ день проходя съ своимъ руководіемъ мимо Иверскаго монастыря, сподобился я видѣть святѣйшаго Патріарха Григорія Константинопольскаго, который проживалъ тогда въ Иверскомъ монастырѣ на покоѣ, послѣ замученъ былъ турками, и погребенъ въ Россіи, въ градѣ Одессѣ. Когда я увидѣлъ его сѣдшаго у вратъ монастырскихъ съ двумя діаконами, сѣдинами украшеннаго, вострепетала душа моя, и возрадовалось сердце мое, и позналъ я, яко Патріархъ есть. И скоро скинулъ съ себя торбу, и бросился къ его ногамъ. Діаконы мнѣ сказали, что это Патріархъ. Онъ благословилъ меня; я поцѣловалъ руку его; а онъ меня въ голову поцѣловалъ, и сказалъ мнѣ: «что, отче, хочешь?» Я сказалъ ему: «хочу, да Ваше Святѣйшество возьметъ отъ моего худаго руководія.» Онъ приказалъ принести; я выбралъ десятокъ ложечекъ, и подалъ ему. Онъ же выбралъ только три, а прочія назадъ отдалъ. Я просилъ, дабы всѣ взялъ; онъ же сказалъ: «довольно во имя Святыя Троицы; что еще желаешь?» Я сказалъ: «желаю, чтобы Ваше Святѣйшество прочитали мнѣ разрѣшительную молитву.» Онъ же повелъ меня въ свою келію, надѣлъ на себя омофоръ, и прочиталъ молитву, и сказалъ: «и ты, отче,

моли Господа Бога за мя грѣшнаго.» Азъ же падохъ ему на возѣ, и благодарихъ его. Онъ же благословилъ, и отпустилъ меня.

18. Прожилъ я три года во св. Горѣ, и паки настало смущеніе; паки умножились разбойники; паки всюду страхъ и трепеть. Монастыри всѣ заперлись, на келліяхъ всюду скорбь и горе. Терпѣлъ полгода, — помышлялъ, что скоро пройдетъ; однако, часъ отъ часу было хуже, и я болѣе не стерялъ, заплакалъ, и простился съ св. Горой Аѳонской. Оттуда отправился въ Царь-Градъ по морю. Въ Царь-Градъ былъ у другаго Патріарха, который находился на престолѣ, и отъ него сподобился получить благословеніе, и онъ прочиталъ надо мною молитву. Изъ Царь-Града я отправился на корабль, и много на Черномъ морѣ были обуреваемы, вмагъ не потонули: цѣлый мѣсяцъ носило насъ по морю, и каждый почти часъ ожидали смерти, и пищи уже не имѣли. Потомъ занесло насъ въ Анатолію, и пристали къ одной горѣ, и благодарили Бога.

19. Здѣсь сказали мнѣ греки-корабельщики: «Отче, теперь, слава Богу, пристали къ Преподобному Григорію! Пойдемъ и поклонимся св. мощамъ его.» Я спросилъ: какого Григорія? Они сказали: «ученика св. Василія Новаго, которому были великія откровенія; онъ по смерти св. Василія удался въ сію пустыню, и здѣсь скончалъ животъ свой, и здѣсь погребено тѣло его.» Я весьма обрадовался, и просилъ ихъ, да ведутъ меня къ нему. Они взяли ладану и масла, и меня съ собою посадили, и пріѣхали ко берегу, и пошли на гору, а потомъ въ пещеру великую. И шлп пещерой далеко, и пришли якобы къ

церкви: посреди сдѣлана гробница, и висить одна лампада. Греки сказали мнѣ: здѣсь спасался святой Григорій, подѣ сей гробницей погребено тѣло его. Потомъ налили въ лампаду масла и зажгли, и накали ладаномъ, помолились и приложились ко гробу, и просили угодника Божія, чтобы управился путь нашъ благополучно; потомъ поѣхали на корабль, и Богъ далъ добрый вѣтеръ, и пристали къ одному селу; купивъ здѣсь себѣ пищи, паки отплыли, и въ скоромъ времени прибыли въ Молдавію.

20. И такъ паки возвратился я въ свою обитель, паки приняла меня съ любовію, и уволила въ безмолвный скитъ Покровскій, и вселился близу отца Платона, и сталъ его имѣть другомъ и совѣтникомъ; началъ во всемъ ему подражать, и отъ него пользоваться. Въ то время онъ уже переплылъ страстное море, и достигъ тишайшаго пристанища, сладчайшаго безмолвія. Монастырь Нямецъ не одинъ, но еще подѣ собою имѣетъ другой монастырь, называемый Съкулъ, и много скитовъ, и во всѣ опредѣляются братія отъ монастыря Нямеца, и пища всѣмъ посылается отъ монастыря Нямеца, а одежду добываютъ сами, и всѣ занимаются разными рукодѣліями, и отдаютъ въ монастырь, и за то получаютъ потребное. Отецъ Платонъ во всю свою жизнь писалъ книги; а я работалъ ложечки. Вскорѣ я постригся въ великую схиму, и оставили меня въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, и совершенно обезпечили всѣми тѣлесными потребамъ. И я благодарилъ Господа моего, яко сподобился такое спокойствіе получить.

21. И прожили въ такомъ житіи съ отцемъ Платономъ болѣе двадцати лѣтъ. Каждые пять дней си-

дѣли въ келліи за рукодѣліемъ, въ молчаніи и въ храненіи умной молитвы. Каждую субботу ходили въ соборную Церковь, и причащались святыхъ Тайнъ Тѣла и Крови Христовой. Также каждую недѣлю и великіе праздники ходили на всенощное бдѣніе. Пищу употребляли единожды въ день, простую и не мастящую; среду же и пятокъ постились. Каждый годъ на всю святую Четыредесятницу затворялись мы въ келліяхъ: заготовимъ себѣ сухарей и воды, запремъ окна и двери, и сидимъ едины со единымъ Богомъ до субботы Лазаревой. Только каждую субботу приходилъ духовникъ со святыми Тайнами и причащалъ насъ.

22. Послѣ двадцати лѣтъ отецъ Архимандритъ съ братіею упросили насъ, чтобы перешли поближе къ монастырю, ради пользы прочихъ братій. Хотя намъ и показалось тяжело разлучиться съ возлюбленною и тихою нашею пустынею, но была воля Божія. И паки дали намъ безмолвныя келліи внѣ монастыря. И начали жить по первому пустынному уставу. Мнѣ, слава Богу, было спокойно: а къ отцу Платону пошли всѣ братія, и не были двери у его келліи затворены; но отверсты всякому приходящему. И дана была премудрость, еже пользоваться всякаго. И потекла изъ устъ его яко рѣка изобильная. И я часто посѣщалъ его, и не могъ никогда до сытости насладиться его бесѣдою. Егда же настала святая Четыредесятница, паки мы затворились; егда же пришла суббота Лазарева; тогда пошли въ соборъ на Литургію. Отецъ Платонъ шелъ впереди одинъ, а мы съ братіею позади. Въ сіе время сдѣлался отъ главы отца Платона до небесъ бѣлый столпъ. Мы всѣ это видѣли, и пали на землю. Егда же востали, отецъ Платонъ взошелъ уже во

врата монастырскія. Мы за нимъ пришли въ церковь, и поклонились ему до земли. Онъ же сказалъ : « Чтò вы, братія, мнѣ кланяетесь? Это чудо Богъ показалъ не ради меня , но ради васъ. Видите , какъ Господь Богъ прославляетъ работающихъ Ему! Работайте Господу отъ всея души своея , и васъ Господь прославить, аще не въ семь вѣщъ , то въ будущемъ нескончаемомъ.» Отецъ Платонъ также всѣхъ училъ побѣждать страсти, проходить совершенное послушаніе и отсѣкать совершенно свою волю , быть смиреніемъ ниже всѣхъ , любовь имѣть ко всѣмъ нелицемѣрную ; а наипаче , очищать внутренняго чловѣка, и держать безпрестанную уиную молитву. Такъ прожили десять лѣтъ. Потомъ покинулъ насъ отецъ Платонъ : преставился , и отъиде на вѣчную жизнь къ сладчайшему своему Господу Іисусу , Котораго отъ юности возлюбилъ, и съ Которымъ умомъ всегда бѣсѣдовалъ; уже тамо пошелъ зрѣти Его лидемъ къ лицу, а намъ сотворилъ велій плачь , яко оставилъ насъ сырыхъ на семь свѣтѣ, однихъ братися со страстями и со врагомъ діаволомъ. Потомъ похоронили его со слезами и съ рыданіемъ, и остался я единъ.

23. Послѣ отца Платона всѣ братія обратились ко мнѣ, съ своими скорбями и немощами : кто не доволенъ пищею, кто отягощенъ послушаніемъ, кто другимъ чѣмъ. А отъ чего это произошло? Отъ того, что изсякла любовь, и разорили общежитіе. Я началъ говорить начальникамъ, чтобы всѣхъ покоили, чтобы всѣхъ равно любили. Они же на словахъ во всемъ слушали, но не на дѣлѣ. Братія же плачутъ , всегда меня беспокоютъ, даже до конца разорили и безмолвіе мое. И началъ я помышлять, чтò сотворю : аще

мнѣ жить здѣсь, то братію надобно до конца любить, и душу свою за нихъ положить; надобно пострадать, а исправить уже невозможно; аще удалиться: какъ бы Бога не прогнѣвать тѣмъ, что себѣ одному буду искать покоя, а братію оставляю скорбѣть безъ всякаго утѣшенія, а больше той любви нѣтъ, какъ положить душу свою за брата своего; а происходятъ скорби отъ того, что разорили общежитіе, а установить уже трудно; разорили скоро, возстановить много трудности.

24. Трижды прїѣзжалъ Митрополитъ Веніаминъ съ тѣмъ, чтобы устроить общежитіе, и меня къ себѣ призывалъ: но не могли ничего сдѣлать. Старшіе братія ни какъ не захотѣли. Я просилъ Митрополита, чтобы уволилъ меня изъ монастыря Немеца въ монастырь Ворону, въ пустынную сію келлію великаго старца и пустытника Онуфрія, да и азъ тамо въ тишинѣ и въ безмолвіи препровожду остальные дни жизни моей, и тамо скончаю животъ мой. Нынѣ уже, Владыко, каждый спасая да спасетъ свою душу. Онъ заплакалъ и сказалъ мнѣ: «Хотѣлось, отче Іоанне, чтобы ты здѣсь пожилъ, и поддержалъ братію, утѣшалъ скорбящихъ, пользовалъ немощныхъ; но впрочемъ удерживать тебя боюсь, да не оскорблю тебя. Господь тебя благословитъ; иди, и молись и за мя грѣшнаго Веніамина. И я весьма желаю оставить свою кѣедрю, и на покоѣ, въ тишинѣ и въ покаяніи, препроводить остальные дни жизни моей, и скончаю животъ мой. Я болѣе сорока лѣтъ Митрополитомъ, управляю молдавскою кѣедрою, и много всякихъ искушеній со мною случалось: дѣла наши великія. Многожды не случалось князя, и я самъ управлялъ

всею Молдавією. Кто поживетъ, и не согрѣшитъ противъ Бога и противъ ближняго? Давно имѣю желаніе оставить все, и плакаться грѣховъ моихъ; но обстоятельства не позволяютъ. Сколько лѣтъ строю соборъ, а окончить не могу! Хотѣлось бы мнѣ самому его освятить; но уже, видно, не сподоблюсь: ибо силы мои уже изнемогаютъ.» А я ему сказалъ: Владыко святой, уже собору намъ съ тобой не святить, а надобно болѣе позаботиться о внутреннемъ нашемъ соборѣ, чтобы его добрѣ устроить; а спокойствіе получишь только на малое время. И тако простились съ нимъ (*). Азъ же проводивши Митрополита, отправился въ монастырь Ворону, и принялъ меня Архимандритъ Рафаилъ съ любовію, и отпустилъ въ сію пустыню, и успокоилъ меня пищею. Спаси его, Господи! И живу уже здѣсь четвертый годъ, подобно какъ въ раю, во всякомъ спокойствіи и тишинѣ, единъ со единымъ Богомъ. И каждую субботу хожу въ монастырь, и причащаюсь святыхъ Таинъ, и паки стремлюсь въ сію пустыню.»

25. Послѣ сихъ словъ я палъ отцу Іоанну въ ноги, и со слезами началъ ему говорить: «отче святой! прости мя грѣшнаго; повѣдай мнѣ и ничтоже утаи отъ меня о таинствахъ твоего безмолвія: и какіе оно принесло тебѣ плоды, и какими Господь награждалъ

(*) Сей Митрополитъ Веніаминъ много сдѣлалъ благотворенія во святую Гору Аѳонскую, въ общежительный монастырь Есфигменъ, и въ немъ сталъ Ктиторомъ. Послѣ удался на покой въ Карпатскія горы, въ монастырь Слатинъ, и тамъ преставился съ миромъ, въ 1847 году, уже послѣ отца Іоанна. А соборъ и до-днесь стоитъ не освященъ.

тебя дарами?» Онъ же весь наполнился слезъ, и сказалъ : « Что мя вопрошаеши ; чадо, яже выше мене? Остави нынѣ о томъ вопрошати, но иди, съ Богомъ, во святую Аѳонскую Гору, и старайся очищать внутренняго челоуѣка молитвою; и егда уязвится сердце твое любовію Христовою, тогда самъ познаешь, коль есть добро быти съ Богомъ.» Но я слезно умолялъ, да повѣдаеть мнѣ хотя мало нѣчто. И онъ со слезами сказалъ мнѣ: « Послушай меня грѣшнаго; исповѣмъ тайну; но пока я живъ, сохрани ее. Открою тебѣ часть моего богатства, да не скроеши его, но егда будетъ время, то и инымъ подаси. Послушай: по приходѣ моемъ въ Немецкій монастырь, услышавши отъ старца Паисія объ умной молитвѣ, началъ я испытывать старца Паисія: какъ ее начать, и какъ преуспѣвать въ ней? И началъ дѣломъ испытывать. И она столь мнѣ сладка показалаь, что паче всего міра возлюбилъ ее: и оттого бѣгалъ братій, любилъ молчаніе, часто удалялся въ пустыню, бѣгалъ всѣхъ соблазновъ, а наипаче празднословія. Того ради путешествовалъ дважды въ Святую Гору, изнурялъ себя послушаніемъ, трудами, постомъ, поклонами и всенощнымъ стояніемъ, да стяжу умную безпрестанную молитву. Ея ради часто затворялся въ келліи, и всѣ силы мои истощевалъ ея ради; изнурялъ себя даже до изнеможенія. И когда препроводилъ такъ многія лѣта, по-малу начала она во мнѣ углубляться. Потомъ, когда жили мы въ скиту Покровскомъ, тогда постѣтилъ меня Господь за молитвы отца Платона. Осѣнила сердце мое неизреченная радость, и стала дѣйствовать молитва; и столь усладила меня, что и спать мнѣ не даетъ: усну въ сутки одинъ часъ, и то сидя;

и пакъ встаю, якобы никогда не спалъ; и хотя сплю: а сердце мое бдитъ. И начали отъ моливъ и плоды прозябать. Воистинну, чадо, *царствіе небесное внутри насъ есть*. Родилась во мнѣ любовь ко всѣмъ неизреченная и слезы: аще хощу, — плачу безпрестанно. И столь сладостно мнѣ сдѣлалось Божественное Писаніе, а наипаче Евангеліе и Псалтирь, что не могу насладиться, и каждое слово приводитъ въ удивленіе и заставляетъ много плакать. О Боже! *безвѣстная и тайная премудрости Твоя явилъ ми еси*. Часто становлюсь съ-вечера читать Псалтирь или молитву Иисусову, и бываю въ восхищеніи, внѣ себя, не знаю гдѣ: аще въ тѣлѣ, аще внѣ тѣла, — не вѣмъ; Богъ вѣсть; только, когда прихожу въ себя, уже разсвѣтаетъ. Но и дадеся мнѣ *пакостникъ плоти, да мнѣ пакости дѣлетъ, да не превозношуся*. Никакъ не могу быть съ народомъ, а наипаче съ мірянами; а съ женами не могу и говорить: уже болѣе сорока лѣтъ, какъ въ Молдавіи не бывала жена въ моей келліи; хотя и многія желали со мною побесѣдовать; но я отказывался тѣмъ, что немоществую. Еще много претерпѣлъ искушеній и оскорбленій отъ врага діавола; и до-нынѣ еще не отступаетъ. Еще тебѣ скажу: теперь уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ я удалился изъ Россіи, но не могу ея забыть; весьма ее люблю, а наипаче благочестивыхъ Россійскихъ Царей; и всегда въ молитвахъ за нихъ проливаю слезы, да сохранить Господь Богъ державу царствія ихъ во вѣкъ вѣка. Хотя и влзаетъ въ Россію отъ запада лютые волки терзать Христово стадо, но Господь спасетъ и сохранитъ ее отъ нихъ. Еще скажу тебѣ, что любилъ и до-днесь люблю читать книги, а наипаче Евангеліе,

Псалтирь и Исаака Сирина, и Добротолюбіе, и прочихъ книгъ имѣю довольно, но всѣ лежать въ монастырѣ; денегъ же себѣ не стяжевалъ, ниже отъ кого бралъ, кромѣ книгъ. Теперь прости меня, что ты такъ много принудилъ меня глаголати. Пойдемъ въ монастырь, и я тамъ ночую, и васъ провожу завтра.» И пошли въ монастырь.

26. Сей старецъ Іоаннъ скончался послѣ насъ чрезъ четыре года. Росту онъ былъ средняго, волосы на главѣ посѣдѣлые, бѣлые, брада не большая, бѣлая; и такъ былъ сухъ, что крови и мяса не примѣтно, кромѣ кожи и костей; лицомъ свѣтелъ и веселъ, и всегда очи его были наполнены слезъ, и никогда ничего не могъ говорить безъ слезъ. Слово его было тихое, мягкое и кроткое, трогательное, такъ что могъ всякаго заставить съ малыхъ словъ плакать; на ходьбѣ былъ легокъ; пищи употреблялъ мало, лакомства отнюдь никакого не имѣлъ; всѣхъ училъ и наставлялъ наипаче терпѣнію, послушанію, посту, смиренію и любви; нѣкоторыхъ—и созерцательному богомыслію, но не всѣхъ; а наипаче всѣмъ внушалъ, чтобы истово ограждали лице свое крестнымъ знаменіемъ. Табакъ же употреблять всѣмъ воспрещалъ: а кому дважды, или трижды внушалъ, и тотъ не покидалъ, того уже больше къ себѣ не принималъ. Еще много плакалъ и соболизновалъ о тѣхъ, которые не соблюдаютъ святыхъ постовъ, среды и пятка, и говорилъ: «тѣ люди, которые самопроизвольно не сохраняютъ святыхъ постовъ, живы тѣлесами, а душами померли; ибо навлекаютъ на себя клятву соборовъ и всѣхъ святыхъ отецъ.» И запрещалъ съ ними и дружбу имѣть. Сподобился я грѣшный послужить такому старцу почти

годъ. Каждую недѣлю носилъ ему пищу и вся потребная. Хотя и самъ онъ каждую субботу приходилъ въ монастырь, но никогда самъ ничего не бралъ: потому что онъ такъ быстро уходилъ, что какъ скоро причастится, то и бѣжитъ, пока братія еще въ церкви; въ трапезу же никогда не ходилъ, и не дожидался ея. Часто случалось мнѣ просиживать съ нимъ по дню, и наслаждаться его бесѣдою; и о многихъ спрашивалъ у него недоумительныхъ вещахъ, и получалъ отъ него разрѣшеніе, о чемъ скажу въ другомъ мѣстѣ; а теперь довольно есть.

27. Пришедши съ отцемъ Іоанномъ въ монастырь, ночевали, а поутру пошли мы съ товарищемъ, братомъ Никитою, къ Архимандриту, и получили отъ него паспорта и благословеніе. Онъ напоследокъ сказалъ намъ: «ежели тамъ не найдете спокойной жизни, то паки приходите ко мнѣ: я съ любовію приму.» Мы же благодарили его за привѣтствіе. Потомъ пошли въ церковь, помолились Господени и Божіей Матери, и взяли сумочки свои, и отправились въ путь, Сентября 28 дня, 1839 года. Отцы пошли насъ провожать: отецъ Іоаннъ пустынникъ и духовникъ Антоній, и отецъ Макарій, который теперь въ скиту Геосиманія, и прочихъ болѣе двадцати отцевъ, и проводили насъ болѣе пяти верстъ, и всѣ мы горько плакали, простились, и разстались. Братія возвратились въ монастырь Ворону, а мы пошли во святую Аѳонскую Гору, радуящися и веселящися. И пошли внизъ по рѣкѣ Серету. Переправившись на правую сторону Серета, шли два дня, и пришли въ градъ Романъ, и тамъ переплыли рѣку Молдаву, впадающую въ Серетъ. И пройдя еще одинъ день, прибыли въ градъ Бакевъ, и

тамъ переправились чрезъ рѣку Быстрицу, впадающую въ Серетъ. Оттуда на третій день пришли въ градъ Фокшаны, и тамъ подписали намъ паспорта, и мы перешли границу, и вступили во Влахійское княжество. Градъ Фокшаны—вполовину молдавскаго владѣнія, а вполовину влахійскаго.

28. Отъ Фокшанъ на два дня ходу, во Влахійскомъ княжествѣ, въ Карпатскихъ горахъ, есть великій русскій общежительный монастырь Мерлополяны, гдѣ жилъ великій старецъ Василій, старецъ старца Папсія Величковскаго. Сказывали намъ, что монастырь великъ и богатъ, и братій въ немъ довольно, а женамъ входу нѣтъ; и живутъ больше малороссіане. Но мы въ него не заходили: боялись, дабы не захватила зима; и пошли прямо къ рѣкѣ Дунаю.

29. Отъ Фокшанъ шли три дня, и пришли въ градъ Браиловъ, стоящій на берегу Дуная, и тамъ замедлили два дня. Въ Браиловѣ живетъ много русскаго народа, купцовъ и жителей: портовой градъ Влахійскаго княжества, великъ и прекрасенъ. И намъ тамъ во многихъ мѣстахъ подписывали паспорта. Потомъ отворили намъ врата, и выпустили насъ въ карантинъ на турецкую страну, и мы съ турками въ легкой лодкѣ переправились чрезъ великую рѣку Дунай въ турецкую державу.

30. Переплывъ Дунай, пришли въ градъ Мачинъ. Отъ Браилова до Мачина три часа (15 верстъ). И тамъ турки подписали намъ паспорта прямо во святую Аѳонскую Гору, сухимъ путемъ: по морю мы не шли съ чѣмъ плыть. Здѣсь мы увидѣли ужасное зрѣлище: какое здѣшніе христіане несутъ тяжкое иго турецкое, какое терпитъ притѣсненіе Христова Цер-

ковъ ! Прїидите , вси христілюбцы , восплачїтєся и възрыдайтє , и пролєйтє источники слєзъ : како невѣста Христова изгнана изъ града , стоить єдина въ пустынѣ , поругана и оборвана , еще на-половину и обнажена : церковь стоить внѣ града , на подобїе анбара , сдѣлана изъ досѣкъ , вымазана глиной , покрыта камышемъ , и одна страна раскрыта ; нѣтъ ни креста , ни колоколовъ ; и о семъ мы горько плакали . Во градѣ же христіане весьма добрые и страннопрїимные ; весьма были рады , что мы пришли къ нимъ дѣлать ихъ скорби и игѣ турецкое . Начали мы ихъ спрашивать : « почему въ такомъ бѣдномъ состояніи находится у нихъ святая церковь , и стоить внѣ града ? » Они со слезами намъ отвѣчали : « И то , слава Богу , что есть ; и ту караулимъ : того и глядимъ , что турки сожгутъ ; въ прочихъ мѣстахъ и такой нѣтъ . Здѣсь турки — злые : у насъ одинъ купецъ хотѣлъ покрыть церковь , а его повѣсили ; а въ Бабадагѣ и церковь сожгли . Заступитъ же за насъ некому : Султанъ далеко ; а здѣсь паша что хочетъ , то и дѣлаетъ ; владыка грекъ , въ наши дѣла не входитъ , и насъ не защищаетъ . И мы весьма тяжкое несемъ иго турецкое . Вотъ сами посмотрите на наши бѣдствїя ! » Вирочемъ упокоили насъ пищею и питїемъ такъ , что еще насъ нигдѣ такъ не угостили , нѣ въ Молдавіи , ни во Влахиі , — хотя сами живутъ и подъ игомъ турецкимъ .

31. Сїи христіане , называемые Ромыни , одежду носятъ болгарскую , а говорятъ языкомъ влахїйскимъ . Мы ихъ распросили о пути во святую Аѳонскую Гору , и они намъ рассказали : « Отсюда два пути во Святую Гору : одинъ путь горами , хотя и поближе ,

но на немъ больше села турецкія ; хотя пищею и будете довольны , но вамъ будетъ непріятно , да и говорить по-турецки не знаете ; а другой путь вверхъ по берегу Дуная до самаго Рушука , съ христіанами нашими , ромынями ; здѣсь для васъ лучше : и языкъ вы знаете , и вамъ будетъ удобно , и пищею будете довольны . А отъ Рушука пойдутъ болгары , тоже вашъ языкъ , почти до самой Святой Горы . А тамъ немного греками поидете .» Мы поблагодарили ихъ за страннолюбіе и за наставленіе ; и пожелали имъ терпѣнія носить тяжкое иго турецкое , и также , чтобы Господь поскорѣй ихъ отъ него освободилъ ; они сказали : « аминь . » Мы же , простившись , пошли изъ града , а они насъ проводили за заставу , и показали намъ путь .

32. Послѣ трехъ часовъ ходу , близко къ вечеру , пришли мы въ русское село , называемое Камень , къ Некрасовцамъ ; и они насъ обласкали , какъ своихъ земляковъ . Они — настоящаго нашего русскаго языка и всѣхъ обычаевъ . Посреди села у нихъ часовня ; на ней кресты и колокола . Ибо они имѣютъ отъ турковъ уваженіе ; потому что служатъ въ казакахъ , и поднимаютъ на русскихъ руки ; за то ихъ и любятъ . Мы спросили ихъ : « можно ли ночевать у нихъ ? » Они сказали : « въ какой домъ вамъ угодно , всѣ съ любовью примемъ ; а ежели угодно , то идите въ скитъ къ нашимъ монахамъ , и они рады будутъ вамъ . » Мы пошли къ монахамъ , и они приняли насъ ласково , и упокоили пищею и питіемъ . Потомъ начали входить въhrenіе о вѣрѣ . Мы хотя и не желали того , но потомъ начали обличать ихъ заблужденіе и неправильныхъ ихъ бѣглыхъ поповъ , и ложную ихъ кле-

вету на Святую Восточную Церковь. Между прочимъ, при нашемъ преніи, которое здѣсь сокращаю, мы имъ говорили слѣдующее: «Что вы клевете и поношаете Святую Соборную Апостольскую Христову Церковь Православную, якобы она перемѣнила книги и нарушила правила святыхъ Отецъ? Какъ она можетъ что перемѣнить, когда ею самъ Господь Богъ управляетъ? Ежели Самъ Онъ ее основалъ и утвердилъ, Самъ о ней сказалъ: *на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ ей*: то какъ можетъ человѣкъ что въ ней измѣнить? Самъ Богъ ее сохраняетъ, и Духъ Святой въ ней распоряжаетъ. Разверзьте свои умныя очи, и судите безпристрастно, сами посмотрите на Греческую Церковь: она и донынѣ содержитъ и употребляетъ самыя древнія свои книги, самыя подлинники, писанные самими святыми Отцами; иныя—съ нихъ списанныя, кожаныя и бумажныя, а хотя есть и печатныя, но всѣ едины съ другими сходственныя, безъ всякихъ переводовъ и поправокъ; и по которымъ древніе святыя отцы служили, по тѣмъ самымъ книгамъ греки и до-днесъ служатъ. И не имѣютъ между собою ни распри, ни раздоровъ; и книгамъ ихъ не было никогда никакой поправки издревле и до-сего времени, что явно доказываетъ любимый вами Россійскій Патріархъ Іосифъ въ свидѣтельствующей имъ и печатанной при немъ *книгѣ о вѣрѣ*, въ которой пишется такъ: «да заградятся всякая уста глаголющихъ неправду на смиренныхъ грековъ, аще и въ неволѣ живутъ, аще и туркамъ дань даютъ, да право имѣютъ благочестіе содержать.» Гл. 2. Еще ниже въ той-же книгѣ, Гл. 25, глаголется тако: *обаче же, помощію Господнею, въ*

восточнѣй Церкви, четырехъ верховнѣйшихъ Пастырей, по подобію четырехъ Евангелистовъ, имѣемъ.» И паки: «истинную и безсмертную имѣюще надъ собою Главу Христа Спаса нашего Бога.» И паки: «во рекуть ли, яко Патріарси со всѣмъ духовенствомъ турскому (царю) дань даютъ? и то есть правда, нечему тому дивитися аще и даютъ, да волю имутъ свое благочестіе содержати.» И паки въ тойже книгѣ пишется: «И тако мы Церкви Константинопольскѣй и Патріархомъ престоловъ восточныхъ полезныхъ ради правыя вѣры, и для спасенія душевнаго, и благословенія временнаго прибѣгаемъ. Ктому же съ повинностей правъ въ главѣ или въ раздѣлѣ предъидущемъ помянутыхъ слушаемъ: Александрійскаго, Антіохійскаго, Іеросалимскаго и Великой Россіи, яко единовѣрныхъ Константинопольскому Архіереовъ почитаемъ и пріимаемъ: къ нимъ бо належатъ оны Христовы слова: слушаи васъ, Мене слушаетъ, а отменяйся васъ, Мене отменяется, отменяйся же Мене, отменяется и Пославшаго Мя. Лук. зач. 51. И истинно есть: кто слушаетъ Патріарховъ, и отъ нихъ освящаемыхъ и посылаемыхъ, тотъ Христа слушаетъ; а кто ихъ отменяется, тотъ самого Христа Бога отменяется.» Вотъ святѣйшій Патріархъ Московскій Іосифъ явно обличилъ вашу ложную клевету на смиренныхъ грековъ, явно обличилъ ваше заблужденіе, и вразумляетъ, что не только вы отметнулись Святой Соборной Апостольской Христовой Греческой Церкви и Святѣйшихъ четырехъ Восточныхъ Патріарховъ, но уже и самого Христа Бога отметнулись. Вотъ вы съ своими кривыми толками куда забрели, что уже, по Евангелію, и Христа отметнулись! Вы говорите, что

вѣруете во Христа? Это—правда: но и *блси вѣрують*, и *трепещуть* святаго имени Его, и они вопіють: *Исусе Сыне Божій, что пришелъ прежде времени мучити насъ?* Также и жида вѣрують въ Бога — Отца, и содержатъ законъ Моисеовъ, и читають Псалтирь и Пророковъ, а Сына Божія распяли, на свою погибель, и Господь сказалъ имъ: *се оставляетъ домъ вашъ пустъ.* Лук. 13, 25. Такъ и вы, хотя и во Христа вѣруете, Св. Писаніе и другія книги читаете, и Богу молитесь, но Святой Соборной Апостольской Христовой Церкви противитесь, и отметае-тесь ея Пастырей—святѣйшихъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ; чрезъ то вы и отъ Бога отменяетесь: ибо самъ Господь имъ сказалъ: *слушайъ васъ, Мене слушаетъ: и отменялся васъ, Мене отменяется: отменялся же Мене, от-меняется Пославшаго Мя.* Лук. 10, 16. И паки: *пріимите Духъ Святъ: иже отпустите грѣхи, от-пустятся имъ: и иже держите, держатся.* Іоан. 20, 23. И паки: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небесахъ: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесахъ.* Матѳ. 18, 18. Вотъ вы, любезные, чего отторглись, и какой благодати лишились! Кто не восплачетъ о вашей горькой по-гибели? А благословенная Россія, какъ прежде была, такъ и до сего времени пребываетъ во всякомъ со-гласіи и единомысліи съ Греческою Восточною Цер-ковію и со святѣйшими Восточными Патріархами, и почитаетъ ихъ верховнѣйшими Пастырями. А хотя нѣкоторыя сдѣлала перемѣны въ русскихъ книгахъ, но то она исправила погрѣшности нововозшедшія отъ нешкусныхъ переводчиковъ и отъ небреженія или

невѣжества переписчиковъ, и ничтоже прибавила, ниже убавила, но только сдѣлала все вѣрно и согласно съ греческими древними подлинниками. Это всякій можетъ самъ изслѣдовать, кто умѣетъ читать греческія книги. Напрасно вы величаетесь, и называете себя сынами и послѣдователями святѣйшаго Патріарха Московскаго Іосифа: ежели бы вы были его дѣти и послѣдователи, то бы вы во всемъ слушались и повиновались святѣйшимъ вселенскимъ Патріархамъ. Ибо Іосифъ хотя и самъ былъ Патріархъ, но имѣлъ всякое уваженіе къ восточнымъ Патріархамъ, и великую имѣлъ къ нимъ сердечную любовь и повиновеніе; хотя и имѣлъ нѣкоторыя противъ нихъ погрѣшности, но то по невѣдѣнію: ежели бы онъ зналъ, то бы исправился немедленно. И онъ имѣлъ сумнѣніе, не погрѣшаетъ ли въ чемъ противъ вселенскихъ Патріарховъ; чего ради послалъ нарочитаго посла, Свято-Троицкой-Сергіевой Лавры келаря Арсенія Суханова, узнать всѣ греческіе чины и обряды, который и изслѣдовалъ все по-тонкости: былъ во святой Горѣ Аѳонской, и имѣлъ духовные разговоры со святыми отцами аѳонскими; былъ у вселенскихъ Патріарховъ, и съ ними имѣлъ разговоръ. Тогда Сухановъ явственно позналъ всѣ нововозшедшія въ Россіи погрѣшности противъ грековъ: двуперстное сложеніе, двоеніе *аллилуіа*, и прочія вещи, чего онъ по всей Греціи не видалъ, даже и не слыхалъ; отцы и Патріархи всѣ ему единогласно говорили: «что у насъ видишь, какіе чины и обряды, это мы содержимъ все, отдревле преданное намъ отъ святыхъ Апостолъ и отъ святыхъ Отецъ, седми Вселенскихъ Соборовъ, неизмѣнно и непоколебимо.» И съ тѣмъ Сухановъ

возвратился въ Россію: но уже едва въ живыхъ Патріарха Іосифа засталъ. А ежели бы вскорѣ не скончался Патріархъ Іосифъ, то бы онъ самъ погрѣшности противъ восточныхъ Патріарховъ исправилъ. Итакъ, вы не Іосифа Патріарха чада, и не его послѣдователи, но ехиднина порожденія, и послѣдователи протопopa Аввакума и Никиты попа, и ученики своего вожда Некрасова.» Это мы говорили при всей братіи, и многіе изъ нихъ умилились, плакали, и познавали свое заблужденіе.

33. Но настоятель ихъ, монахъ Іакинѣ, и прочіе ему подобные возбѣсились, яко звѣри лютые; своихъ нѣкоторыхъ выслали вонъ, а оставшіеся обступили насъ, и готовы были растерзать; и мы находились въ опасности жизни, а время уже поздно, вѣчеръ. Мы начали упрашивать; они же еще злѣе вооружились. Мы уже приготовились къ смерти. Однако, Господь Богъ насъ защитилъ: одному изъ нихъ монаху Анастасію, который прежде намъ былъ знакомъ, тоже онъ изъ Молдавіи, положилъ Богъ благое на сердце, и онъ насъ отъ нихъ взялъ, и обоихъ увелъ къ себѣ въ келлію, и сказалъ намъ: «теперь не бойтесь; ежели меня прежде убьютъ, то и васъ.» Однако, мы всю ночь не спали, боялись, и не полагались много на Анастасія, потому что и онъ такой-же раскольникъ. Однако, слава Богу, препроводили ночь благополучно; и только начало свѣтать, мы встали, поблагодарили отца Анастасія, и просили, чтобы показалъ намъ путь; онъ проводилъ насъ на большую дорогу, и мы, простившись съ нимъ, пошли въ путь свой. И много благодарили Господа Бога, что сохра-

нилъ насъ живыми отъ злыхъ раскольниковъ некрасовцовъ.

34. Потомъ пришли въ христіанское село къ ромынямъ, и здѣсь насъ упокоили пищею и питіемъ. Отправившись въ путь, шли девять дней вверхъ по берегу рѣки Дуная, чрезъ частыя села христіанскія. Только много намъ наскучило, что во всякомъ селѣ мы должны были являться къ чербажію турчанину, хозяину села, и показывать свои паспорта. У нихъ столь строго, что никто не можетъ страннаго принять въ домъ, безъ позволенія чербажіяго. Народъ же христіане столь добрый и страннолюбивый, что во всемъ моемъ странствіи не случилось еще видѣть такихъ: мы отъ самаго Мачина по всему Дунаю до города Рушукъ шли девять дней, и какъ у родныхъ въ гостяхъ гостили, въ перебой каждый насъ къ себѣ желалъ, и не знали чѣмъ насъ угощать. И пастыри ихъ, христіанские и благочестивые священники, часто насъ отъ своихъ овецъ уводили къ себѣ, и угощали насъ неизреченно; ноги и руки наши омывали: но страннолюбивыя овцы ихъ слезами омывали ноги ихъ, и просили, чтобы насъ отъ нихъ не уводили; а хотя нѣкоторые и сдавались на ихъ прошенія, но только потому, что ихъ предупреждали, что они сами бѣдны, а страннаго надобно упокоить, что мы съ пути утрудились, и надобно насъ пищею утѣшить, а у нихъ не чѣмъ. Однакоже, овцы увѣряли пастырей, что онѣ могутъ насъ упокоить; и пастыри насъ у нихъ оставляли, и сами съ нами оставались, и насъ благими словами утѣшали, а чего у хозяина не доставало, за тѣмъ они въ свои дома посылали, и насъ упокояли, и на путь насъ всѣмъ снабжали.

Спаси ихъ Господи! И въ которомъ дому пребываемъ, тамъ и праздникъ совершается. О, благословенна страна сія, и блажени людіе живущіе въ ней!

35. Страна сія благая, плодородная и хлѣбородная, кипящая всякимъ преизобиліемъ, востинну рай Божій, напаяема рѣкою Дунаемъ и малыми рѣчками, источниками, изъ горъ и лѣсовъ текущими, изобильна рыбою и всякими фруктовыми деревьями, садами и виноградомъ, хлѣбомъ и лѣсомъ, и сѣнными покосами, и скотоводствомъ, и пчеловодствомъ; и зимы здѣсь почти не бываетъ. Въ лѣсахъ болѣе половины—древна фруктовая, какъ-то: груша, яблонь, вишня, черешня, разные орѣхи, кизиль и дикій виноградъ. Сколько добра страна и страннолюбивы христіане; столько бѣденъ и раззоренъ въ ней народъ, такъ что мало мнѣ случалось видѣть такой бѣдности во всемъ моемъ странствіи.

36. Въ девять дней мы видѣли только три церкви, и то столь бѣдныя, что и описать не можно; по наружности трудно съ хлѣвомъ распознать; всему причина — злая рука турецкая; во внутренности, почти ни одной иконы нѣтъ писанной, а только бумажныя; объ иконостасѣ и говоритъ нечего; облаченіе изъ простаго холста. По этому всякъ можетъ самъ догадаться, чѣмъ тамъ есть. Священниковъ же во всякой деревнѣ по-одному и по-два. Мы многихъ спрашивали: почему такъ—страна сія благая, а люди очень бѣдны?

37. Они же всегда очи свои наполняли слезъ, и съ великими воздыханіями намъ рассказывали слѣдующее: «Востинну страна сія изобильная и благая, но грѣхъ ради нашихъ великихъ всегда насъ Господь

посѣщаетъ и наказываетъ : издревле страна наша стоитъ на границѣ, и частыя здѣсь бываютъ войны: лѣтъ чрезъ десять, уже много чрезъ двадцать. Только немного поправимся, скота заведемъ, и сады свои расплодимъ,—паки востанетъ война; тогда кто можетъ, бѣжитъ въ Валахію, а которыхъ турки захватятъ, увезутъ съ собой во внутрь страны; скотъ нашъ поѣдятъ, дома наши пожгутъ, сады наши запустошатъ. По прошествіи войны, кто живы, паки возвращаемся на свои жилища, паки на развалинахъ копаемъ себѣ землянки, паки заводимся хозяйствомъ. Судите же, когда мы можемъ поправиться? Еще бываетъ и другая скорбь, паче первой: послѣ каждой войны открывается чума, которая уже и самихъ насъ начнетъ пожинать; тогда мы паки оставляемъ все, и бѣжимъ, кто куда можетъ, и кроемся по горамъ и по лѣсамъ, и боимся другъ друга, братъ брата, и бѣгаемъ одинъ отъ другаго. И этотъ гнѣвъ Божій часто сію страну посѣщаетъ. Да и турки здѣсь раздраженные, очень злые, яко звѣріе, всегда насъ притѣсняютъ и раззоряютъ: церкви наши часто жгутъ; какое найдутъ серебро, похищаютъ; иконы часто колютъ; а пожаловаться некому: Паша не принимаетъ, Царь-Градъ далеко, а мы раззоренные. Такъ и терпимъ скорби, и ожидаемся отъ Бога милости, когда Россія придетъ къ намъ, и освободитъ отъ тяжкаго ига турецкаго.» Мы же, выслушавши сіе, много о нихъ сожалѣли.

38. На седьмой день вошли въ Силистрію, по древнему Охрида, гдѣ жилъ Архіепископъ Теофилактъ, болгарскій писатель «Благовѣстника.» Когда вошли въ городъ, намъ христіане сказали, что во градъ не

благополучно, чума. Мы пошли прямо къ пашѣ, прописали паспорта, и скоро изъ града вышли, ничего не купили; и направили насъ, чтобы мы не шли чрезъ селенія, ибо въ нѣкоторыхъ не благополучно, а чтобы шли по займищу; хотя и есть переброды, но не глубокіе. Такъ мы и пошли. И много на займищѣ ѣли дикаго винограду. Къ вечеру пришли въ село христіанское, и спросили: благополучно ли въ ихъ селѣ? Намъ отвѣчали: « благополучно »; и приняли насъ ночевать, и упокоили насъ по прежнему странполюбію, и утромъ надовольствовавши на путь, сказали намъ, что по берегу селъ нѣтъ до самаго Туртукая. И мы пошли въ путь. Только съ самаго утра пошелъ снѣгъ и дождь, а мы шли по самому заплеску Дуная. Глина и грязь по колѣна. Мы хотѣли идти повыше, но заблудились: много ходили по лѣсу, уже и поплакали; снѣгъ и дождь пробилъ насъ сквозь, а на ногахъ сандалии распались; едва паки нашли Дунай. Пошли по заплеску, и пришли въ Туртукай уже къ вечеру. Прежде пошли къ туркамъ, и показали паспорта. Потомъ пошли искать ночлегу, но никто не принимаетъ, а посылаютъ къ священнику. Пошли; но его дома нѣтъ; и гостиницы нѣтъ. Чтѣ будемъ дѣлать? Всѣ мокры, всѣ грязны. Потомъ пошли на торжище, начали спрашивать: « есть ли во градѣ добрый человѣкъ? » Намъ сказали, чтобы шли къ священнику; мы же отвѣчали, что его дома нѣтъ.

39. Вскорѣ одинъ купецъ сказалъ намъ: « пойдемъ ко мнѣ ночевать; только немного подождите. » Потомъ повелъ насъ къ себѣ. И пришедши въ домъ, посадилъ насъ, позвалъ свою супругу, и сказалъ: « вотъ я гостей привелъ. » Она отвѣтила: « слава Богу. » И

начали насъ разувать. Мы сказали, что сами разуемся. Онъ же намъ сказалъ: « вы озябли, и руки ваши охолодѣли ; теперь уже не вы себѣ хозяева ; когда я привелъ васъ въ свой домъ, то я хозяинъ. » Мы же испросили прощеніе. И они насъ разули. Потомъ принесли воды, и ноги наши обмыли : жена подавала, а самъ обмывалъ. Жена принесла намъ по новымъ чулкамъ, и мы надѣли, чтобы не простудиться. Потомъ принесли для насъ одежду, и приказали намъ нашу скинуть до-нага, а ихъ одежду надѣть, и дали намъ теплые на ватъ халаты. Потомъ ввели насъ въ теплую горницу, и угостили насъ купеческимъ угощеніемъ, и любезно съ нами разговаривали молдавскимъ языкомъ. Спаси ихъ Господи! Вотъ—Авраамъ и Сарра; но Авраамъ съ Саррою были стары, уже научились страннолюбію ; сіи же рабы Христовы, Петръ и Евѣросинія, были весьма млада, только еще по двадцати лѣтъ, и два года въ супружествѣ, и имѣли единого сына. Вечеромъ поставили намъ трапезу, прензобильную всякими брашны и питіемъ, и сами съ нами утѣшались и веселились. Но еще тѣмъ не окончилось ихъ страннолюбіе: на свою постелю и на пуховники спать насъ положили ; мы и не хотѣли, но они оба поклонились намъ до земли, и со слезами насъ просили, да не погнушаемся ихъ ложемъ. Мы же любви ради ихъ, помолившись, легли и уснули. По-утру паки наготовили намъ всякой пищи. Мы же воставши помолились Господу Богу ; потомъ принесли намъ нашу одежду, вымыту и высушену ; мы же ихъ одежду отдали, а свою паки надѣли ; и сандаліи тоже были починены и вымазаны. Скоро представили намъ трапезу подобную вечерней. Потомъ мы пошли въ путь;

они же всѣмъ насъ напутствовали, хлѣбомъ и виномъ и виноградомъ; еще дали намъ по рублю денегъ. Мы же благодарили за ихъ страннолюбіе. Хозяинъ проводилъ насъ за городъ, и показалъ намъ путь, да не заходимъ въ села: ибо тамъ чума. И много насъ привѣтствовалъ: когда паки случится быть въ Туртукаѣ, да не проходимъ мимо дому его. Мы же простившись, пошли въ путь свой прямо лугами, всѣ села оставили въ лѣвой рукѣ. Къ вечеру пришли въ нѣкое село, и ночевали у одного христіянина.

40. На другой день къ обѣду вошли въ городъ Русчукъ; христіане насъ привѣтствовали, и тамъ вкусили мы хлѣба, и подписали намъ паспорта. Христіане сказали намъ, что до св. Горы Аѳонской отъ Русчука осьмнадцать дней ходу, и переписали намъ всѣ села. По выходѣ изъ града, поворотили отъ Дуная вѣво, во-внутрь Болгаріи, и шли три дня всѣ болгарями, всѣ по горамъ. На четвертый день рано приблизились къ столичному болгарскому граду Тернову; но въ него не заходили, и миновавъ его, шли чрезъ болгарскія сѣла, великія, подобныя градамъ: тысящи по три и по двѣ домовъ, постройка каменная; церкви великія каменныя, только безъ крестовъ и безъ куполовъ, внутри много украшены иконами и паникадилами, и множествомъ лампадъ; кругомъ церквей ограды каменныя высокія, на-подобіе монастырскихъ, не такъ какъ на Дунаѣ. И сѣла ихъ не разорены, и народъ богатый, еще и въ неволѣ живутъ, еще и тяжкое иго турецкое носятъ, еще и болѣе стѣснены и отягощены игомъ турецкимъ, нежели греки: ибо греки имѣютъ у себя защиту — духовное на-

чальство: Патріарха, Митрополитовъ, Архієпископовъ и Епископовъ.

41. А бѣдные болгары не только отягощены отъ тяжкаго ига турецкаго, но и отъ грековъ страдаютъ не много меньше. Ибо во градахъ, гдѣ есть Архіереи, которые бывають изъ грековъ, не позволяютъ болгарамъ по-славянски ни пѣть, ни читать, ни дѣтей учить: впрочемъ, въ селахъ не смотрять на Архіереевъ, но по-славянски по російскимъ книгамъ поють и читають. Болгарское нарѣчіе ближе къ славянскому, нежели великороссійское.

42. Болгарскій народъ всякой похвалы и чести достоинъ: страннолюбивъ и милостивъ, много усерденъ ко св. Церкви, много любитъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и весьма усерденъ ко св. мѣстамъ—ко св. Горѣ Аѳонской и ко св. граду Іерусалиму, такъ что превосходитъ всѣ роды христіанскіе, какъ то: грековъ, сиріанъ, грузиновъ, сербовъ, влаховъ, молдаванъ и даже русскихъ. И никакого рода больше не бываетъ на поклоненіи, какъ болгаровъ, и никакіе роды не приносятъ столько пожертвованій, какъ болгары. Всю св. Гору Аѳонскую содержатъ почти одни болгары. И столь усердны ко иноческому чину, что принять инока въ домъ почитаютъ за счастье; и никакого рода больше не поступаетъ въ монашество, какъ болгаровъ. Аѳонская Гора наполнена болгарами; и по Болгаріи множество монастырей, наполнены всѣ мѣнахами изъ болгаръ. Воистинну, благая страна болгарская, и блаженъ въ ней народъ живущій! Болгары весьма трудолюбивы, такъ что воздѣланы у нихъ всѣ земли: хлѣбопашество, садоводство и даже шелководство у нихъ процвѣтають. Народъ торговый, обхо-

длительный и ласковый; и много имѣть расположенія къ Россіи, потому что одного племени и языка и обычаевъ. Много ихъ смирило и отяготило турецкое иго; а если бы этотъ родъ былъ свободный, еще бы былъ онъ превосходнѣе. У церквей ихъ звоновъ не имѣется; по городамъ и въ доску не ударяютъ, а церкви всегда полны людей. Въ церкви чинно стоятъ, подобно монахамъ; а женъ въ церкви ни одной не видать: жены всѣ стоятъ на хорахъ; а гдѣ хоръ вѣтъ, тамъ лѣвая страна отгорожена рѣшеткой, и жены стоятъ тамъ благочинно. Этотъ благой обычай наблюдается и по всей Греціи, отъ Константинополя и до самаго Іерусалима. Болгарскія жены покрываютъ главы по древнему руссійскому обычаю.

Оставивъ градъ Терновъ въ лѣвой рукѣ, въ десяти верстахъ, мы взошли на одну гору, и открылись намъ великія горы Балканскія, покрытыя облаками. И шли мы два дня, только и знали, что спускались съ горы, да поднимались на гору; шли все чрезъ частыя сѣла; ночевали и обѣдали у страннолюбивыхъ людей и у ихъ христіанскихъ пастырей. Когда мы проходили по улицамъ, то не только не просили себѣ пищи, но почти изъ каждаго дому выходили жены, и останавливали насъ, и спрашивали: «куда идемъ?» И мы сказывали, что во Св. Гору. И онѣ просили насъ: когда прійдемъ во Св. Гору, помянуть ихъ въ своихъ молитвахъ; и всѣмъ награждали, — хлѣбомъ, сыромъ, полотномъ. И просили насъ, чтобы мы не пили на пути воды, дабы не повредили здравіе, и наливали наши подорожныя тыквѣцы виномъ. И мы, что могли взять, брали, и благодарили за ихъ страннолюбіе.

43. На шестой день ходу отъ Дуная, пришли подъ самый Балканъ, въ глубокую и великую долину, въ великое село Габрово, подобное великому граду: имѣеть семь базаровъ при одной церкви. На башнѣ бьютъ колокольные часы на все село, чему мы много удивлялись; климатъ весьма холодный; садовъ виноградныхъ и другихъ нѣтъ. Мы пришли рано утромъ, и подкрѣпились пищею. Ибо великъ намъ и трудень предлежалъ путь: весь день приходилось переходить высокіе Балканы, а на пути изъ Болгаріи во Фракію, тридцать пять верстъ, никакого жительствова нѣтъ. Здѣсь попались намъ два спутника болгары. Призвавъ Бога въ помощь, пошли мы въ путь, и начали подниматься на главный и великій Балканъ, по острому камню,—шли двадцать пять верстъ, и часто отдыхали. И взошедши на самый верхъ хребта, остановились. День былъ ясный, воздухъ прозрачный. И мы посмотрѣли на всѣ четыре страны; и еще бы имѣли дальновидящія очи, то много бы могли видѣть и осмотрѣть свѣту. Посмотрѣли мы на-задъ, на сѣверовостокъ: видно всю дунайскую долину и даже Влахию и Молдавію. Позади Влахиі виднѣлись Карпатскія горы. Къ востоку тянется хребетъ. Къ юговостоку Фракія, великая равнина до самаго Чернаго моря. Къ югу великая равнина Фракія до Адрианополя и до Константинополя; и до самаго Мраморнаго моря. Къ югозападу равнина Фракія до Архипелага; къ западу долина Фракія до самой Македоніи, и видно великій Балканъ, называемый Доспадъ. Къ сѣверо-западу тянется хребетъ его. Къ сѣверу великое раздолье до самой Венгріи. Сей Балканъ тянется изъ Сербіи до самаго Чернаго моря, раздѣляетъ Болгарію

и Оракію. Прежде было это мѣсто почти непроходимо: съ великимъ трудомъ переходили пѣшіе и верховые; а нынѣ безъ всякаго труда ѣздить на колесахъ. Русскіе воины все расчистили и разработали во время войны 1828 года, и перевезли тогда всю военную артиллерію. Богъ велѣлъ и намъ перейти по этому пути. На-верху климатъ весьма холоденъ, какъ среди зимы. Часто, сказываютъ, среди лѣта гора бываетъ покрыта снѣгами. Однако, слава Богу, тогда не было. Потомъ стали мы спускаться внизъ, но уже не дорогой, которая шла извилинами, а мы прямо катились, придерживаясь за камни и за траву: было не безъ страху: дорогой бы надо было спускаться три часа, а мы спустились очень скоро, почти въ одинъ часъ, прямо въ болгарское село Шипкой.

44. Это уже во Оракіи. Здѣсь мы ночевали у одного христіянина. Былъ тогда праздникъ св. мученика Димитрія, и мы ходили въ церковь. Чинъ и порядокъ въ церкви монастырскій, какъ и въ прежнихъ селахъ; читаютъ по русскимъ книгамъ, поютъ напѣвомъ болгарскимъ. Отсюда мы рано отправились въ путь. Ибо Литургія бываетъ тамъ рано, немедленно послѣ утрени. Много въ этомъ Шипковѣ селѣ дѣлаютъ розоваго масла: кругомъ-села много насаждено розы, т. е. шиповнику, потому и названо село Шипкой. Мы весь день шли все по ровнымъ и хлѣбороднымъ полямъ. По правую сторону, какъ стѣна, до облакъ тянулся Балканъ; а по лѣвую страну чистыя и ровныя поля, усыпаны частыми селами и садами болгарскими и турецкими. И прошли мы три села турецкія, а христіанскаго ни одного. Къ вечеру пришли въ великое болгарское село Калотеръ, гдѣ приняли насъ съ лю-

бовію, и упокоили пищею и питіемъ. Сіе село Калюферъ, славное по всей Болгаріи, велико и многолюдно, подобно великому граду; и богатое въ немъ купечество, имѣють торговлю съ Европою; множество въ немъ разныхъ фабрикъ и заводовъ, и много изъ него выходитъ шелку и снурковъ, и работаютъ все водой. Посреди села протекаетъ порядочная рѣчка, которая каналами разведена по всему селу, въ каждый почти домъ, и въ каждомъ почти дому фабрика. Водой прядуть, и ткуть, и плетутъ, чему мы много удивлялись. Много въ немъ церквей, и два монастыря: по край села стоитъ монастырь женскій, славный по всей Турціи, и много богатъ, болѣе тысящи монахинь. А мужескій стоитъ въ горахъ, въ пустынѣ. Во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ читають по російскимъ книгамъ, поють напѣвомъ болгарскимъ. И весьма много насъ просили христіюбцы, чтобы мы у нихъ погостили хотя недѣлю, что они весьма русскихъ любятъ, и никогда русскаго не видали во своемъ селѣ, и чтобы сходили въ ихъ монастыри, и собрали милостыню. Но мы боялись, чтобы не захватила насъ зима: ибо время было поздно, уже 26 Октября. Потомъ благодарили за ихъ расположеніе и за привѣтствіе. По-утру вставши пошли въ путь, и шли ровными полями, чрезъ болгарскія и турецкія сѣла, ночевали и обѣдали у болгаровъ. Въ лѣвой рукѣ, недалеко, въ двадцати верстахъ, остался древній градъ Филиби, Филиппополь, гдѣ много потрудились св. Апостолы Павелъ и Варнава. Шли мы два дня, и много претерпѣли отъ проливнаго дождя.

45. Потомъ пришли во градъ Базаръ-Чукъ—татарскій, въ субботу, поздно вечеромъ, и спросили: гдѣ

стоитъ христіанская церковь. Болгары сказали, что внутри града церкви нѣтъ, а церковь внѣ града, на полѣ. Мы просили, чтобы насъ довели до церкви. И они насъ провели чрезъ весь градъ, и привели къ церкви въ гостинницу, и тамъ насъ приняли и упокоили пищею. По-утру пошли въ церковь, и слушали утреню, безъ расходу и Литургію. Всю утреню читали и пѣли по-гречески. На Литургіи ничтоже пѣли, токмо *херувимскую* и *достойно*; прочее же, по древнему обычаю, каждый про себя отвѣчалъ на слова священника или діакона. Потому что христіане, всѣ болгары, ничего не понимаютъ по-гречески. Послѣ Литургіи далъ намъ староста церковный по блюду, да испросимъ отъ христіанъ милостыню на путь; и дали намъ каждый по силѣ своей, и собрали милостыню довольну. Спаси ихъ Господи! Градъ весьма великъ; тридцать турецкихъ мечетей. Большая половина града христіане; церковь одна, и та изъ града изгнана, стоитъ единая въ пустынѣ, поругана и оборвана, и нѣтъ никого, кто бы ее заступилъ, только и назираетъ ее Женпхъ небесный: Онъ сохраняетъ и защищаетъ ее отъ безбожныхъ турокъ. Возлюбленные же чада ея оставляютъ градъ и свои дома, и всю молву и суету во градѣ бываемую, и бѣгутъ всѣ къ возлюбленной своей матери въ пустыню, якоже къ тихому и небурному пристанищу, возсылать свои молитвы къ Небесному своему Отцу. И столь много сошлось христіанъ, что была не одна тысяща, а церковь столь мала, что едва ли вмѣститъ сто человѣкъ. Въ ней только почти алтарь и клиросъ; люди стоятъ почти всѣ подъ открытымъ небомъ, внутри ограды. Хотя и застроили христіане новую каменную церковь,

столю великую, что будетъ семь престоловъ въ рядъ, и сдѣлали уже выше оконъ, и на нее любятъ и радуютъ; но турки не даютъ довершить. Вотъ, что дѣлаетъ злая рука турецкая! При этой церкви живутъ двадцать пять священниковъ и пятнадцать діаконовъ, и Епископъ; но тогда его не случилось: уѣхалъ въ Филиппополь. По Литургіи упокоили насъ пищею и питіемъ. По трапезѣ мы ходили на базаръ, и купили по двѣ пары сандалій: ибо слышали, что наступаетъ жестокъ путь и великія горы. Во градъ христіане много насъ привѣтствовали и напутствовали. Спаси ихъ Господи! Великіе страннолюбцы болгары! Потомъ паки пришли мы въ гостинницу, и разспросили путь. Почти со всѣхъ сторонъ, кругомъ Базаръ-Чука, стоятъ высокія Балканы выше облакъ: по правую страну — Габровской Балканъ, чрезъ который мы прежде переходили, а въ лѣвой — Балканъ Доспадъ, чрезъ который намъ путь лежатъ, и на который намъ подниматься. Потомъ мы отправились въ путь, и прошли одно село турецкое и два болгарскихъ; къ вечеру пришли въ село Быстрицу, подобное граду; стоитъ подъ самымъ Балканомъ; и христолюбцы болгары приняли насъ, и упокоили пищею и питіемъ. Въ селѣ Быстрицѣ двѣ церкви великія каменные: въ одной читаютъ по-славянски по російскимъ книгамъ, а въ другой по-гречески; а жителей всѣ болгары. Въ этомъ селѣ была чума, но мы не знали, и намъ уже послѣ сказали въ другомъ селѣ; насъ Господь помиловалъ.

46. По-утру вставши пошли мы въ путь; и проводили насъ за село, и показали намъ путь на Балканъ. И мы взлѣзали на гору по жесткому и трудному пути

цѣлый день; уже къ-вечеру взошли на гору, и тамъ поле ровное было засѣяно хлѣбомъ. Почва земли песковатая, лѣсъ сосновый, еловый и березовый, и климатъ весьма холодный. Мы удивлялись, что страна сія во всемъ подобна Россіи. Уже кончилась Фракія, началась Македонія. Къ-вечеру пришли въ село Батакъ, и принялъ насъ священникъ въ свой домъ, и упокоилъ насъ съ любовію, и разспрашивалъ насъ о разныхъ обстоятельствахъ, а болѣе о Россіи и о російскомъ благочестіи. Потомъ сказалъ намъ: «теперь, отцы, я васъ не отпущу до тѣхъ поръ, пока не попадутся попутчики; здѣсь путь весьма опасный: два дня ходу, нѣтъ никакого жительства, кромѣ одного хана, то есть постоялаго двора; всё лѣса и горы, и пустыни дикая, наполненная разбойниками арнаутами, и много убиваюгъ; сего лѣта убили двухъ монаховъ.» Мы поблагодарили его, и, по вечерамъ, отдохнули. Поутру мы ходили въ церковь, и читали въ ней утреню и часы. Церковь великая каменная, обнесена кругомъ каменной высокой оградой; внутри иконостасъ прекрасный, и много иконъ самой высокой греческой работы, всякой похвалы достойной, такъ что мало я такихъ видалъ во всемъ моемъ странствіи; писаны однимъ монахомъ святогорскимъ; книгъ весь кругъ церковный московской печати, и порядочная ризница, и много лампадъ, и пять паникадилъ хрустальныхъ. Мы полюбовались, и благодарили священника за его усердное попеченіе. Въ селѣ Батакъ всего триста домовъ: всѣ деревянные, срубленные изъ бревенъ и на моху, покрыты тесомъ и дранями, много и двухъ-этажныхъ; не можно я подумать, что то село болгарское, но совершенно великороссійское. Садовъ

никакихъ нѣтъ, по причинѣ холоднаго климата. Священникъ кормилъ насъ однимъ хлѣбомъ ячменнымъ. Мы просили у него хлѣба, либо пшеничнаго либо ржаного, а онъ намъ сказалъ: «У меня другаго хлѣба нѣтъ, кромѣ ячменнаго; нѣтъ и во всемъ нашемъ селѣ: у насъ другой хлѣбъ не родится, кромѣ ячменнаго, а достать другаго трудно: вы видѣли, какая гора, что и самимъ трудно взойти. Да и не нуженъ онъ намъ: мы родились при этомъ хлѣбѣ; намъ кажется лучше его и нѣтъ.» Мы же съ нуждой ѣли. Жены же страннолюбицы много намъ наносили хлѣба для пути, потому что въ два дня негдѣ будетъ взять. Мы же что могли взяли, а лишній оставили священнику. Отъ этого села недалеко въ виду еще другое болгарское село: прежде были христіане, но турки ихъ обасурманили, за что много объ нихъ сожальютъ христіане; а говорятъ и до-нынѣ по-болгарски.

47. Мы подождали два дня: попутчиковъ никого нѣтъ, и не стали болѣе дожидаться, а положились на Господа Бога, и начали у священника просить благословенія въ путь. Онъ много насъ отговаривалъ, а потомъ благословилъ, и утромъ рано проводилъ насъ верстъ пять, и рассказалъ намъ путь. Мы еще верстъ пять всходили на гору, а потомъ шли съ горы на гору, темнымъ лѣсомъ; путь узкій, трудно и верхомъ проѣхать; по пути камень острый, лѣсъ больше еловый и пихтовый и сосновый. Мы же шли, поспѣшая. На полпути попался намъ на встрѣчу обозъ турковъ съ товарами, всѣ вооруженные, и насъ остановили, и начали спрашивать по-болгарски: откуда и куда идемъ? Мы сказали, что изъ Молдавіи, идемъ во святую Аѳонскую Гору. Они спросили: «Какъ вы не

боитесь въ сей дикой пустынѣ идти двое безъ всякаго оружія? Здѣсь много разбойниковъ. Намъ сто человѣкъ съ оружіемъ, да и то боимся.» А мы имъ отвѣтили: « Вы надежду имѣете на оружіе, а мы на Бога. Чего намъ бояться разбойниковъ и смерти? Уже мы давно отреклись міра и умерли; ежели и убьютъ насъ, то препроводятъ насъ на вѣчное блаженство къ Царю нашему Небесному, Іисусу Христу; а взять у насъ нечего; потому мы ничего не боимся.» Они же много намъ удивлялись, и главами своими качали.

48. Мы пошли далѣе, уповая на Господа Бога. И когда отошли отъ обоза верстъ пять, и вышли на долину, на чистое мѣсто: со стороны вышли къ намъ на дорогу четыре человѣка вооруженные ружьями, съ саблями, съ пистолетами и съ кинжалами; очи ихъ наполнены крови; остановили насъ, и начали намъ говорить кротко по-турецки. Мы сказали, что по-турецки не знаемъ. Они спросили: « какъ же вы знаете? » Мы сказали, что по-молдавски и по-болгарски. Они стали говорить и спрашивать по-болгарски: « откуда и куда идемъ? » Мы сказали: « изъ Молдавіи во святую Аѳонскую Гору. » Они спросили насъ: « Какъ вы не боитесь, одни идете? Здѣсь много разбойниковъ, они васъ убьютъ. » Мы же имъ отвѣтили: « ежели Богъ велитъ имъ, то убьютъ, а взять у насъ нечего: денегъ не имѣемъ, а одежда раздранная; а хотя и убьютъ, то къ Богу насъ пошлютъ. » Они же заговорили между собою по-турецки, и пошли въ сторону, а намъ сказали: « идите съ Богомъ. » Мы недалеко отошли, и они паки закричали намъ: « стойте! » Мы остановились. Они паки подошли къ намъ, и дали намъ по одному леву, т. е. по двадцати коп., и ска-

зали: « за наше здравіе на хану (или на постояломъ дворѣ) выпейте вина, а про насъ не говорите, что видѣли. » И еще спросили насъ: « далеко ли попался намъ обозъ? » Мы сказали, что теперь уже далеко, есть въ двухъ часахъ. Они же больше ничего не сказали, и отошли отъ насъ. Мы пошли радуясь, и много благодарили Господа Бога, яко укротилъ сердце злыхъ разбойниковъ: не только что не обидѣли чѣмъ, но еще и соблагодетворили. Воистинну, всяка душа человѣча въ руцѣ Божіей есть. Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижется. Уже къ вечеру пришли въ ханъ, и удивляясь на насъ гостинникъ съ прочими спрашивалъ: « какъ вы прошли безъ всякаго вреда? » Мы сказали имъ, что не только насъ не обидѣли разбойники, но и наградили еще; они же смѣялись. По-утру, воставши, паки шли горами, но не такъ лѣсными, и то только до половины дня. Потомъ пошли всё подъ гору, но не очень крутую; къ-вечеру сошли внизъ, и пришли въ село Сатавчу на гостинницу, и гостинникъ принялъ насъ ласково, и упокоилъ насъ пищею; но мы не спали; ибо еще не самый былъ вечеръ. Сказали намъ, что сѣла здѣсь частыя, и здѣсь мирно; и мы пошли въ другое село ночевать. Прошли два села: сѣла—болгарскія, а вѣру держатъ турецкую, и говорятъ по-болгарски; ибо потурчены неволею. И уже поздно вечеромъ пришли въ болгарское христіанское село Петреличъ; здѣсь приняли насъ на гостинницу, и упокоили пищею и питіемъ.

49. Отсюда въ правой рукѣ, въ сторону, полтора дни ходу, великій монастырь, Лавра преподобнаго отца Іоанна Рыльскаго, гдѣ онъ спасался. Тамъ и доднесь почиваютъ нетлѣнныя его мощи на вскрытіи.

Братія — болѣе трехъ сотъ монаховъ , всѣ — чистые болгары. Службу церковную читаютъ и поютъ по русскимъ книгамъ; монастырь весьма богатъ, но не общительный. Намъ хотѣлось въ немъ побывать, но намъ отсовѣтовали : потому что очень труденъ путь и великія горы и лѣса; безъ провожатаго не можно найти его; ибо стоятъ въ самой внутренней и непроходимой пустынѣ. По-утру , вставши , пошли мы въ путь во Святую Гору. Страна сія благая, горы отлогія, и не-большіе лѣса, и много воды , рѣчекъ и источниковъ, и вся воздѣлана хлѣбопашествомъ и виноградными садами, и частыя сѣла болгарскія христіанскія, изрѣдка есть и турецкія.

50. Мы спрашивали о пути въ монастырь святаго Іоанна Предтечи. Въ единомъ селѣ намъ сказали, что на-право на гору большой путь прямо во градъ Серезъ, а на-лѣво по долинь—въ монастырь. Мы пошли по долинь , и ни одного села не видали до самаго монастыря; всё оставались по сторонамъ. Ночевали на полѣ въ гостинницѣ. По-утру пошли всё на гору, почти до половины дня. На верху горы воздухъ весьма холодный, и мѣсто ровное застѣно озимою рожью. Дорога плохая , трудно и узнать : потому что тамъ мало кто проходить. Мы весьма боялись, не сбились ли съ дороги , а спросить некого ; но Господь намъ былъ вождь и святой Іоаннъ Предтеча : прямо попали на дорогу, и поспѣшали къ обѣду въ монастырь. И шли уже подъ крутую гору ущеліемъ : по правую руку ровъ глубокъ, внизу бѣжитъ большая рѣка быстро , и шумитъ по камнямъ вода , а по лѣвую руку гора, какъ стѣна стоитъ. Потомъ сошли на долину, гдѣ рѣка , и стали переходить по каменному мосту.

Посмотрѣли подѣ мостъ : подѣ нимѣ воды нѣтъ ни капли, и мы много удивлялись , почему такѣ, вверху бѣжитѣ много воды, и такая быстрина, а здѣсь нѣтъ ни капли? Куда же дѣвалась вода? Сему много чудились. И паки шли всё внизѣ. Уже по правую руку была гора , а по лѣвую сухая долина. Мы же на пути много удивлялись , что выше бѣжитѣ рѣка , а ниже сухо. Потомѣ, уже часа два съ полудня, сошли подѣ самыя горы по вышереченной долиниѣ. Пошли сады виноградныя; между виноградомѣ растутѣ древа, которыхѣ мы еще отѣ роду не видали , и много мы на нихѣ чудились, и стали догадываться и познавать, что это масличныя и смоковныя. Прежде мы полагали, что это башни или столбы стоятѣ; а когда подошли, то увидѣли, что это древа; но не могли узнать, какѣ называются, пока намѣ не сказали, что это прекрасныя кипарисы. Тогда мы возрадовались, и между собою говорили , что , стало быть , не далеко и море, когда такія невиданныя нами растутѣ древа, и перемѣнилась страна и климатѣ. Потомѣ вошли въ село христіанское, но не Болгарское, а Коцовлашское; съ трудомѣ могли спросить про монастырь, и намѣ показали его , хотя и недалеко , но высоко на горѣ. Взошедши на гору, пришли мы къ вратамѣ монастыря. Монастырь стоитѣ на полугорѣ и надѣ великою пропастью , какѣ ласточкино гнѣздо. Между горѣ и монастыря пролегаетѣ узкій путь. Во вратахѣ сидятѣ вратникѣ инокѣ , сѣдинами украшенный. Мы сотворили по три поклона иконѣ святаго Іоанна Предтечи, на вратахѣ стоящей, потомѣ поклонились п вратарю, и испросили отѣ него благословеніе; онѣ же сказалѣ: « Богѣ васѣ благословитѣ ; чтѣ хотите отѣ мене? »

Мы же, услышавши болгарскую бесѣду, обрадовались, и отвѣтили ему, что желаемъ взойдти въ монастырь. Онъ спросилъ: «откуда и куда идемъ?» Мы сказали о себѣ. Онъ сказалъ: «подождите здѣсь; а я пойду, спрошу игумена.» Мы сѣли. Онъ скоро пришелъ, и ввелъ насъ въ монастырь прямо на гостинницу, гдѣ представили намъ трапезу, среднюю, но хлѣбъ предложили ячменный. Мы ѣли и насытились, потому что проголодались; и вина принесли до изобилія. Потомъ, до вечерни, мало уснули. Когда пришло время вечерни, начали ударять въ било, сирѣчь въ доску, и пошли всѣ братія въ церковь; пошли и мы. Когда же вошли во-внутрь,—стали въ придѣлѣ, въ правой сторонѣ: тамъ стояли всѣ монахи чинно и кротко, болѣе ста. И подошелъ къ намъ одинъ монахъ, и сказалъ, чтобы мы шли къ великую церковь. Мы послушали, и вошли; и тамъ стоятъ всѣ послушники и мірскіе, монаховъ же ни единого. Я весьма похвалилъ сей чинъ и порядокъ: всѣ иноки стоятъ одни, со смирениемъ и со страхомъ наклонивъ главы, въ тишинѣ и безмолвіи, безъ всякаго смущенія и соблазна, и никому между собою стоять не позволяютъ, ни мірскому, ни послушнику; а женамъ въ монастырь и входу нѣтъ; на кліросахъ челоуѣкъ по пятнадцать, больше послушники, только по три монаха. Канонаршии и пѣли весьма чинно, греческимъ языкомъ, также и читали. Мы простояли всю вечерню, но ничего не понимали. Церковь прекрасная, вся расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ греческой работы, и множество иконъ и лампадъ, и вся церковь прекрасно убрана. Почиваютъ подъ спудомъ трое святыхъ мощей: всѣ Архіерей, ктитори святой обители сего, въ этой обители

на покоѣ препроводившіе остальную жизнь свою. Еще стоять чудотворная икона святаго Іоанна Предтечи. Послѣ вечерни водили насъ всюду. Въ монастырѣ столько воды, что всюду журчить и брянчить, и всюду бѣжить вода; имѣются двѣ мельницы и двѣ толчеи.

51. Потомъ подвели насъ къ водѣ, точащейся изъ камня, и сказали: «Сія вода святая, данная святымъ Іоанномъ Предтечею, еще когда монастыря не было. Потому и выстроены во имя его монастырь сей.» Мы спросили: «а откуда сія большая вода?» Намъ отвѣчали: «И сія вода имъ же, святымъ Іоанномъ Предтечею, дана, но послѣ. Видѣли вы вверху бѣжавшую рѣчку, а послѣ изсохшую?» Мы сказали: «мы тому много чудились, что вверху вода, а внизу сухо.» Показывавшіе начали намъ рассказывать слѣдующее: «Та самая вода идетъ въ монастырь нашъ, которую провелъ самъ Іоаннъ Предтеча. Послушайте, по какому случаю: когда выстроили сію обитель, и умножилось братіи болѣе двухсотъ, случилась засуха. Воды прежней стало для братіи мало, и воду носили изъ-подъ горы, изъ рѣчки. Это очень наскучило, и хотѣли все расходиться по другимъ монастырямъ, хотя игуменъ и отговаривалъ. Потомъ во снѣ игумену явился святой Іоаннъ Предтеча, и сказалъ: «скажи братіи: пусть сотворятъ мнѣ всенощное бдѣніе, и дамъ имъ воду до изобилія.» Игуменъ вставши повѣдалъ братіи, и совершили бдѣніе и литію; но ничто же бысть. Братія оскорбились на игумена, и сказали ему: «Откуда возьмется вода? Отъ сухаго камня что-ли?» Игуменъ отвѣчалъ имъ: «Что вы маловѣры? Не отъ твердаго ли и сухаго камня извелъ Моисей Израилю воды въ пустыни? И намъ Господь Богъ

изведетъ воду изъ камня молитвами святаго Іоанна Предтечи. Сотворишъ еще бдѣніе, и увидишъ благодать Божию.» Сотворили второе бдѣніе и литію, и ничтоже бысть. Тогда братія еще болѣе застѣвали на игумена, и пошли каждый въ свою келлію, да возьмутъ всякъ свою одежду, и да изыдутъ изъ монастыря. Игуменъ же со слезами увѣщавалъ, да послушаютъ его еще единожды, и сотворятъ еще третіе бдѣніе; и говорилъ: «аще не дастъ Богъ воды, то азъ первый изыду изъ монастыря, а вы за мной; и пойдетъ каждый, кто куда знаетъ.» Послушали его братія, и сотворили третіе бдѣніе и литію. И когда возвращались и стали подходить къ вратамъ монастырскимъ: услышали всѣ подземный гулъ. И потомъ, вдругъ изъ горы на дорогу бросилась вода съ шумомъ, братіямъ подъ ноги. Братія всѣ испугались, и побѣжали кто назадъ, а кто впередъ. Потомъ много радовались, и благодарили Господа Бога и святаго Іоанна Предтечу, яко далъ воды до изобилія. Скорбѣли же о томъ, что не могутъ ея устроить, потому что не имѣютъ пенязей. Того-же дня къ вечеру пришелъ къ вратамъ монастырскимъ пастырь овчій, и началъ просить у вратаря хлѣба и вина. Вратарь пошелъ, чтобы принести, чего просилъ пастырь. Но когда возвратился, то никого не нашелъ, а только пастырь оставилъ во вратахъ свою сумку. Вратарь всюду его искалъ, но не обрѣлъ. Когда наступилъ вечеръ, онъ заперъ врата, а сумку пастыреву отнесъ игумену, и сказалъ вся, яже о пастырѣ. Игуменъ дивился, развязалъ сумку, и увидѣлъ ее полную злата; и всѣ удивились. Нощію же явился игумену святой Іоаннъ Предтеча, и сказалъ: «сіи деньги азъ прислалъ тебѣ,

да устроиши воду.» По-утру игумень, вставши, повѣдалъ братіа, и всѣ возрадовались, и прославили Господа Бога, и благодарили святаго Іоанна Предтечу и Крестителя Господня, и устроили воду, яже пребываетъ и до сего дня, какъ сами видите.»

52. Потомъ повели насъ въ библіотеку, и показали намъ множество кожаныхъ и бумажныхъ рукописныхъ славянскихъ книгъ, болѣе тысячъ; лежатъ безъ всякаго бреженія, о чемъ много мы соболѣзновали и сожалѣли; уже многія повредились. Мы спросили: «почему такъ безъ всякаго присмотру находится библіотека?» Намъ отвѣчали: «А на что эти книги намъ? Читать мы ихъ не знаемъ. Хотя и всѣ братія — болгары, но читать по-славянски ни одинъ не разумѣетъ; потому что мы всѣ изъ Македоніи. А у насъ по всей Македоніи, по градамъ и по селамъ, нигдѣ не читаютъ по-болгарски, а вездѣ по-гречески. Хотя и всѣ — болгары живутъ, хотя и ничего по-гречески не понимаютъ, ни міряне, ни священники, но такъ заведено издревле, и уже привыкли: потому что съ юности учимся читать и пѣть по-гречески. А сія библіотека жертвована болгарскими и сербскими царями. Тогда по всей Ѳракіи и Македоніи читали и пѣли по-болгарски, а нынѣ только въ селѣ Патакѣ и въ монастырѣ Преп. Іоанна Рыльскаго.» Потомъ привели насъ паки на гостинищу, и много съ нами разговаривали, и просили насъ, чтобы мы у нихъ погостили и отдохнули отъ путшаго труда, ибо теперь уже святая Аѳонская Гора недалеко, только осталось четыре дня ходу. Потомъ представили намъ трапезу добрую, но хлѣбъ, предложили паки ячменный. Мы же много тому удивлялись, и боялись, думая: ежели здѣсь, среди

міру—монастырь, да и то ячменный хлѣбъ даютъ; то уже въ Аѳонѣ долженъ быть пополамъ съ мякиной. Однако, мы спросили: «почему вы насъ угощаете ячменнымъ хлѣбомъ?» Намъ отвѣчали: «Простите насъ, отцы: мы другаго не имѣемъ, а который сами ѣдимъ, тѣмъ и васъ угощаемъ. Такое установленіе имѣемъ отъ ктиторовъ обители сея: еще кто хочетъ жить въ монастырѣ семъ, другаго хлѣба да не ястъ, кромѣ ячменнаго. Еще, у насъ женамъ входъ запрещенъ: хотя и близко градъ, только два часа ходу, а село почти рядомъ, но жена ни одна не бывала во вратахъ монастырскихъ, а только проходятъ мимо вратъ, молятся иконѣ, на вратахъ стоящей.» Еще мы спросили о водѣ, сколько времени она идетъ отъ того мѣста, гдѣ пошла въ землю, и до монастыря? Намъ сказали: «Прямо по долину, гдѣ текла прежде, только два часа и меньше; а теперь доходить въ двадцать четыре часа; это мы узнаемъ потому, что, когда пройдетъ дождь и возмутитъ воду, то мы запасаемъ чистой воды; а чрезъ двадцать четыре часа, послѣ дождя, проходитъ и къ намъ мутная вода. Еще выше монастыря есть пещера, столь великая и странная, что ходимъ со свѣщами шесть часовъ, но изслѣдовать всю не можемъ. Тамъ находимъ и воду сію.» И иная многая намъ рассказывали. Спаси ихъ, Господи!—весьма страннолюбивы.

53. Еще намъ рассказывали о своемъ градѣ Сerezъ, что весьма великъ и богатъ. «Внутри града двадцать четыре церкви православныхъ. Есть Митрополитъ и Епископъ. Иногда здѣшнихъ Митрополитовъ избираютъ во вселенскіе Патріархи Константинопольскіе. Власть во градѣ почти христіанская; хотя и есть

турки, но весьма мало, почти одинъ Паша. Купечество тамъ весьма милостивое, много жертвуетъ во святую Аѳонскую Гору; весьма степенное: ни въ какія пустыя замѣшательства не входитъ, а ѿ смиреніемъ его турецкое носитъ. Во время 1818 и 1821 годовъ почти вся Турція замѣшалась и пострадала; но градъ Серезъ остался вѣренъ Султану, и ни одна душа не пострадала и не пропала. Хотя и были у Султана въ сумнѣніи, и содержалось сто сорокъ человекъ подъ стражею сорокъ дней, но послѣ всѣхъ выпустили. И теперь очень у Султана въ уваженіи, и дана во градъ полная власть христіанамъ: и творятъ по граду крестные ходы безъ всякаго препятствія. Богослуженіе отправляютъ на греческомъ языкѣ. Люди живутъ больше трехъ родовъ: Греки, Болгары, а болѣе Кочовлахи, всѣ православные христіане. Есть не много и турокъ. А жидовъ и нѣмцевъ не принимаютъ во градъ и жить, развѣ только пріѣзжаютъ на ярмарку. Наполненъ же градъ монашескимъ чиномъ, а наипаче монахинями: множество женскихъ обителей, скитовъ и богадѣленъ и келлій, такъ что по улицамъ не увидишь столько мірскихъ, сколько черноризцевъ и черноризницъ; въ церквахъ чинъ и порядокъ наблюдаютъ весь монастырскій, какъ во Святой Горѣ Аѳонской. И во всемъ градъ нѣтъ ни жида, ни еретика, ни раскольника; только—мало турокъ.» Мы же сіе слышавши, весьма радовались, и прославили Бога, что еще есть на свѣтѣ такіе благочестивые города. Много и въ Аѳонской Горѣ о немъ говорятъ добраго. Потомъ благодарили за ихъ бесѣду, и они разошлись. Поутру послѣ утрени отправились мы въ путь. Отцы же, страннолюбивые, насъ напутствовали, проводили,

и не совѣтовали намъ заходить во градъ; и говорили: улицъ множество, узкія и кривыя; много будете блуждать, и много васъ будутъ останавливать и любопытствовать, и вы заночуете; а на утро Недѣля: паки васъ не отпустятъ. Вы идите позади града.» Простившись, мы пошли въ путь. Потомъ пришли ко граду Серезу. Отъ монастыря до града десять верстъ. Но мы во-внутрь не пошли, а пошли позади города. Градъ остался въ правой рукѣ, но не много его захватили, и пообѣдали; хлѣба намъ дали бѣлаго пше-ничнаго, вина добраго, густаго, сладкаго, подобнаго меду; во всю дорогу такового не пили. Мы спросили: «по-чемъ такое продается на базарѣ?» Намъ сказали, что по десяти паръ (т. е. по пяти коп.) око (т. е. три фунта вѣсу), и мы много удивились, что очень дешево. Пообѣдавши, пошли въ путь. И шли шесть часовъ, т. е. тридцать верстъ, чрезъ долину, по ровному мѣсту. Къ вечеру подошли къ горамъ. И вошли въ село христіанское Негриту; и приняли насъ ласково, но уже не болгары, а греки: по-болгарски мало что знаютъ говорить, и упокоили насъ пищею и пиѣемъ.

54. Здѣсь сказали намъ печальную вѣсть, что до св. Горы три заставы, и берутъ турки за бороды: на двухъ по двадцати пяти левовъ съ человѣка, т. е. по пяти руб. съ бороды, а на третьей по двѣнадцати съ половиною левовъ, т. е. по два руб. пятидесяти коп.; всего надобно намъ двоимъ отдать сто двадцать пять левовъ, или двадцать пять рублей. И объяла насъ великая скорбь, что мы столько не имѣемъ и денегъ; да и напрасно поганымъ туркамъ отдать не хочется; и начали спрашивать: не можно ли заставы

какъ обойдти? Намъ сказали: « Можно обойдти, да не вамъ, потому что вы дорогъ не знаете, не умѣете ни говорить, ни спросить, а по-болгарски здѣсь никто не знаетъ. Но ежели хотите знать дорогу, то, какъ изъ нашего села выйдете, возьмите въ лѣвую руку, а послѣ держитесь правой.» Мы здѣсь ночевали; по-утру была Недѣля: греки всѣ пошли въ церковь, и мы зашли, не много помолились. Церковь каменная, великая и прекрасная, и множество иконъ и паникадилъ. Мы же, призвавши Бога на помощь, скоро поили въ путь, и поворотили съ большой дороги въ-лѣво. И много въ тотъ день блуждали по горамъ и по лѣсамъ. Однако, слава Богу, въ половинѣ дня попали въ деревню. Хотя и ни одного слова ни мы не понимали у жителей, ни они у насъ: но христіане намъ хлѣба и вина дали, и показали намъ путь. Мы же къ вечеру вышли на большую дорогу. Слава Богу! одну заставу обошли. Попался по пути обозъ; мы шли съ нимъ до поздняго вечера, и стали подходить къ другой заставѣ, о чемъ намъ извопники сказали. Мы же наки пошли въ сторону, гдѣ темной ночью много блуждали по лѣсамъ. И ночью одну рѣчку четырежды перебродили выше пояся; а вода быстрая и холодная. Потомъ попали на дорогу, да не на свою. Около полуночи пришли въ село, и увидавши въ одномъ домѣ огонь, попросились ночевать, и насъ приняли съ любовію; это была гостинница; и упокоили насъ пищею и питіемъ. Гостинникъ не много умѣлъ говорить по-болгарски, и хорошо съ нами разговаривалъ,—истинный христіанинъ,—спаси его Господи! И сказалъ намъ: « Въ нашемъ селѣ есть стража и застава; но я рано васъ провожу, и покажу путь по

другой деревнѣ: тамъ уже больше заставъ не будетъ. А вы сюда зашли въ сторону и даже назадъ ; наше село стоитъ на берегу моря. » Потомъ мы уснули спокойно ; ибо весьма въ тотъ день устали : ушли шестьдесятъ верстъ , да еще много блуждали ; весь день бѣжали безъ памяти, страха ради турецкаго. Поутру рано гостинникъ проводилъ насъ прямо чрезъ рѣчку , и показалъ намъ путь въ деревню. И пришедши въ деревню , не нашли ни одного , кто знаетъ по-болгарски ; и показали намъ путь на гору , и мы взошли на гору , и путь потеряли , такъ что никакого не стало. И блуждали по горамъ и по непроходимымъ лѣсамъ безъ всякихъ дорогъ (лѣсъ—все каштановый) далѣе полудня. Хотя хлѣбъ и имѣемъ , да воды нѣтъ. Потомъ сошли паки въ долину , и тамъ попали на дорогу , и воды нашли много ; и мы подкрѣпились хлѣбомъ и водою , и пошли паки къ морю , и возлѣ моря нашли деревню , но во всей деревнѣ не нашли ни одного , кто бы зналъ по-болгарски. Мы стали спрашивать дорогу на Низворъ , и намъ паки показали на гору. О , сколько намъ было тогда грустно и скорбно!

55. Потомъ пошли въ путь ; а вечеръ уже не далеко ; и мы шли на гору два часа , уже и поплакали и устали , ибо много мы въ сіи два дня перелазили горъ и вертеповъ , и плутали по лѣсамъ ; и отъ болѣзни сердца своего восплакали , и воскликнули : « О , св. Гора Аѳонская ! Далекъ ли ты отъ насъ обрѣтаешься ? И когда ты нашимъ очесамъ откроешься ? И когда мы тебя увидимъ , и насладимся твоею красоты ? О , св. Гора Аѳонская ! Покажи намъ свою поднебесную высоту , и обвесели насъ скорбящихъ , и утѣшь насъ плачущихъ , обрадуи насъ болящихъ ! Уже ноги наши приу-

стали, и тѣло наше заболѣло, и души наши приуныли, и сандалии наши поносились. О, св. Гора Аѳонская! Когда будетъ то время, что мы на тебя будемъ смотрѣть? И когда придетъ то время, что мы по тебѣ будемъ ходить, и наслаждаться твоею красотою?» — Но хотя мы и приустиали, но поспѣшали, сколько могли, чтобы пораньше, за-свѣтло, подняться на гору. И поднявшись, взошли на самый хребетъ. И вдругъ открылось намъ новое и радостное зрѣлище: мы увидали конецъ своему пути. Кругомъ виднѣлось море: по правую страну море, и по лѣвую море, и прямо впереди море.—Конецъ своему пути видимъ, а тихаго своего пристанища, св. Горы Аѳонскія, не видимъ! О семъ много соболѣзовали. Потомъ спустились версты двѣ внизъ, и пришли въ село Низворъ. Одна жена гречанка подала намъ цѣлый теплый пшеничный хлѣбъ, за что мы ее благодарили. Въ селѣ Низворѣ двѣ церкви и Епископъ. Мы же взошли на гостинницу, гдѣ приняли насъ съ любовію. Гостинникъ—молодой и ласковый, и знаетъ по-болгарски. Мы его начали спрашивать: «Гдѣ св. Гора Аѳонская? Покажи намъ ее, да утѣшимъ мы свою скорбь.»

56. Онъ вывелъ насъ на крыльцо, и показалъ намъ многовождемъ наше пристанище, и сказалъ намъ, показывая рукою: «Вотъ Св. Гора. Но теперь верха ея не видно, покрытъ облаками; онъ осенью и зимою мало когда открывается, но всегда покрытъ облаками, а лѣтомъ часто его видно. А это — его перешеекъ.» Мы спросили: «а сколько будетъ до перешейку, и сколько до Аѳону?» Онъ же сказалъ: «ежели скоро пойдете, то завтра къ вечеру дойдете до перешейка; а до верху Аѳона пять дней ходу.» Мы же не повѣ-

рши, и сказали: «можетъ ли это быть? до перешейку не болѣе одного часа, а до Аѳону одинъ день?» Онъ же сказалъ: «когда пойдете, тогда узнаете.»

57. Тогда мы восплакали, и пали на землю, и поклонились Св. Горѣ, глаголюще: «Покланяемся тебѣ, святоименитая Гора Аѳонская, Богородиченъ святой домѣ! Покланяемся и твоей игуменіи и назирательницѣ Пресвятой Владычицѣ, Пречистѣй Дѣвѣ Богородицѣ! Покланяемся твоимъ гражданамъ и жителямъ, великому ополченію Царицы Небесной, — св. отцамъ аѳонскимъ! Покланяемся твоимъ св. лаврамъ, монастырямъ, киновіямъ, скитамъ и келліямъ! Покланяемся твоимъ камешкамъ, кровію и слезами и потомъ омыченнымъ св. отцами аѳонскими! О, блаженны очи наши, видящія тя, св. Гору Аѳонскую! И благословенъ день сей, въ онъже сподобихомся тебе увидѣти. *Сей день, егоже сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся въ онъ. Сей воистину святой и аспрагдственный день, въ онъже увидяхомъ тя, св. Гору Аѳонскую.* Днесъ мы видимъ отъ скорбей нашихъ утѣшеніе, отъ печалій премѣненіе, дальняго и жестокаго и многотруднаго пути окончаніе!» — Потомъ вечеромъ упокоили насъ пищею и питіемъ; и сами, гостинникъ съ женою, съ нами возвеселилися. Спаси ихъ Господи! И греки весьма страннолюбивы, привѣтливы и уважительны. Потомъ мы спали спокойно; по-утру рано встали, и пошли въ путь. Гостинникъ далъ намъ хлѣба на путь, и мы шли радуясь, и единъ другаго предваряя. А путь все подъ гору, и мы бѣжали: яко елени бѣгутъ ко источникамъ воднымъ, такъ мы бѣжали къ св. Горѣ Аѳонской; всю свою немощь и всю усталость оставили назадъ, въ Балканскихъ горахъ и

въ македонскихъ лѣсахъ. И обновися, яко орля, юность наша. Позабыли все скорби и болѣзни, и непроходимыя горы и лѣса, страхи и ужасы отъ турокъ и разбойниковъ. Вся мимо идоша, нынѣ вся нова быша. Нынѣ радость и веселіе. Нынѣ видимъ многовождемънное и давно возлюбленное наше сокровище, которое видѣть съ юныхъ лѣтъ неограниченное имѣли желаніе, — видимъ св. Гору Аѳонскую. Было сладостно и радостно только слышать о Св. Горѣ, и видѣть ея изображенія на стѣнахъ: какъ же намъ было днесь не радоваться и не веселиться, когда устремили мы свои очи прямо на св. Гору Аѳонскую, и видимъ ее уже не въ гаданіяхъ, якоже прежде, но лицомъ къ лицу? Хотя и тщилися къ вечеру до ней достигнуть, но не получили той радости; и помышляли, когда наши ноги по ней пойдутъ, когда наши грѣшныя руки будутъ ее осязать, когда наши скверныя уста будутъ лобызать ее святыню. Въ такихъ мысляхъ сошли мы къ самому морю, и шли подлѣ моря по заплеску. Около полудня пришли на источникъ, сладкую и холодную воду точащій. Здѣсь вкусили хлѣба; и паки пошли въ путь. И уже близко вечера пришли въ село Ерисово, или Гирсово; греки приглашали насъ ночевать, и говорили, что ихъ уже послѣднее село до Св. Горы, а до монастыря Хилендаря далеко, девять часовъ ходу, т. е. 45 верстъ. Мы же спросили: «а что, не можемъ ли ночевать на пути?» Они сказали: «можете: есть монастырскіе метохіи, т. е. хутора.» Мы не медля пошли въ путь далѣе.

58. Отъ села Гирсова отшедши верстъ пять, подошли къ перешейку. Перешеекъ отъ моря до моря съ-полверсты. Здѣсь прежде была каменная стѣна:

башни еще и до-днесь стоятъ ; но стѣна разрушилась. Мы же , подошедши , пали на землю , и обливаясь слезами говорили : « Пріими насъ, Владычице; пріими, Пресвятая и Пречистая Дѣво Богородице; пріими насъ, Небесная Царице, въ Свой святыи жребіи: пріими насъ, обремененныхъ грѣхами ; пріими подъ Свое покровительство! О Владычице, пріими насъ отъ суетнаго и многмятежнаго міра и отъ его прелестей! Пріими, Владычице, въ Свое тихое пристанище; пріими насъ, заблудшихъ овецъ, въ Свою небеси подобную ограду! Причисли и присоедини насъ къ Своему избранному стаду! О Владычице, не возгнущайся насъ грѣшныхъ рабовъ Твоихъ, и не отрини насъ скверныхъ, но Сама насъ очисти и освати, и благослови насъ путешествовать по святому Твоему жребію грѣшными нашими ногами! Пріими, Владычице, и наставъ насъ найти пастыря, отца духовнаго, который бы насъ руководствовалъ ко спасенію по незаблудному пути, ведущему въ царствіе небесное! О Владычице, покажи намъ и мѣсто, гдѣ имамы спастися! Сподоби насъ, Владычице, во святомъ Твоемъ жребіи препроводить въ покаяніи остальные дни жизни нашея, и скончать животъ нашъ, а по смерти сподоби получить намъ вѣчное блаженство! Аминь.»

Тако помолившись, со страхомъ и трепетомъ вступили въ жребіи Божіей Матери. Шли одинъ часъ, и пришли къ метоху, т. е. хутору, и стали проситься почевать. Тамъ же всѣ греки: языка нашего не понимаютъ, а показываютъ впередъ, что тамъ есть болгары. Мы пошли далѣе, и еще шли одинъ часъ. И отъ самаго перешейку шли все по ровному мѣсту,

полями и лѣсами: лѣсъ—болѣе кедровый и сосновый; и дикія масличныя древа.

59. Потомъ начали подходить къ самой Св. Горѣ. Подъ горою великій садъ масличныхъ древъ, и много братій и работниковъ собираютъ масличныя ягоды. Мы сказали: «помози вамъ, Боже, отпы св. и братія!» Они отвѣтили: «спаси васъ Господь!» Мы же возрадовались, услышавъ и познавъ, что они болгары. Мы спросили: «какого монастыря?» Они отвѣтили: «Хилендаря.» Мы попросились ночевать, и они насъ съ любовію приняли, и въ вечеру сотворили насъ участниками своей трапезы, и упокоили насъ пищею, хлѣбомъ и виномъ. О, коль сладка и пріятна и весела была намъ сія трапеза! Потому что уже утѣшались не съ мірскими, какъ прежде, но со святыми отцами, съ жителями св. Горы Аѳонскія. И они любезно съ нами разговаривали и спрашивали насъ: «Какъ мы прошли такой дальній и трудный путь? Какъ переходили великія горы Балканскія, и не претерпѣли ли какой обиды отъ турокъ и отъ разбойниковъ?» Мы имъ все рассказали, и они весьма о насъ сожалѣли, и утѣшали насъ, говоря: «теперь, слава Богу, вотъ св. Гора Аѳонская: всѣ кончились ваши страхи и скорби и ужасы; за-утро рано вступите на Св. Гору, и въ нашъ монастырь прійдете ночевать.» Мы же отъ радости проливали источники слезъ, видя аѳонскихъ братій, совершенную любовь имущихъ, и неограниченное ихъ страннолюбіе и страннопріятіе: еще мнѣ во всю жизнь свою не случалось видѣть таковую любовь имущихъ людей. И часто мы возводили очи свои на Св. Гору, помышляя, что сидимъ мы въ самомъ ея преддверіи, у самой ея подошвы, какъ Марія у ногъ

Христовыхъ. И благодарили Царицу Небесную за Ея неограниченныя къ намъ милости, что сподобила насъ достигнуть до св. Горы Аеонской; и часто восклицали: «Благодаримъ Тя, наша Владычице! Благодаримъ Тя, Пречистая Дѣво Богородице, за Твои неизреченныя къ намъ благодѣянія, яко сподобила насъ вступить въ святой Свой жребій! И съ какою любовію и привѣтствіемъ Ты встрѣтила насъ и приняла въ преддверіи! Еще только стали входить во врата, а уже и встрѣтила Ты насъ своею милостію. О Царица Небесная! Какъ Ты сама милостива къ роду человѣческому: такихъ имѣешь и рабовъ Своихъ, жителей и обитателей Своего жребія.» Потомъ легли спать, и отцы снабдили насъ своею одеждою, чтобы мы не простудились: ибо тогда уже были ночи холодныя, было 7-е число Ноября. По-утру отцы дали намъ на путь хлѣба и вина въ тыквы, маслинъ и смоквинъ и изюму; день тотъ былъ среда и праздникъ св. Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ Силъ. На прощаньи отцы просили насъ, чтобы въ ихъ монастырь зашли ночевать. Мы же благодарили за ихъ любовь. Здѣсь хлѣбъ ѣли мы бѣлый пшеничный, вкусный, какого всю дорогу не ѣли. Здѣсь не такъ, какъ въ Македоніи, гдѣ ѣдятъ ячменный хлѣбъ. Вотъ какъ Царица Небесная чадъ Своихъ и работниковъ утѣшаетъ, и Своихъ воиновъ успоколяетъ!

60. Простившись и вышедши, мы вступили уже якобы въ самыя двери Св. Горы, и воспѣли: «Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице! Надѣющіися на Тя да не погибнемъ, но да избавимся тобою отъ бѣдъ! Ты бо еси спасеніе рода христіанскаго.» Вступили на Гору; и пошли по са-

мому острому камню, и было весьма круто. И мы каждый ступень омочали слезами отъ радости, и припѣвали разные стихи, радости нашей приличные: «возведомъ очи наши въ горы, отнюдуже приидеть помощь наша: помощь наша отъ Господа, сотворшаго небо и землю.» И паки: «на горы, душе, воздвигнемся: гряди тамо, отнюдуже помощь идетъ.» Выходила на гору съ-полчаса, и взошли на самый хребетъ. День тогда былъ ясный.

61. И открылась намъ восточная страна св. Горы Аѳонскія: множество горъ и холмовъ и великихъ удолий; покрыты всѣ темными лѣсами. Изъ-за горъ выше всѣхъ холмовъ показываетъ свою обнаженную главу самъ Аѳонъ. Но до него было еще далеко, болѣе ста верстъ. У Аѳона самый верхъ голый и острый; самъ онъ стоитъ выше всѣхъ горъ и холмовъ, какъ отецъ выше дѣтей своихъ. И мы ему поклонились, какъ отцу всея Горы Аѳонскія. Монастырей же и скитовъ ни одного не видимъ: они всѣ спрятались подъ крылышки своей матери; стоятъ между горъ въ удолияхъ, въ тихихъ и безмолвныхъ мѣстахъ. Мы же шли радуясь и веселясь. Якоже агнцы на травѣ пасущися играютъ: тако мы, по св. Горѣ Аѳонской идуще, веселихомся. По лѣвую страну насъ было море, по правую страну св. Гора, и впереди насъ св. Гора, и позади насъ св. Гора. Оставайся теперь ты, міръ, со всѣми своими прелестями и со всѣми превратными и непостоянными своими красотами. Уже не боимся теперь твоихъ буйныхъ вѣтровъ; не боимся твоихъ великихъ волнъ, имиже ты прельщаешь и уловляешь, разбиваешь и потоняешь рабовъ Божіихъ, хотящихъ спастися. Уже мы теперь въ тихомъ

и небурномъ пристанищѣ. Уже не боимся теперь Балканскихъ горъ. Не боимся теперь поганыхъ турокъ и разбойниковъ. О Господи! За что прежде всего воздадимъ Тебѣ благодареніе? Яко многихъ и великихъ исполнилъ еси насъ благъ, и великія и неизреченныя Своеи милости изліялъ еси на насъ. Благодаримъ Тя, Господи, яко избавилъ еси насъ отъ душепагубнаго раскола, и присоединилъ насъ грѣшныхъ ко Своей Св. Церкви. Благодаримъ Тя, Господи, яко сподобилъ еси насъ перейти такой дальній путь безъ великихъ скорбей и напастей. Благодаримъ Тя, Господи, яко сохранилъ еси насъ неврежденныхъ отъ поганыхъ турокъ и разбойниковъ. Благодаримъ Тя, Господи, яко сподобилъ еси насъ достигнуть въ сіе тихое пристанище, во жребій возлюбленной Твоей Матери, Дѣвы Маріи, нашей Владычицы, Богородицы. Теперь сподоби насъ, Господи, въ семъ тихомъ пристанищѣ провести остальные дни жизни нашея, и въ покаяніи скончать животъ нашъ! Теперь, Господи, препоручи насъ на сохраненіе и на распоряженіе возлюбленной Твоей Матери!» И тако вдохомъ по святой Горѣ, радостныя слезы испущающе, и благодарственные гласы возсылающе. И шли мы все съ горы на гору: по обѣимъ странамъ великіе лѣса, больше сосновые и кедровые; попадались много деревъ прекраснаго платану, но мы не знали, какъ называется, а только удивлялись его красотѣ и его прекрасному листвію. По дорогѣ все камень. По сторонамъ много было разныхъ цвѣтовъ, и много цвѣло деревъ, какъ въ Молдавіи весной, и много на древахъ плодовъ было, но мы не знали, какъ ихъ звать, и боялись ихъ вкушать. Это была камарня, красная и бѣлая.

62. Въ половинѣ дня пришли къ фонтану , добрую и холодную воду точащему. Подлѣ фонтана стоитъ крестъ. Мы , помолившись, сказали : « прежде всего встрѣтилъ насъ крестъ : видно, намъ въ Св. Горѣ надобно понести крестъ иноческаго житія.» Потомъ пообѣдали и мало опочили , и паки пошли въ путь, но жилищъ монашескихъ никакихъ не видали, а только одни лѣса и горы и камни. Потомъ начали со скорбію помышлять о томъ, что намъ говорили въ Молдавіи, что безъ денегъ не примутъ и ночевать, а не только жить. А мы что будемъ дѣлать? У насъ у двоихъ осталось только пятьдесятъ левовъ, или десять рублей: насъ и ночевать не пустять; и восплакали : « О Владычице наша, Пресвятая Богородице! На Тя надѣюща, приидомъ во Св. Гору, а не на деньги; и не на человѣка, но на Тебя, Царице Небесная, надѣмся, и Тобою хвалимся, Твой бо есмь раби : да не постыдимся.» Былъ уже не далеко вечеръ; взопли мы на одну небольшую гору , и вдругъ открылось намъ много келлій и скитовъ , а къ морю на скалѣ стоитъ небольшой монастырь. Мы возрадовались , что уже наступаютъ жилища святогорскія и монашескія обители, и помышляли , что это самый монастырь Хиландарь. И увидали , что идутъ поперекъ дороги два монаха. И они, увидавши насъ, подождали. Мы, подошедши къ нимъ, поклонились, и они насъ спросили : « откуда и какого роду? » Мы сказали : « роду русскаго, а проживали въ Молдавіи.» Одинъ изъ нихъ сказалъ : « я и самъ русскій , орловской губерніи », и много съ нами разговаривалъ, а послѣ сказалъ : « ежели вамъ угодно, то приму въ ученики.» Мы же отвѣтили : « Спаси васъ Господи! Посмотримъ, какъ бу-

детъ угодно Божіей Матери.» Еще мы спросили: «а гдѣ монастырь Хилендарь, и далеко ли до него?» И они показали его внутри горъ по долицѣ, и сказали, что до него полчаса ходу. Мы же спросили: «а сей что за монастырь на берегу моря стоитъ?» Они сказали: «сей монастырь Вознесенскій, называемый Старый; въ немъ братіи живетъ не много; принадлежитъ къ монастырю Хилендарю.» Мы же, поклонившись имъ, пошли къ монастырю Хилендарю; шли и говорили: «Слава Богу! первая встрѣча добрая: уже въ ученики зовутъ, а денегъ не спрашиваютъ!»

63. И шли мы по ровному мѣсту, по мягкой землѣ; дорога широкая и колесная, какой мы отъ самой Молдавіи не видали: пескомъ, какъ нарочно, усыпана. Хотя въ Аѳонѣ и нѣтъ обычая ѣздить на колесахъ, но въ Хилендарѣ позволяетъ мѣсто до моря, до пристани. По сторонамъ трава зеленая, цвѣтами покрытая; лѣсъ прекрасный, дубовый и лавровый, какъ нарочно насажденный, и частые садожки: виноградные, масличные и смоковичные, и воздухъ прохладный. И мы идемъ, какъ въ раю, радуемся и веселимся, и удивляемся красотѣ мѣста, а сколь есть прекрасна св. Гора Аѳонская! По правую руку бѣжитъ небольшая рѣчка съ холодной водою. И какъ ~~стали~~ мы выходить изъ лѣсу, открылось намъ множество кипарисовъ прекрасныхъ, какъ роща. Позади кипарисовъ стоитъ спрятавшаяся въ самой тишинѣ и безмолвіи св. великая Лавра, пречестная обитель Хилендарская. И когда она намъ открылась вся, то мы не могли далѣе идти: стояли изумляясь и много удивляясь, и плача сами себѣ говорили: «Что мы видимъ? не мечтаніе ли? не привидѣніе ли? не во снѣ ли

намъ показывается , чего мы не чаяли , ниже помышляли? Неужели таковы аѳонскіе монастыри? Неужели таковы святогорскія обители?» Былъ я въ Кіевѣ, былъ я въ Москвѣ , былъ я въ Саровской пустыни, былъ я въ Молдавіи и въ Буковинѣ : но ни гдѣ таковыхъ монастырей не видалъ.

64. Не много отошли, и се внезапно, по лѣвую страну дороги, увидали новую и преславную вещь: стоитъ сама Игуменія св. обители Хилендарскія , Пресвятая Владычица наша, Пречистая Дѣва, Богородица; стоитъ чудотворная ея икона Троеручица , самый точный списокъ съ подлинной , отъ древнихъ лѣтъ здѣсь поставленный. Предъ нею стоитъ подсвѣчникъ со свѣщею, и горитъ неугасаемая лампада. Мы, увидавши ее, бросились къ ней, и пали предъ нею на землю, восплакали , и со слезами возопили: « О Пресвятая наша Владычице, Пречистая Дѣво, Богородице, прости насъ грѣшныхъ! О Небесная Царице, благослови насъ недостойныхъ рабовъ Твоихъ! О Владычице! или Ты вышла встрѣчать насъ? О Владычице! или Ты вышла изъ Своей обители обласкать насъ странниковъ , не имѣющихъ гдѣ главы подклонити? О Небесная Царице! или вышла утѣшить насъ скорбящихъ? О Владычице ! Только успѣли мы увидать Твою святую обитель, еще не успѣли ее довольно разсмотрѣть , а Ты уже сама насъ встрѣчаешь ! О Царице Небесная и Назирательница св. Горы Аѳонскія ! Ты еси сама въ ней Госпожа и Игуменія. Пріими насъ, Госпоже, заблудшихъ овецъ во Свою ограду. Пріими насъ, Госпоже, странниковъ, не имѣющихъ гдѣ главы подклонити , во Твою святую обитель. О Госпоже ! не возгнушайся насъ грѣшныхъ. Якоже возлюбленный

Твой Сынъ и Богъ нашъ сказалъ : *грядущаю ко Мнѣ не изжену вонъ* : тако и Ты , о Владычице ! прими насъ отъ суетнаго міра къ Тебѣ пришедшихъ. Прими, Владычице , насъ обремененныхъ грѣхами и немощныхъ. Прими насъ , Небесная Царице , во Свой святыи жребій , данный Тебѣ отъ Сына и Бога Твоего. Прими насъ подъ Свое покровительство. Покрой насъ , Владычице , честнымъ Своимъ омофоромъ , и причисли насъ къ избранному стаду Твоему ; присо-вокупи насъ къ великому Своему ополченію. О Всемилостивая Владычице ! сподоби насъ обрѣсти отца духовнаго и наставника и путеводаителя къ вѣчному блаженству. О Владычице ! покажи намъ и мѣсто, гдѣ имѣемъ спастися. О Владычице ! сама буди о насъ попечительница , сама буди намъ помощница и заступница ; сама буди намъ наставница и учительница , наставляя и научая насъ на полезное. Сама бо Ты, Владычице , Своими пречистыми устами произнесла такое обѣщаніе о св. Горѣ Аѳонской : « Сей Мой жребій , данный отъ Сына и Бога Моего Мнѣ ; и не имамъ его оставить даже до скончанія вѣка. И иже въ немъ будутъ препровождать жизнь свою, Сама буду имѣть о нихъ попеченіе и промышлять о всемъ имъ нужномъ къ житію, Сама буду имъ врачъ и питатель, научать и вразумлять ихъ на благое, и отвращать отъ неполезныхъ. А кто соблюдетъ заповѣди Сына Моего , и здѣсь скончаетъ животъ свой,—Сама предстану у Сына и Бога Моего , и испрошу оставленія грѣховъ ихъ.» Такое-же Ты., Владычице, дала обѣщаніе и св. Петру Аѳонскому. Такое Твое обѣщаніе и мы услышавши, грѣшнии, приидомъ отъ далекия страны во св. Гору Аѳонскую, — въ Твой

святѣй жребіи, подѣ Твое, Владычице, покровительство ; пріими и насъ подѣ Свое попеченіе , да и на насъ исполнится Твое обѣщаніе. Сподоби же насъ, Владычице , препроводить остальные дни жизни нашей во святомъ Твоемъ жребіи , во св. Горѣ Аѳонской , и въ покаяніи скончать животъ свой. А по смерти нашей, якоже обѣщалась у Сына и Бога Своего просить оставленія грѣховъ нашихъ, сподоби намъ получить вѣчное блаженство. Аминь.» И тако помолвшись встали, и лобызали св. икону. И паки къ ней говорили : « Иди съ нами , Владычице , невидимо, и пріими насъ во Твою святую обитель, и упокой насъ странниковъ, и отъ пути утружденныхъ. Сама бо Ты, Владычице, здѣсь Игуменія и Начальница. Къ Тебѣ бо пріидомъ прежде поклониться , и отъ Тебя прежде получить благословеніе на прожитіе во Твоемъ святомъ жребіи, Горѣ Аѳонской.

65. Потомъ шли мы къ монастырю , между кипарисовъ ; и когда вышли изъ кипарисовъ , открылся намъ монастырь весь явственно. И мы много чудились и удивлялись великолѣпію и красотѣ монастыря. Не чудно бы было намъ, ежели бы мы увидали такой огромный и прекрасный монастырь въ Молдавіи или въ Россіи, подѣ христіанскою Державою: но то чудно, что болѣе четырехъ сотъ лѣтъ Аѳонская Гора находится подѣ тяжкимъ игомъ турецкимъ , что по всей Турціи , по селамъ и по градамъ , всѣ церкви и монастыри разорены, а хотя и есть вновь выстроенные, но и то безъ куполовъ и безъ крестовъ , безъ колоколенъ и безъ звоновъ, на-подобіе домовъ; но здѣсь видимъ не такъ , а въ полномъ христіанскомъ благо-

лѣпія. Монастырь обнесенъ весь не оградою, но корпусами келлій въ четыре и пять этажей: въ нижнихъ двухъ этажахъ только во-внутрь монастыря подѣланы окна, а въ верхнихъ— на обѣ стороны; стѣны усыпаны множествомъ оконъ съ крыльцами, галереями и балконами; всѣ раскрашены красками, такожде и окна, и между оконъ выкрашено. Изнутри же монастыря надъ корпусами возвышается много куполовъ, покрытыхъ оловомъ, съ главами и крестами; такожде и колокольня съ колоколами и съ крестомъ, и двѣ высокія пирги, т. е. башни. Всѣхъ церквей въ монастырь болѣе двадцати: двѣ посреди монастыря, а прочія въ корпусахъ. Кто такому великолѣпію можетъ не почудиться? Днесь увидѣли мы исполненнымъ Божіей Матері обѣщаніе о св. Горѣ Аѳонской: «сію гору Азъ избрала изъ всея вселенныя въ жилище Себѣ; Сама буду здѣсь пребывать и сохранять; сей Мой жребій; и не имамъ его оставить до скончанія вѣка.» Здѣсь мы видимъ словесъ сихъ событіе: св. Гора Аѳонская одна въ Турціи осталась въ древней полной своей красотѣ невредима, и процвѣтаетъ, яко кринъ посредѣ тернія; и яко свѣтильникъ стоитъ на свѣщникѣ, и въ темной храмѣ всѣхъ освѣщаетъ. И якоже солнце на небеса сіяетъ и своими лучами весь міръ освѣщаетъ и согрѣваетъ: такоже и св. Гора Аѳонская, аще и въ турецкомъ царствѣ, аще и въ неволѣ пребываетъ, аще и подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ находится, но сіяетъ своимъ древнимъ благочестіемъ и просвѣщаетъ вселенную, красуется своею красотою; и не боятся турецкой власти и никакого человѣческаго страхованія, потому что имѣетъ надъ собою назирательницу саму

Небесную Царицу, Которая ее спасаетъ и избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

66. Идя далѣе и Божію Матерь прославляя, мы подошли къ самымъ вратамъ монастырскимъ. Врата и обѣихъ страны, и выше вратъ, все расписано иконнымъ писаніемъ, праздниками и разными чудесами Пресвятыя Богородицы. Надъ самыми вратами стоитъ великая икона Богородицы; предъ нею висятъ большой фонарь съ лампадой горящею. Подлѣ вратъ на скамьяхъ сидѣли до десяти монаховъ, сѣдинами украшенныхъ. Мы, предъ иконою сотворивши три поклона, отцамъ поклонились, и они насъ привѣтствовали, и спросили: «отъ какой страны, братія, пришли къ намъ?» Мы же отвѣтили: «отъ далекой страны, отцы святіи, отъ земли молдавской.» Они еще спросили: «Зачѣмъ потрудились пройти такой дальній путь: только поклониться, или и пожить?» Мы же отвѣтили: «и поклониться, отцы святіи, и препровождать остальную жизнь свою, аще угодно будетъ Божіей Матери.» Они сказали: «благое ваше намѣреніе; здѣсь Царица Небесная всѣхъ съ любовію принимаетъ.» Потомъ подошелъ къ намъ вратарь, и спросилъ насъ: «чего здѣсь желаете?» Мы отвѣтили, что желаемъ въ монастырь ночевать. Онъ же сказалъ: «подождите здѣсь, пойду спрошу епитропа.» Потому вратарь пошелъ къ епитропу, что здѣсь игумена нѣтъ, а Игуменія—сама Пресвятая Богородица. А епитропъ избирается только на одинъ годъ. Мы сѣли въ бесѣдкѣ, подъ балдахинномъ, гдѣ всегда странніе отдыхаютъ. И тутъ бѣжитъ изъ фонтана холодная вода: мы хотѣли напиться; но отцы намъ не велѣли, и сказали: «не пейте; вода

сія для здоровья вредна ; сейчас пойдете въ монастырь, и тамъ дадутъ вина.»

67. Потомъ вышелъ вратарь, и повелъ насъ въ монастырь, И мы пошли во врата со страхомъ и радостію. Прошли двое вратъ желѣзныхъ , и пришли на дворъ, но еще не въ монастырь: тутъ были хлѣбныя магазины, конюшни, плевницы и работническія кельи. Вся вокругъ постройка каменная , четырехъэтажная. Потомъ еще прошли врата желѣзныя, третьи, и вошли внутрь монастыря. И возведохомъ окрестъ очи наши, и увидали не монастырь , а царскій дворецъ, или райскія чертоги. Монастырь пятиугольный : четыре страны четырехъэтажныя , а пятая въ пять этажей. Всѣ стѣны усыпаны окнами и галлереями, и во всѣхъ этажахъ подъ окнами стелется и вьется кроватный виноградъ. По монастырю много растеть кипарисовъ, лимонныхъ и апельсинныхъ древъ съ плодами. Посреди монастыря стоятъ двѣ церкви : одна великій соборъ седмивратный , въ память Введенія Пресвятыя Богородицы , а другая небольшая. Вратарь привелъ насъ въ трапезу, и приказалъ насъ покормить. Трапеза вся расписана иконнымъ писаніемъ; но отъ древности весьма потемнѣла. Въ ней стоитъ до тридцати столовъ, всѣ мраморные и полукруглые, и каѳедра для чтенія , чему мы весьма удивлялись. Потомъ представили намъ трапезу постную и хлѣбъ бѣлый пшеничный, и вина вдоволь; трапезарь сѣдѣлъ подлѣ насъ и потчивалъ , любезно съ нами разговаривалъ , и много насъ расспрашивалъ. Мы же ядохомъ, и благодарихомъ Божію Матерь , что такъ ласково насъ приняли и угощаютъ.

68. По трапезѣ , трапезарь проводилъ насъ на го-

стинницу , привелъ въ третій этажъ , и препоручилъ насъ гостиннику. Гостинникъ же ввелъ насъ въ гостинницу , не въ такую, какъ въ Россіи и Молдавіи, но въ великій залъ, со многими окнами, весь раскрашенный разными красками. Полъ устланъ прекрасными преиспещренными коврами; около стѣнъ тюфяки и подушки изъ разной матеріи. Мы боялись идти своими пыльными съ пути ногами. Гостинникъ же сказалъ намъ: « идите, не бойтесь: они для того и постланы, чтобы по нимъ ходить.» Мы же со страхомъ пошли, и сѣли на тюфяки: намъ стыдно было ходить въ обуви по такимъ дорогимъ коврамъ , и мы разулись. Потомъ принесли намъ на поднось угощенія, разныхъ напитковъ и сладкаго варенія и кофею. Мы же что могли выпили, а за прочее благодарили. Братія гостинничные сами ходятъ въ чулкахъ однихъ, а башмаки скидаютъ у порога. И весьма они намъ рады были, какъ родные братія или родители, и всѣ съ нами сѣли и любезно разговаривали, и насъ утѣшали. Въ монастырѣ Хилендарѣ всѣ братія славянскаго языка, болгары и сербы, грековъ же ни единого. Мы же сидѣли веселящеся, и отъ радости многи слезы проливали, и единъ другому говорили: « знать, любезный братъ, мы пришли не въ Аѳонскую Гору и не къ земнымъ челоуѣкамъ, но вѣрно, мы пришли въ горній Іерусалимъ, въ райскія чертоги, къ самой Царицѣ Небесной и къ самимъ небеснымъ Ангеламъ.» Потомъ ударили къ вечерни. Я сказалъ своему брату: « пойдемъ въ церковь: тамъ еще что-нибудь увидимъ неизреченное.» Онъ же мнѣ отвѣтилъ: « не пойду: весьма усталъ, и ноги болятъ.» Я ему сказалъ: « и у меня ноги болятъ, и усталъ; но терпѣнія нѣтъ,

чтобы не сходить, и не поклониться Божіей Матери, и не посмотреть церковь.»

69. И пошелъ я одинъ ; и пришедши къ паперти, поднялся на нѣсколько ступеней, и положилъ три поклона, и обозрѣлъ кругомъ. Вся паперть поддерживается многими мраморными цѣльными столбами. Вся церковная стѣна и верхъ расписаны иконнымъ стѣннымъ писаніемъ высокой греческой работы ; изображены разныя Евангельскія событія. Потомъ вошелъ во-внутрь въ великую церковь , но тамъ еще не церковь , а притворъ внутренній. Полъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, и свѣтится, яко стекло; и множество оконъ, и отъ того весьма свѣтелъ; имѣетъ пять куполовъ, и виситъ пять паникадилъ. Поддерживается четырьмя мраморными столбами, весь расписанъ иконнымъ писаніемъ , и иконъ множество. Въ него трое вратъ со двора, и трое изъ него во-внутрь, въ великую церковь , всѣ задернуты шелковыми занавѣсами, и много лампадъ ; стѣны уставлены вокругъ монашескими мѣстами (формами). Потомъ мнѣ отцы сказали, чтобы я вошелъ во-внутрь. Я пошелъ со страхомъ въ боковыя сѣверныя двери; и поднялся еще на три ступени выше, и вошелъ въ храмъ, подобный первому, но и тамъ еще не церковь , а внутренній притворъ. Въ немъ три купола, и виситъ три паникадила ; поддерживается онъ двумя столбами мраморными; въ него двое вратъ снаружи, и трое вратъ во внутренній великій храмъ; всѣ задернуты завѣсами; весь расписанъ иконнымъ писаніемъ, и полъ разномраморный, и вокругъ уставленъ монашескими мѣстами, и весьма свѣтелъ. Здѣсь читали девятый часъ. Я окаянный , яко странецъ , стоялъ въ углѣ со страхомъ и трепетомъ,

и помыслилъ въ себѣ : что сіе вижу ? на семъ ли свѣтѣ, или во снѣ?

70. Потомъ подошелъ ко мнѣ одинъ монахъ, и повелъ меня еще во-внутрь, и еще на три ступени поднялись. И взошли сѣверными дверьми въ великій настоящій храмъ, и поставилъ меня въ монашеское мѣсто, лицомъ противъ иконостаса. Братія же, кончивши девятый часъ, отдернули всѣ занавѣсы, и взошли въ великую церковь, и каждый творилъ Игуменіи по три поклона земныхъ, и лобызалъ ее, а потомъ обратившись на востокъ, творилъ по два поклона въ-поясъ, и лобызалъ икону на аналоѣ, и паки творилъ единъ поклонъ. И потомъ каждый отходилъ на свою страну, творилъ братія поклоненіе, и становился на своемъ мѣстѣ, съ навѣшеннымъ на очи клобукомъ и наклонною главою, и стоялъ каждый въ своемъ мѣстѣ со смиреніемъ. И тако наполнились обѣ страны клиросовъ и вся церковь братією. Потомъ вышелъ іеромонахъ въ соборной мантии и клобукъ, положилъ три поклона земныхъ Игуменіи, взялъ отъ Нея благословеніе, подошелъ къ царскимъ вратамъ, и, скинувъ клобукъ съ камилавки, надѣлъ на себя епитрахиль, которая висѣла подлѣ царскихъ вратъ; потомъ сотворилъ три поклона, и обратясь поклонился Игуменіи, и потомъ возгласилъ : *Благословенъ Богъ нашъ*, по-славянски. Самъ епитропъ началъ читать вечерню кротко, тихо и не борзясь. Потомъ діаконъ молодой сказывалъ ектенію сладкогласно. Каѳисму читали кротко, не борзясь : на каждой « *слава* », на « *аллилуія* » творили по три поклона всѣ равно. Чтеніе и благочиніе приводило меня въ удивленіе ; все правятъ со страхомъ и трепетомъ, благочинно, все по-ряду, единъ

другаго пережидаютъ. Когда пришло время « *Господи воззвахъ* », тогда вышелъ канонархъ въ соборной мантии, и положивши три поклона Игуменіи, сталъ лицомъ къ клиросу, руцѣ имѣя согбенны къ персямъ, лице почти все покрыто клобукомъ, и сказалъ *гласъ*, и поклонился до земли. На клиросѣ начали пѣть « *Господи, воззвахъ къ Тебѣ* », и проч. протяженнымъ и умиленнымъ гласомъ, греческимъ напѣвомъ, весьма сладкогласно, всѣ три псалма на гласъ, по стихамъ. Діаконъ же въ то время кадилъ. На кадилъ на цѣпочкахъ прицѣплены бубенчики, и бряцаютъ весьма звонко. Діаконъ кадилъ иконы, каждую троекратнымъ кажденіемъ, Игуменію же трижды по-трижды, а всю братію каждого двукратнымъ крестообразно кажденіемъ, и каждому дѣлалъ низкое поклоненіе, и кадилъ не борзаясь, но тихо и кротко; также и братія каждый ему покланялся, и привлекалъ къ себѣ рукою оиміамъ. Стихиры всѣ пѣли съ канонархомъ; канонархъ ходилъ съ книгою, съ клироса на клиросъ, въ однихъ чулкахъ, для сбереженія драгоценнаго пола, и низко покланялся. Когда же сказалъ *славу*: тогда среди церкви остановился, и сдѣлалъ къ царскимъ вратамъ поклонъ. *Славникъ* пѣли на распѣвъ протяжно. « *Свѣте тихій* » читалъ самъ епитропъ, « *прокименъ* » вышелъ сказывать канонархъ. Сотворивши три поклона къ царскимъ вратамъ, скинулъ клобукъ съ камилавки, и сказалъ « *гласъ первый, прокименъ, со стихами.* » Потомъ, сотворивши единъ поклонъ къ царскимъ вратамъ, надѣлъ клобукъ на камилавку, сотворилъ по земному поклону на клиросы, и пошелъ на свое мѣсто. « *Сподоби Господи* » читалъ епитропъ. *Стиховны* пѣли не на сходѣ, а по клиросамъ съ канонархомъ. Когда

начали пѣть *стиховны*, тогда епитропъ подошелъ къ Игуменіи, сотворилъ два поклона земныхъ, и приложился къ Ней, и паки сдѣлалъ одинъ поклонъ; потомъ подходилъ ко всѣмъ мѣстнымъ иконамъ, предъ каждою творилъ по два поясныхъ поклона, и лобызалъ икону, и паки—единъ поклонъ; потомъ и на аналоѣ такожде лобызалъ икону. Потомъ вышелъ на средину церкви, и обратясь къ царскимъ вратамъ, сотворилъ два поклона въ-поясъ, а третій въ-землю; и потомъ поклонился на клиросы, и сталъ на своемъ мѣстѣ, а за нимъ и всѣ братія пошли по чину: и что онъ творилъ, то-же и всѣ.

71. Послѣ всѣхъ пошелъ и я окаянный и грѣшный со страхомъ и трепетомъ. Подошелъ и увидѣлъ Ее, Царицу Небесную, чудотворную Ея икону, Троеручицу, стоящую на игуменскомъ мѣстѣ, лицомъ на востокъ къ алтарю. Стоитъ вся украшенная серебромъ и золотомъ и драгимъ каменіемъ. Предъ нею горитъ много лампадъ, и стоитъ подсвѣчникъ со свѣщами. Я палъ предъ нею на землю, аки саму живую Ее увидѣлъ, и возопилъ къ Ней со слезами тако: « Се здѣсь Ты находишься, Владычице! Се здѣсь Ты пребываешь, Пречистая Дѣво Богородице! Здѣсь ты избрала Себѣ мѣсто быть Игуменіею. Сюда ты пришла Владычице, оставивши славный градъ Дамаскъ. Оставила ты, Владычице, и святой градъ Іерусалимъ; оставила ты, Владычице, и Лавру Саввы Освященнаго, оставила Палестину, и пришла, Владычице, въ Свой святой жребій, и вселилася въ сію пустыню аеонскую, и взяла на Себя сіе послушаніе, еже быти здѣсь Игуменіею надъ здѣ живущею братіею, еже наставлять ихъ на путь спасенія, и охраняти отъ всѣхъ врагъ

видимыхъ и невидимыхъ. Ты, Владычице, пришла еси отъ юга къ сѣверу во Свой жребій; мы же пріидохомъ отъ сѣвера къ югу въ Твой святой жребій, къ Тебѣ, Госпоже Владычице, подъ Твое покровительство и подъ Твое защищеніе. Ты, Владычице, сама общала еси грядущаго къ Тебѣ не изгнати вонъ, но всѣхъ съ любовію пріимати, и на путь спасенія наставляти, и о всѣхъ имѣти попеченіе. Пріими и мене, Владычице, во Свой святой жребій, подъ Свое покровительство; наставь и мене, Владычице, на путь спасенія. И наставь мене, Владычице, обрѣсти пастыря, отца духовнаго, во иноческомъ житіи всауснаго. И сподоби мене, Госпоже Владычице, въ семь тихомъ пристанищѣ препроводить остающіе дни жизни моея, и въ покаяніи скончать животъ мой.» И тако помолившись Пречистой Богородицѣ, прикоснулся скверными моими устами къ чудотворному Ея и святому образу. И потомъ, по обычаю, приложился ко всѣмъ иконамъ.

72. Потомъ взялъ меня одинъ монахъ, привелъ за правый клиросъ, и показалъ мнѣ гробъ, гдѣ почивало муроточивое тѣло Преподобнаго Отца Симеона, царя Сербскаго, родителя Святителю Саввѣ, Сербскому Чудотворцу, основателя и ктитора обители Хилендарской. Муроточивое же его тѣло сыномъ его Саввою увезено въ Сербію. Я поклонился его чудотворному гробу, и помолился тако: «Преподобне отче Симеоне, съ возлюбленнымъ своимъ сыномъ Саввою, Святителемъ Сербскимъ, молити Бога о мнѣ грѣшномъ! Блаженъ ты, отче Симеоне, послушавый возлюбленнаго своего сына Саввы, оставивый свое земное царство, да наслѣдиши небесное. Блаженъ ты,

отче Симеоне, премѣнивый царскую порфиру на иноческую мантию. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую корону на монашескій клобукъ. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую багряницу на великую ангельскую схиму. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую державу на монашескія четки. И блаженъ сынъ твой Савва, иже отъ юности своея поработалъ и послужилъ истинному Господу Богу своему.» Потомъ лобызалъ гробъ его и святую икону его, лежащую на гробѣ. Надъ гробомъ его стоитъ Богородичная икона, изображенная мусіею, принесенная имъ самимъ изъ Сербіи, изъ царскаго его дому.

73. О, воистинну благословенна была для меня та вечерня! Первую такую во всю жизнь мою сподобилъ меня Господь отстоять. Воистинну, *во храмъ стоя*, на *небеси* мнилъ я стоять, въ ужасѣ и радости! Куда ни воззрю: всюду все приводитъ меня въ удивленіе. Воззрю на высоту: ужасаетъ меня и удивляетъ иконное стѣнное писаніе высокой греческой работы, болѣе пятисотъ лѣтъ существующее, и ничѣмъ не повредившееся, и все исписано разными Божественными и Евангельскими событіями и притчами. Воззрю немного къ высотѣ: удивляетъ меня хорусъ со многими свѣщами и со многими иконами и съ пятью панкадилами, чего еще я прежде никогда и нигдѣ не видалъ. Воззрю на землю: удивляетъ меня драгоценный и разноцвѣтный мраморный полъ; испещренъ разными цвѣтами, и свѣтится яко хрусталь. Воззрю прямо на иконостасъ: удивляютъ меня чудотворныя и прочія мѣстныя иконы, отъ древнихъ лѣтъ невредимыя, аки сейчасъ написанныя. И кто не почудится и не

удивится иконописцамъ и высокой ихъ работѣ и прочности? Иконы стоятъ шестьсотъ лѣтъ и болѣе, и не старѣютъ, но паче юнѣютъ. Удивляетъ и рѣзьба иконостаса, столь высокой работы, что всякаго зрящаго на него изумляетъ; удивляетъ и блестящее на немъ золото. Воззрю на подсвѣчники: удивляюсь величинѣ ихъ и работѣ. Едва пять человѣкъ могутъ одинъ подвигнуть съ мѣста; сдѣланы изъ чистой мѣди, и блестятъ подобно вылащеннымъ; не кованые, но литые. На нихъ стоятъ свѣщи желтаго воску необыкновенной величины, аршинъ пять вышины. Удивляетъ и множество лампадъ: предъ всякою иконою по три лампы съ елеемъ; внизу всякой иконы привѣшена пелена. Воззрю на клиросы: удивляетъ меня шестиугольный аналой, дорогою костью перламутровою убранный. Воззрю на столбы: удивляюсь ихъ толстотѣ и драгому каменію и чистотѣ работы. Посмотрю по всему храму: удивляюсь и радуюсь множеству монашествующихъ; всѣ со страхомъ стоятъ, и истово крестное знаменіе творятъ, и низко кланяются. На вечерни «нынь отпушаши» читалъ самъ епитропъ. По отпустѣ вечерни, пришли всѣ братія въ послѣдній притворъ, задернули всѣ завѣсы, и читали тамъ повечеріе. На повечеріи были два канона: Богородицѣ и Святому; не читали, но пѣли съ канонархомъ. Младшій іеродіаконъ канонаршилъ весьма сладкогласно, и ходилъ со страны на страну, и низко поклонялся. Я спросилъ: «какого роду сей іеродіаконъ, не русскій ли?» Миѣ сказали, что сербинъ. Когда начали пѣть седьмую пѣснь, тогда пришелъ пономарь, держа въ рукѣ ручную кадилицу, не на цѣпяхъ, а съ рукоятію, и взявши у седмичнаго іеромонаха благословеніе,

началъ кадить прежде иконы, а потомъ и всю братію: каждаго кадилъ крестообразно, и каждому творилъ низкое поклоненіе, а рукоять кадила держалъ въ пеленѣ. По отпускѣ повечерія, взявши всѣ отъ седмичнаго благословеніе, пошли каждый въ свою келлію; вышелъ и я.

74. Потомъ показали мнѣ отцы лозу виноградную, испещренную изъ-подъ стѣны церковной, изъ гроба Преподобнаго Симеона, царя Сербскаго. Она велика и многоплодна и удивительна. Когда я пришелъ въ гостинницу, спросилъ меня братъ мой спутникъ: «что въ церкви видѣлъ удивительнаго?» Я же ему отвѣтилъ: «Гдѣ я былъ, не знаю, на земли, или на небеса; что я видѣлъ или слышалъ, того прежде никогда очима моими не видалъ, ниже слышалъ ушами моими, ниже когда взыде на сердце мое, ниже могу что тебѣ сказать; а когда самъ увидишь, тогда и познаешь. А только скажу тебѣ, любезный братъ: блаженнѣе наши ноги, сюда дошедшія, и блаженнѣе наши очи, сіе видѣвшія; блаженнѣе есмы и мы, не послушавшіе чловѣковъ, насъ разстроивавшихъ и отговаривавшихъ.» И много мы радовались и веселились. Когда насталъ вечеръ, еще пришли въ гостинницу къ намъ ночевать странніе отцы аѳонскіе. Гостинникъ засвѣтилъ намъ свѣчу; принесли столъ, и поставили посредѣ, и принесли пищи и вина, и начали всѣхъ сажать за столъ, и насъ также; мы же сказали: «спаси васъ Господи! мы не хотимъ: недавно поѣли въ трапезѣ.» А они намъ сказали: «мы того не знаемъ, что вы кушали или нѣтъ; а у насъ садитесь; сколько вамъ угодно, столько и покушайте; мы къ тому приставлены, чтобы всѣхъ угощать.» Мы же, видя ихъ

страннолюбіе, сѣли, и вкушали пищи и питія во славу Божію. Была трапеза изобильная и многояственная, и мы вкушали, прославляя Божію Матерь и восхваляя страннолюбивыхъ отцевъ аеонскихъ. Послѣ ужина отперли шкафъ, и выдали всѣмъ по мягкой подушкѣ и по теплomu стеганому на ватѣ одѣялу, и зажгли на всю ночь свѣтильникъ, и на очагѣ расклали великій огонь, дабы было тепло, и потомъ сказали: «теперь почивайте съ Богомъ.» Мы же, помолвившись, спали спокойно. Въ первомъ часу по полуночи, по-гречески въ седьмомъ часу ночи, заблаговѣстили на утреню. Мы встали. Гостинникъ же пришелъ, и сказалъ намъ: «вы, отцы, спите: вы съ пути утрудились.» Мы же сказали, что мы уже отдохнули.

75. Потомъ мы пошли въ церковь, и взошедши стали въ послѣднемъ притворѣ; въ среднемъ же читали полунощницу; врата всѣ занавѣшены завѣсами. И одинъ монахъ подошелъ къ намъ, и ввелъ насъ во внутреннюю великую церковь, гдѣ стоялъ я вечерню, и поставилъ насъ въ *формы*. По окончаніи полунощницы пѣли протяжно тропари «*помилуй насъ, Господи, помилуй насъ*» и проч. Когда начали пѣть «*милосердія двери*»; тогда на всѣхъ дверяхъ завѣсы отдернули, и всѣ братія взошли въ великую церковь, по обычаю, какъ на вечерни. Потомъ начали утреню. И читалъ два псалма чтецъ на гласъ, весьма умиленно и протяженно, дондеже іерей покادилъ весь храмъ и всю братію. *Шестопсалміе* читалъ самъ епитропъ протяженно со вниманіемъ. И всѣ братія изъ мѣстъ своихъ вышли, и стояли со страхомъ и трепетомъ. «*Богъ Господь, и явился намъ*» пѣли протяжно, и тропарь такожде. Каѳизмы читали на правомъ клиросѣ,

не борзясь, внятно; на « *аллилуіа* » творили по три поклона, и всё равно и низко покланялись, какъ рукою достать до земли. По каѳисмѣ, *спѣдальны* пѣли съ канонархомъ; потомъ посредѣ церкви читали житіе святаго изъ четіи-мѣнеи. По второй и по третьей каѳисмахъ *спѣдальны* пѣли съ канонархомъ. Псаломъ « *помилуй мя Боже* » читалъ самъ епитропъ. Когда приспѣло время каноновъ, *каноны* не читать стали, но всё въ октоихъ и въ минеи начали пѣть по клиросамъ съ канонархомъ. Этотъ чинъ и благой обычай весьма мнѣ понравился, я еще первый разъ сподобился сіе увидѣть и услышать. По шестой пѣсни читали *прологъ*. На девятой пѣсни пономарь, взявши благословеніе у Игуменія, ударилъ въ желѣзное било, и пришедши зажегъ мѣстную свѣщу предъ иконою Богородицы. Когда возгласилъ іерей « *Богородицу и Матерь Свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ* »: тогда всё братія вышли изъ *формъ*, и каждый скинулъ клобукъ съ камилавки. Во Святой Горѣ камилавокъ никогда не снимаютъ, кромѣ Литургіи. Потомъ начали пѣть « *честнѣйшую херувимъ* » кротко, протяжнымъ гласомъ, на каждый стихъ творя поклоненіе весьма низкое. Іерей же кадилъ святые иконы троекратнымъ каденіемъ, всю же братію двукратнымъ, крестообразно. « *Хвалите Господа съ небесъ* », всё три псалма, по стихамъ пѣли по клиросамъ, скоро, по одному человѣку. « *Слава въ вышнихъ Богу* » читалъ самъ епитропъ. Стиховны пѣли по клиросамъ съ канонархомъ. Когда начали пѣть стиховны, тогда епитропъ и всё братія подходили къ Игуменію и къ прочимъ иконамъ, по обычаю, какъ на вечерни. Потомъ и мы пошли, и лобызали иконы. Потомъ читали *первый часъ*

и отпускъ. Въ храмъ трое часовъ, и часто звонять. Потомъ мы пошли на гостиницу, и мало почили.

76. Потомъ пошли къ ранней Литургіи. Литургія была въ церкви между келій въ корпусахъ. Церковь хотя и не велика, но прекрасная и свѣтлая, и вся расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ; иконостасъ вызлащенный. Храмъ во имя Свят. Николая: тогда день былъ четвертокъ. Служеніе Литургіи было кроткое и тихое. Служилъ іеромонахъ съ іеродіакономъ. Часы читали не борзясь. На шестомъ часѣ въ алтарѣ ударили трижды въ кампанъ; тогда всѣ братія скинули клобуки и съ камилавками, и наклонили всѣ главы свои, и поминали каждый своихъ сродниковъ и благодѣтелей. Іерей же на проскомидіи вынималъ за нихъ частицы. Потомъ послѣ часовъ, когда вышелъ діаконъ начинать Литургію, и положилъ три поклона; тогда и всѣ братія скинули клобуки съ камилавками. И каждый творилъ три поклона, и наклонили главы низко, и читалъ каждый про себя «*Царю Небесный*», до конца, съ воздыханіемъ. Потомъ возгласилъ діаконъ: *благослови, Владыко*. И на каждый *возмась* творили поклоны. Псалмы всѣ пѣли на клиросахъ по стихамъ; *Блаженны*, — съ канонархомъ. «*Святый Боже*» пѣли протяженно, умиленнымъ гласомъ; *прокимень* сказывалъ чтець въ камилавкѣ, но безъ клобука, а предъ чтеніемъ Апостола скинулъ и камилавку. На *Евангеліи* всѣ стояли въ камилавкахъ безъ клобуковъ. *Херувимскую* пѣли тихо, протяженно, безъ повтора. На *выходѣ* скинули и камилавки, и наклонили всѣ главы, и поминали своихъ родныхъ. Когда діаконъ возгласилъ «*возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмся*»: тогда всѣ братія творили

по три поклона. «*Върую*» не пѣли, но читалъ самъ епитропъ со благоговѣніемъ; стояли всѣ въ камилавкахъ безъ клобуковъ. Когда іерей возгласилъ «*Твоа отъ Твоихъ*» и проч., — «*Тебе поемъ, Тебе благословимъ*» не пѣли, но единъ скоро пропѣлъ. И всѣ скинули клобуки съ камилавками, и наклонили свои главы, и призывали Духа Святаго, и было въ храмѣ безмолвіе. И каждый молился съ воздыханіемъ и со слезами. «*Достойно есть*» пѣли громогласно, безъ камилавокъ. «*Отче нашъ*» не пѣли, но читалъ самъ епитропъ. *Причастенъ* пѣли протяженно, безъ повтореній. На явленіи Даровъ скидали клобуки съ камилавками, и творили земные поклоны. По литургіи іерей раздавалъ антидоръ, и прикладывались всѣ ко всѣмъ иконамъ, и пили святую воду.

77. Потомъ мы вышли, и пришли въ гостинницу; и сдѣлали намъ угощеніе. Пришелъ одинъ іеромонахъ, и приглашалъ насъ оставаться у нихъ въ обители на жительствѣ, сказывая, что они русскихъ весьма любятъ, и желаютъ ихъ къ себѣ въ сожителство, что и службу перковную читаютъ и поютъ по славянскимъ, по русскимъ книгамъ, что и русской братіи нѣсколько человѣкъ есть. Мы сказали: «мы денегъ не имѣемъ: можетъ быть, вы не пріимете безъ денегъ.» Онъ же сказалъ: «мы не денегъ вашихъ желаемъ, но васъ самихъ: здѣсь всѣхъ Царица Небесная пропитываетъ и одѣваетъ.» Мы ему сказали: «спаси васъ Господи, за вашу любовь и привѣтствіе! но только теперь остаться не можемъ, а пойдемъ и повидаемъ свою русскую братію, и съищемъ себѣ духовнаго отца; тогда гдѣ онъ благословитъ, тамъ и жить будемъ.» Онъ же еще сказалъ намъ: «хотя одну

недѣлю у насъ погостите.» Мы же отвѣтили: «спаси васъ Господи! теперь не можемъ, потому что весьма желаемъ свою русскую братію повидать, а послѣ просимъ не оставить насъ:» онъ сказалъ: «приходите, приходите: мы всегда русскимъ рады.» Потомъ мы собрались въ путь; онъ же привелъ насъ въ трапезу, и далъ намъ хлѣба, сыру и вина, сколько мы хотѣли; и проводилъ насъ за врата, и много насъ привѣтствовалъ и благословилъ, и мы пошли въ путь свой. Сей монастырь Хилендаръ всѣмъ прекрасенъ и достаточенъ: постройкой и украшеніемъ, святынею и церковнымъ чиноположеніемъ, только недостаетъ одного, что не имѣютъ общежитія. Вышедъ изъ монастыря, шли мы обратно тому, гдѣ шли вечеромъ.

78. Паки пришла къ чудотворной иконѣ Богородицы, что стоитъ на пути. Паки пали предъ нею, и помолившись говорили: «Якобы, Владычице, вышла Ты проводить насъ изъ Своей святой обители? О, благодаримъ Тя, Владычице, за Твое страннопріятіе, за Твою несказанную любовь, за Твое угощеніе, за Твое утѣшеніе и за Твои, Владычице, неизреченныя милости, оказанныя намъ грѣшнымъ въ Твоей святой обители. Теперь еще просимъ Тя, о Владычице, проводи насъ во-внутрь святаго Своего жребія, и покажи намъ мѣсто, гдѣ имамы спастися, и сподоби насъ, о Владычице, найти отца духовнаго, въ иночествѣ искуснаго, и Тебѣ благоугоднаго!» Потомъ мы лобызали икону. Сія икона поставлена по такому случаю, какъ сказывали намъ въ монастырѣ: «Когда святой Савва Сербскій привезъ изъ Іерусалима чудотворную икону пресвятыя Богородицы, Троеручницу, и когда несли ее отъ моря въ монастырь: тогда она

на семъ мѣстѣ остановилась , и не могли подвигнуть съ мѣста до тѣхъ поръ , пока списали съ нея списокъ. Тогда настоящая пошла въ монастырь , а списокъ оставили на мѣстѣ семъ , гдѣ до-днесь стоитъ , и неугасаемая предъ ней лампада горитъ. Захотѣла Владычица всѣхъ приходящихъ отъ суетнаго міра встрѣчать , и во Свою обитель препровождать , и паки изъ обители во-внутрь во Святую Гору препровождать.» Потомъ мы пошли далѣе въ путь , и близъ моря заблудились , но помощію Богородицы скоро направились на дорогу.

79. Отшедши отъ Хилендаря одинъ часъ , т. е. пять верстъ , въ лѣвой рукѣ увидѣли другой монастырь , стоящій на самомъ берегу моря , между высокими горами , постройкою подобный первому , только поменьше. Мы удивлялись , что такъ близко стоятъ одинъ къ другому , и какъ велики зданія святогорскихъ монастырей. Монастырь стоитъ отъ дороги въ сторонѣ саженой пятьдесятъ. И мы , помолившись иконѣ Вознесенія Господня надъ вратами , и не заходявши въ монастырь , пошли мимо. Подлѣ дороги стояла монастырская кузница. Изъ кузницы вышелъ монахъ , остановилъ насъ , и началъ насъ по-гречески спрашивать. Мы сказали , что по-гречески не знаемъ. Онъ же спросилъ насъ по-русски : «какого вы роду , и какъ знаете говорить?» Мы же отвѣтили , что мы роду русскаго; знаемъ по-русски , по-болгарски и по-молдавски. Онъ же сказалъ : « я и самъ русскій , но живу въ этой обители тридцать лѣтъ. » И спросилъ насъ : откуда идемъ ? съ какимъ намѣреніемъ сюда пришли? гдѣ ночевали ? Мы же вся яже о себѣ рассказали. Тогда онъ сказалъ намъ : « Какъ же вы раз-

рушаете Святой Аѳенской Горы обычай, что хотите нашу святую обитель пройти мимо? Теперь уже время обѣдать, а хотя бы и не это время, то надобно подойти ко вратамъ, положить три поклона, и взять за благословеніе хлѣба на дорогу, навпаче вамъ: потому что вы мимо нашей обители проходите въ первый разъ; вы должны зайти въ Божій храмъ, и поклониться святымъ иконамъ, и зайти въ трапезу покушать, что намъ Царяца Небесная послала. Навпаче для насъ русскихъ сія обитель достоуважаема, потому что она породила и произрастила монашествомъ всѣхъ російскихъ монаховъ начальника, Преподобнаго отца Антонія Кіево-Печерскаго.» Мы поклонились, и сказали: «прости насъ, отче святыи: мы не знаемъ здѣшнихъ обычаевъ, да еще и боимся, чтобы не отяготить кого.» Онъ же самъ повелъ насъ въ монастырь, и пришли къ вратамъ. Надъ вратами стоитъ великая и пречудная икона Вознесенія Господня, и предъ нею виситъ фонарь съ лампадою неугасаемою. Мы же, сотворивши три поклона, прошли сквозъ двое вратъ желѣзныхъ, и вошли во-внутрь монастыря, и обозрѣли кругомъ. И здѣсь, подобно Хилендарю, вокругъ корпуса келлій въ четыре и пять этажей; монастырь меньше Хилендаря, и весьма древенъ и ветхъ. Церквей четыре: соборъ посредѣ, а три въ корпусахъ; и много растетъ дровъ апельсинныхъ и лимонныхъ. Взошли въ церковь: храмъ великъ и прекрасенъ, но меньше Хилендарскаго; весьма свѣтелъ, вновь выстроенъ; тогда только расписывали иконнымъ стѣннымъ писаніемъ; полъ разнораморный; и весь храмъ убранъ и украшенъ паникадилами, лампадами и подсвѣчниками, по обычаю аѳонскому. Мы же поклонив-

шись и приложившись ко святымъ иконамъ, и полюбавшись на красоту храма, вышли. Провожатый привелъ насъ въ трапезу; трапеза расписана, но ветха и почернѣла. Столы всѣ мраморные; на нихъ уже приготовлена была пища и питіе: сей монастырь общежительный, и всѣ братія ходятъ въ трапезу; но еще не было время обѣду. И посадилъ насъ на заднемъ столѣ, и упокоилъ насъ пищею и питіемъ, общежителною трапезою, до изобилія. Потомъ мы спросили: «отче святыи, какъ ваша обитель называется?» Онъ же сказалъ: «сей монастырь называется *Есфименъ*, а по просту — *Сименъ*.» Выстроенъ съ-начала царицею Пульхеріею въ воспоминаніе Вознесенія Господня. Сія святая обитель породила монашествомъ и произрастила духовною жизнію многихъ великихъ и знаменитыхъ мужей: Михаила и Аѳанасія Аѳонскаго, и святаго Аѳанасія Патріарха Константинопольскаго. Въ сей обители жилъ и постриженъ Преп. Антоній Кіево-Печерскій. Въ сей обители былъ игуменомъ Святитель и Чудотворецъ Григорій Палама, Митрополитъ Солунскій. Изъ сея обители произошли многіе мученики и исповѣдники, которые пострадали отъ иконоборцевъ и отъ турокъ, и которымъ празднества совершаетъ токмо сія обитель (*). Мы еще спросили: «отче святыи, какъ ваше имя?» Онъ же рече: «грѣшный Веніаминъ нарицаюся;» и паки рече: «Въ этой святой обители всѣмъ вашимъ молдаванамъ пристанище; много здѣсь и братій изъ молдаванъ. Въ

(*) Сія обитель породила и произрастила монашествомъ Святейшаго Патріарха Константинопольскаго вселенскаго Аѳенна, который пребываетъ на престолѣ и по сіе время, т. е. по 1848 годъ.

сію святую обитель много пожертвовалъ вашъ молдавскій Митрополитъ Веніаминъ, и записанъ здѣсь нѣ ктиторы; ежели вамъ угодно, то погостите у насъ, сколько вамъ заблагоразсудится, и посмотрите на нашу общежительную жизнь; и ежели покажется, то оставайтесь и на жительство; только правило все отправляютъ на греческомъ языкѣ.» Мы же сказали: «спаси васъ Господи! мы пойдѣмъ къ своей русской братіи.» И благодарили за его любовь. Потомъ надавалъ намъ хлѣба мягкаго бѣлаго и сыру, хотя мы и не хотѣли брать, потому что у насъ много изъ Хилендаря. Онъ же принудилъ взять хотя не много. И потомъ показалъ намъ путь, и сказалъ: «до монастыря Ватопеду три часа ходу, т. е. пятнадцать верстъ; тамъ и ночуйте: ибо далѣе уже близко монастырей нѣтъ.» Простившись, мы пошли въ путь свой, и шли верстъ пять все на гору.

80. Когда мы взойшли на горы, открылась намъ святая, славная, великая Лавра, обитель *Ватопедская*, яко градъ великъ и прекрасенъ, со множествомъ башенъ и куполовъ; но была еще далеко. Мы же шли все лѣсомъ, но не большимъ; путь все извилинами, дѣланый, вымощенъ камнемъ, но узкій, только проѣхать верхомъ; и уже недалеко вечера стали подходить къ Ватопедской Лаврѣ; и много насъ приводило во удивленіе, что она несравненно больше и прекраснѣе Хилендаря: насчитали только однихъ великихъ тринадцать башенъ; еще вокругъ его внѣ ограды много каменной постройки. Къ самому монастырю поднялись немного на гору. Около вратъ сдѣлана великая площадь, выстланная гладкимъ тесанымъ камнемъ, кругомъ обнесенная невысокою каменною огра-

дою, и кругомъ подѣланы сѣдалища, или лавки; врата всѣ расписаны иконами. Надъ вратами стоятъ великая икона Пресвятыя Богородицы отъ древнихъ временъ, въ самомъ большомъ видѣ, аки живая; всякаго поражаетъ своимъ взоромъ, и приводитъ во умиленіе; и столь явственна и свѣтла, что можно издалека видѣть, и встрѣчаетъ своимъ веселыми очами всякаго. Предъ нею висятъ три фонаря съ лампадами неугасаемыми, окружена кругомъ небесными силами. Мы же Царицѣ Небесной помолившись, много на нее любовались, и добротѣ писанія удивлялись; и держитъ Она во объятіяхъ Своихъ Превѣчнаго Младенца, Господа Іисуса Христа. Подошедши къ вратарю, стали мы проситься въ монастырь ночевать. Но вратарь по-болгарски и по-молдавски ничего не понимаетъ; и мы ему не могли ничего объяснить; а до вечера еще есть часа два. Онъ подумалъ, что мы святогорцы, и знаемъ всѣ аеонскія жилища. Одежда же на насъ была святогорская: потому что въ Молдавіи, въ монастырѣ Воронѣ, все монашество носятъ аеонское одѣяніе; вратарь потому и не позналъ, что мы страніе, а разговору нашего не понялъ. И потому онъ вынесъ намъ сыру и хлѣба, и указалъ впередъ дорогу.

81. Мы пошли, хотя и не съ охотой. Шли все на гору цѣлый часъ, и взошли въ великій темный каштановый лѣсъ, мало гдѣ открывается небо; стало уже темно, а идемъ, сами не знаемъ куда. И попался намъ навстрѣчу монахъ на конѣ верхомъ, съ провожатымъ, и остановилъ насъ, и началъ спрашивать по-гречески. Мы сказали, что по-гречески не знаемъ, а знаемъ по-болгарски. Онъ же сказалъ: «я самъ, болгаринъ.» Потомъ спросилъ насъ: «откуда путе-

шествуете?» Мы отвѣтили, что изъ Молдавіи. Онъ же паки сказалъ: «Почему же вы не ночевали въ Ватопедѣ? Теперь здѣсь на пути монастырей нѣтъ, до самой Карен, а все темный лѣсъ; а хотя по сторонамъ и много келлій и скитовъ, но вы ихъ не найдете, ибо дорогъ здѣсь много.» Мы же сказали: «Что будемъ дѣлать? Мы и просились, но вратарь насъ не принялъ.» Онъ же паки сказалъ: «Вратарь языку вашего не понялъ: онъ подумалъ, что вы здѣшніе, а здѣшній святогорецъ вездѣ можетъ ночевать; по сторонамъ вездѣ келліи и скиты. Вы воротитесь со мной въ монастырь Ватопедъ; или же идите въ скитъ Богородицы; тамъ живутъ болгары; они васъ съ любовью примутъ; только не знаю, попадете ли въ него: ибо уже вечеръ близко. Вы не идите большимъ путемъ, а держитесь все влѣво; а лучше воротитесь со мной; ибо мнѣ васъ жалко: вы заблудитесь.» Мы же сказали: «спаси васъ Господи, отче! но мы возвращаться не будемъ, а поидемъ въ скитъ Богородицы.» И такъ поблагодаривши, пошли въ путь свой. И шли лѣсомъ великимъ, каштановымъ и дубовымъ, такъ что сквозѣ ихъ и въ день солнца не видать; деревья толстыя, потому что никогда не были срубаемы. И много мы удивлялись аѳонской непроходимой прекрасной пустынѣ.

82. Немного поблуждали; однако, слава Богу, попали въ *скитъ Богородицы*, только уже поздно, и врата скитскіе уже были заперты. Помолившись предъ иконою Успенія Богородицы, надъ вратами стоящею, мы не стали отцевъ беспокоить; стояла внѣ ограды пустая келлія, и мы взошли въ нее, и поужинали: хлѣба, сыру и вина у насъ было довольно, дня на

три. Потомъ спали на сѣнѣ весьма спокойно. Въ самую полуночь ударили въ скиту на полунощное церковное пѣніе, а потомъ и на утреннее. Мы же весьма скорбѣли, что не сподобимся быть вкупѣ съ братіею въ церкви на пѣніи. По-утру, когда разсвѣло, мы вышли изъ келліи; увидѣвши насъ, скитскіе отцы подбѣжали къ намъ, и стали насъ спрашивать: «гдѣ вы, отцы, ночевали?» Мы сказали: «пришли поздно, уже врата заперты; мы не стали васъ беспокоить, а хлѣбъ у насъ былъ; и мы ночевали въ сей келліи спокойно.» Они же много о насъ скорбѣли и плакали, узнавши что мы странніе, и не знаемъ дорогъ. И вышелъ игуменъ самъ, и много о насъ соболѣзновалъ, и говорилъ: «Какъ вы тутъ ночевали: теперь ночи холодныя, да еще и безъ всякаго утѣшенія, и безъ упокоенія? И почему вы не постучали во врата? Мы поздно ложимся.» Потомъ взялъ насъ на гостиницу, и угостилъ самъ игуменъ, какъ лучше быть нельзя, и просилъ насъ, чтобы у нихъ погостили хотя одну седмицу, и отдохнули отъ пути. Мы же сказали, что пойдѣмъ въ русскій скитъ Іліи Пророка. Они же дали намъ теплаго пшеничнаго хлѣба, и показали намъ скитъ Іліи Пророка: видѣть—недалеко, а ходу цѣлый часъ, т. е. пять верстъ. И показали намъ путь, и мы пошли все темнымъ лѣсомъ.

83. Потомъ пришли въ *скитъ Іліи Пророка*, но уже Литургіи не застали. Вратарь принялъ насъ съ любовію, и только взошли во-внутрь, встрѣтилъ насъ самъ Архимандритъ, отецъ Акакій. И спросилъ насъ: «откуда пришли, и какого роду?» Мы сказали. Онъ же, узнавши, что мы изъ Молдавіи и русскіе, весьма обрадовался, потому что онъ самъ нѣсколько лѣтъ

проживалъ въ Молдавіи въ Нямецкомъ монастырѣ; и привелъ насъ на гостинницу, и самъ насъ угощалъ, и любезно съ нами разговаривалъ, и спрашивалъ о молдавскихъ отцахъ, и потомъ приказалъ гостиннику поконить насъ цѣлую седмицу, пока распорядимся дѣлами. Гостинникъ и братія—малороссіане, весьма страннолюбивые и привѣтливые, всѣ любезно съ нами разговаривали, какъ родные и сродники, и мы ихъ спрашивали объ афонскихъ обстоятельствахъ, о иноческой жизни, о русскихъ великихъ старцахъ и о русскихъ духовникахъ.

84. Они намъ рассказывали слѣдующее: «Здѣсь во святой Горѣ русской братіи довольно: болѣе пятидесяти великороссіанъ, и болѣе ста малороссіанъ, а болгаровъ и сербовъ болѣе тысячи, а всей братіи во Афонѣ болѣе пяти тысячъ. Великихъ старцевъ довольно, болѣе изъ грековъ и болгаровъ; есть и изъ русскихъ, но немного. Духовниковъ русскихъ довольно. Но русскіе здѣсь не имѣютъ настоящаго пристанища, а живутъ больше по келліямъ и по колибамъ, и въ пустыняхъ. Мы малороссіане, по крайней мѣрѣ, имѣемъ сей скитъ, а великороссіане и того не имѣютъ.» Мы спросили: «изъ русскихъ духовниковъ есть ли такой, чтобы былъ очень высокой жизни?» Они сказали: «что всѣ не плохой жизни, но нѣкоторые есть и лучше: а впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ, который изъ нихъ лучше.» И такъ всѣ разошлись. Гостинникъ предложилъ намъ трапезу изобильную, затворилъ двери, и самъ съ нами сѣлъ, и началъ намъ рассказывать безпристрастно со слезами, какъ разрушили любовь между собою малороссіане (гуцолы) съ великороссіанами, и сдѣлали болгарамъ и грекамъ смѣхъ,

а діаволу радість, духовнымъ же великимъ старцамъ неутѣшний плачъ. Прежде жили всѣ вмѣстѣ, малороссіане и великороссіане, въ этомъ скиту общезитально, въ любви и согласіи; но врагъ діаволъ позавидовалъ, и вооружилъ однихъ на другихъ, и востали наши малороссіане на великороссіанъ. Но какъ нашихъ больше, то и изгнали изъ скиту бѣдныхъ великороссіанъ. Однако, хотя ихъ было и меньше, но игумень ихъ, отецъ Павелъ, и теперь бѣдный живетъ съ братіей на квартирѣ, на Кареѣ, и много я о нихъ соболѣзную.

85. А что вы спрашивали братію о духовникахъ, то я вамъ скажу, какъ предъ Богомъ, что есть изъ великороссіанъ одинъ духовникъ іеросхимонахъ *Арсеній*, великій и удивительный старецъ, уважаемый отъ всѣхъ грековъ и болгаровъ. Онъ живетъ въ Св. Горѣ болѣе двадцати лѣтъ съ однимъ ученикомъ. А живетъ въ глубочайшей пустынѣ, не имѣющій никакого утѣшенія, подѣ Иверскимъ монастыремъ, на келліи св. Іоанна Златоустаго. Уже воистинну сказать, что старецъ: есть чего послушать; уже кто его послушаетъ, не ошибется. Онъ всѣмъ великороссіанамъ духовникъ, и многимъ малороссіанамъ и болгарамъ, а наипаче всѣмъ іеромонахамъ и духовникамъ духовникъ. Братія наши потому вамъ не сказали о немъ, что имѣютъ на великороссіанъ неудовольствіе. А спросите всѣхъ болгаровъ и грековъ: всѣ скажутъ такъ, какъ я говорю.» Мы благодарили за его бесѣду. Ибо мы за тѣмъ и пришли во св. Гору Аѳонскую, чтобы найдти такого великаго старца, который бы управить могъ насъ по незаблудному пути въ вѣчное блаженство. И весьма мы сего гостинника, монаха Акакія, полю-

били за то, что онъ все намъ разсказалъ безпристрастно (*). Мы же пообѣдавши, спочили весьма спокойно; потому что уже не имѣли заботы еще куда путешествовать: достигнули тихаго своего пристанища.

86. Потомъ къ вечернѣ заблаговѣстили прежде по-россійски въ колоколъ, а потомъ по-святогорски, за-колотили въ доску. Мы пошли въ церковь, и отстояли вечерню. Вечерню правили по чину святогорскому, но нѣчто и по-русски; читали по-славянски; пѣли напѣвомъ кievскимъ; все правили кротко и чинно и не борзясъ. Храмъ не великъ, но и не малъ, порядочный, и весьма свѣтелъ и прекрасенъ, съ куполомъ, но не такой, какъ у грековъ и у болгаровъ: не убранъ и не украшенъ, и не только что не расписанъ, но и не оштукатуренъ; иконостасъ порядочный, работанъ въ Россіи, но не рѣзбенный и не вызлащенный. Полъ прекрасный, разнораморный. Иконъ весьма довольно, и всѣ греческой работы. Въ храмѣ стѣны обставлены монашескими мѣстами. Колокола порядочные, почти что больше во всей Св. Горѣ нѣтъ. Въ скиту церквей три. Соборъ, во имя

(*) Сей отецъ Акакій послѣ былъ рукоположенъ во іеродіакона, потомъ, чрезъ частыя, въ скиту бываемыя, смущенія, вышелъ изъ скиту, и поступилъ въ ученики къ пустыннику и къ духовнику іеросхимонаху Арсенію, и постригся отъ него въ великую схиму, и переименованъ Александромъ, и прожилъ съ духовникомъ шесть лѣтъ во единой келліи, и потомъ въ 1846 году, марта 24 числа, препроводилъ своего пастыря на вѣчную жизнь, и похоронилъ его многотрудное тѣло, и остался съ прочіей братіей наследникомъ его имущества, духовнаго и тѣлеснаго.

св. Пророка Ілія, стоитъ посреди скита; а двѣ въ корпусахъ: во имя Благовѣщенія Богородицы, и во имя св. Митрофана Воронежскаго. Три страны обнесены корпусами келлій: двѣ двухъэтажными, а четвертая страна оградю (но уже это выстроено послѣ сего игуменомъ Паисіемъ, болгаринномъ). Вечеромъ паки упокоили насъ трапезою. Въ самую полночь заблаговѣстили на полунощницу. Утреню правили по обычаю русскому и святогорскому, кротко, не борзась. Каноны не пѣли, но читали съ пророческими пѣснями; кажденіе было по-аеонски, подобно какъ въ Хилендарѣ; и было два чтенія. Клобуки снимають безъ камилавокъ по-святогорски, а камилавокъ не снимають. Послѣ утрени не много уснули. Тотъ день былъ суббота. На разсвѣтъ началась Литургія, и все правили по обычаю аеонскому. По Литургіи насъ угостили. И потомъ стали мы просить, чтобы проводили насъ на Карею, на аеонскій базаръ. Они же насъ уговаривали не ходить, но съ пути отдохнуть. Но мы сказали, что мы, слава Богу, отдохнули, и намъ желательно посмотрѣть аеонскихъ отцевъ и русскую братію. И дали намъ проводника; и шли мы больше лѣсомъ; въ лѣвой рукѣ близу моря оставался монастырь *Пантократоръ*. И версты двѣ шли путемъ малымъ, но весьма великимъ лѣсомъ; а потомъ вышли на большую пантократорскую дорогу, и шли на гору по дѣланному пути, высланному камнемъ. И когда поднялись на гору, остался въ сторонѣ, въ лѣвой рукѣ, монастырь *Ставроникита*.

87. Потомъ открылся намъ весь Аеонъ до самой почти подошвы, и вся Св. Гора, по восточной странѣ усыянная скитами и келліями, садами и кипарисами.

и темными зелеными лѣсами, горами и удолиями, яко рай Божій насажденный. Карей же не было еще видно, потому что она немного въ лощинѣ. Потомъ сошли въ долину, и перешли рѣку по каменному мосту; и пакы пошли на гору. И когда взошли повыше, въ лѣвой рукѣ открылась великая долина до сашато моря, усыпанная частыми и большими келліями и садами, и ниже всѣхъ, между горъ, къ самому морю, стоитъ славный и великій царскій монастырь *Иверъ*, въ которомъ стоитъ во вратахъ чудотворная Иверская икона Пресвятыя Богородицы, Вратница Аѳонская. Въ правой рукѣ открылась долина и гора *Капсалъ*, усыпанная частыми келліями и колибами, и кипарисами, подобно граду. Сія св. гора *Капсалъ* всѣмъ бѣднымъ и неимущимъ русскимъ и молдаванамъ пристанище и прибѣжище: она всѣхъ прикрываетъ неимущихъ и немощныхъ отъ темныхъ ночей и отъ дождей, и согрѣваетъ отъ холодныхъ зимъ. Мы шли съ радостію и веселіемъ душевнымъ. Куда ни обратимъ свои очи, всюду видимъ иноческія населенія, яко прекрасные грады; тѣмъ выше поднимаемся, тѣмъ больше открывается; и всюду открылись келліи, всѣ каменные, подобны господскимъ домамъ, двухъ и трехъэтажныя, раскрашенныя, съ куполами и со крестами, окруженныя виноградными и разными садами и кипарисами.

88. Была и другая намъ радость: окружили насъ св. отцы, аѳонскіе жители, — уже цѣлая толпа, съ своими большими, за плечьями, торбами. Какъ въ мірѣ, когда бываетъ въ градѣ торгъ, изъ деревень ѣдутъ каждый съ своимъ издѣліемъ, и выѣзжаютъ на большую дорогу, и собираются ко граду обозами: такъ и

отцы аѳонскіе на большую дорогу выѣзжаютъ съ обѣихъ сторонъ изъ лѣсовъ и изъ долинъ, изъ своихъ пустынныхъ келлій и колибъ, каждый со своимъ рукодѣлемъ, не на коняхъ, а пѣшіе, во имя Господне, обувиные въ сандаліи, въ однихъ подрясникахъ, подпоясаны ремнями, въ однихъ камилавкахъ, безъ клобуковъ; за плечами у каждого большая волосная торба, наполненная рукодѣлемъ; а въ рукахъ, въ одной жезлъ, въ другой четки, а въ устахъ молитва Іисусова. И мы, въ такой радости, не видали, какъ вошли на гору: въ разговорахъ и въ странномъ видѣніи скоро прошло время.

89. Потомъ открылась намъ аѳонская столица *Карей*, яко градъ великъ, со многими куполами и крестами и со множествомъ келлій. Когда стали подходить близко, отцы остановились, и каждый скинулъ съ плечь торбу, и надѣли на себя рясы и клобуки, а схимники надѣли схимы; потомъ пошли. При самомъ входѣ стоятъ большой крестъ, и ему всѣ мимоходящіе дѣлали по три поклона. Когда вошли на торжище, — увидѣли, что множество монаховъ толпится по базару: продають монахи, и покупають монахи, и цѣлые ряды съ рукодѣлемъ сидятъ монаховъ: овые съ дощечками, овые съ крестами, овые съ картинами, овые съ четками, а овые слѣпые и убогіе просятъ милостыню; и въ лавкахъ сидятъ разные мастера, все больше монахи; краснорядцы и бакалейщики, хотя и мірскіе, но сами и приказчики одежду носятъ монашескую, волосъ не стригутъ, носятъ рясы и послушническія скуфы. Здѣсь удивительное зрѣлище, здѣсь великое ополченіе Царицы Небесной! Здѣсь есть на что посмотреть, и есть чему подивиться:

пришли отъ четырехъ странъ св. Горы Аѳонскія, каждый по своей потребѣ, кто продать, а кто купить, а овые другъ друга повидать. Овые — престарѣлые, съ длинными бородами, украшенные сѣдинами, овые — въ среднихъ лѣтахъ, а овые весьма молодые: сіи отъ юности взяли нести иго иноческаго житія. Всѣ смиренны, всѣ кротки, всѣ главы имѣютъ наклоненныя, всѣ со смирениемъ одинъ другому поклоняются, и одинъ отъ другаго благословляются. Въ одеждѣ же всѣ въ разной: изъ великихъ монастырей и изъ лавръ въ одеждѣ доброй и тонкой; изъ общежительныхъ монастырей въ одеждѣ доброй, но грубой и смиренной; изъ келлій въ одеждѣ средней; изъ скитовъ и изъ пустынь въ одеждѣ ветхой и многошвенной; и всѣ разговариваютъ кротко, о духовныхъ и о мірскихъ дѣлахъ, на разныхъ языкахъ, каждый съ своими единосемцами. Многіе, узнавши, что мы русскіе, одного съ ними племени и языку, обступили насъ, цѣлая толпа, и всѣ съ нами любезно разговаривали, и расспрашивали, гдѣ мы на первый случай пристали? Мы же сказали, что въ скиту Іліи Пророка. Они же каждый приглашалъ къ себѣ на первый случай погостить и отдохнуть. Мы много удивлялись ихъ страннолюбію и простосердечію, и благодарили за ихъ ласковое привѣтствіе. Потомъ водили насъ въ соборную карейскую церковь. И мы поклонились и приложились къ чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, нарицаемой «*Достойно есть*». Къ вечеру паки возвратились въ скитъ. Вечерня была великая; на всѣхъ ектеніяхъ поминали Благочестивѣйшаго Россійскаго Царя Николая Павловича; также и на Литургіи, на великомъ входѣ и на ектеніяхъ. Послѣ

вечерни были за общей трапезой съ братіей. День тогда былъ суббота.

90. Ночевать въ скитъ много пришло великороссійской братіи, которые видѣли насъ на Кареѣ, и всю ночь любезно съ нами разговаривали, и жаловались на малороссіанъ, что «весьма много отъ нихъ претерпѣваютъ гоненія и поношенія, потому что ихъ много, и знаютъ многіе греческій языкъ; а русскихъ мало, да и мало знающихъ хорошо греческій языкъ; да еще и отъ зависти: потому что хотя нашихъ великороссіанъ и не много, но есть великіе старцы, а наипаче всѣхъ есть у насъ духовникъ, который не только насъ русскихъ наставляетъ, утѣшаетъ и просвѣщаетъ своею жизнію, но и болгаровъ и сербовъ. И греки весьма его уважаютъ и почитаютъ, потому что и изъ нихъ не много такихъ старцевъ. И греки и болгары весьма насъ любятъ,—спаси ихъ Господи! И много насъ защищаютъ отъ малороссіанъ. Малороссіане много на насъ клеветуютъ, якобы мы въ Великой Россіи всѣ раскольники. Но хотя въ Великой Россіи и есть изъ нашего роду раскольники, но не всѣ, а больше православные христіане. А здѣсь во Св. Горѣ Аѳонской всѣ мы православные христіане и чада Св. Восточной Христовой Церкви. Мы сами не попустимъ быть между нами раскольнику, ни же кому двумя перстами креститься, хотябы былъ и православный; потому что греки и болгары почитаютъ за великую ересь, и гнушаются какъ еретиками, еслибы кто, хотя и православный, двумя перстами крестился: не будутъ его ни исповѣдывать, ни причащать Св. Тайнами; да мы и сами раскольниковъ гнушаемся. А малороссіане упрекаютъ насъ

напрасно; по какой-то природной злобѣ поносить насъ ни за что. Впрочемъ они не все такіе; есть и изъ нѣхъ рабы Божіи, которые весьма о насъ сожалѣютъ. И есть о чемъ. Все роды имѣютъ себѣ пристанище во св. Горѣ Аѳонской, монастыри и скиты; только одни наши бѣдные великороссіане не имѣютъ себѣ вѣрнаго пристанища. Прежде хотя небольшое прибѣжище имѣли здѣсь въ скиту; но и отсюда малороссіане выгнали. Хотѣли выгнать и изъ св. Горы Аѳонской; но сама Владычица Царица Небесная насъ защитила. Что будемъ дѣлать? Только и надежды имѣемъ на нашу Владычицу: Она намъ заступница и помощница, и въ скорбяхъ нашихъ утѣшительница; а изъ чужбѣнъ некому насъ здѣсь заступить на чужой странѣ. Мы оставили благоденственное житіе въ своемъ отечествѣ, въ благословенной Россіи, подъ покровительствомъ нашего Благочестивѣйшаго Монарха: тамъ наши братія монашествующіе наслаждаются спокойствіемъ; а мы оставили то спокойствіе Бога ради, и удалились въ сію далечайшую страну, въ сію св. Аѳонскую Гору, и претерпѣваемъ здѣсь всякія скорби и напасти отъ діавола и отъ чужбѣнъ. И только надѣемся получить отраду и утѣшеніе въ будущемъ безконечномъ вѣкѣ; только и просимъ Царицу Небесную, чтобы не выгнала насъ изъ св. Горы Аѳонской; только того и боимся.

91. Еще благодаримъ Господа Бога, что имѣемъ мы здѣсь такой твердый столпъ, что есть за что держаться. Имѣемъ мы духовнаго отца и наставника, который насъ поддерживаетъ и утѣшаетъ въ скорбяхъ нашихъ, и не велитъ намъ ни о чемъ скорбѣть и унывать, и говорить: «Выгнать насъ изъ Св.

Горы никто не можетъ, потому что насъ Царина Небесная лучше всѣхъ родовъ любить во св. Горѣ Аѳонской, потому что мы изъ самой далекой страны пришли, оставили свое благоденственное отечество, славную и богатую нашу Россію и богатые и спокойственныя русскіе монастыри. Оставили своего отца и покровителя, Благочестивѣйшаго и Христолюбиваго Россійскаго Императора, и пришли подъ тяжелое иго турецкое въ далѣчайшую сію страну, и платимъ туркамъ великую дань, да еще и терпимъ гоненіе отъ своей братіи. Но радуйтесь и веселитесь! Мы сіе терпимъ не за что другое, а только за любовь Христову, и не въ мірѣ суетномъ и не во градѣ многмятежномъ, но въ тихомъ и небурномъ селѣ пристанищѣ, во св. Горѣ Аѳонской, въ жребіи Божіи Матери. За это наше терпѣніе скоро насъ Царина Небесная утѣшитъ, и наградитъ такимъ мѣстомъ, что вся Св. Гора удивится: иные будутъ и завидовать, а другіе будутъ радоваться и прославлять Бога; только потерпите еще немного.» И теперь не знаемъ, что будетъ! И ожидаемъ сбытія сего пророчества, — не будетъ ли какой перемѣны?» Мы ихъ спросили: «стало быть, этотъ духовникъ очень высокой жизни, что вы такъ его одобряете?» Они отвѣчали: «Какъ не высокой жизни? — Живетъ во св. Горѣ Аѳонской болѣе двадцати лѣтъ, въ совершенномъ нестяжаніи, въ глубочайшей пустынѣ, не имѣющій никакого тѣлеснаго утѣшенія: пищу употребляетъ самую постную, не вкушаетъ ни рыбы, ни сыру, ни масла, а спитъ весьма мало, развѣ одинъ часъ въ сутки, и то сидя. Любовь же имѣетъ неограниченную, и столько милосердія, что часто и книги свои отдаетъ на какую

кому нужную потребу. Онъ насъ и держитъ во св. Горѣ Аѳонской; а ежели бы не онъ, то отъ великихъ скорбей половина бы ушли паки въ Россію, но онъ никому не даетъ благословенія; а кто что безъ благословенія его сдѣлаетъ, или куда поидетъ, то всѣ страдаютъ и пропадаютъ.»

92. Мы паки спросили ихъ: «есть ли во св. Горѣ Аѳонской другіе такіе духовники или старцы, изъ русскихъ или изъ болгаровъ, или изъ грековъ?» Они отвѣчали: «Изъ русскихъ и изъ малороссіанъ другаго такого нѣтъ; а изъ болгаровъ былъ одинъ духовникъ, іеросхимонахъ отецъ Григорій, но уже другой мѣсяцъ скончался. Пятьдесятъ лѣтъ былъ въ Аѳонѣ духовникомъ, и имѣлъ даръ прозорливства такой, что ежели кто у него исповѣдывался, то онъ не спрашивалъ, а самъ, яже отъ юности содѣянная всякаго человѣка, сказывалъ, и своими слезами грѣхи исповѣдниковы омывалъ, и легкія епитиміи налагалъ, и впредь идущая предсказывалъ. Многіе Патріархи и Архіереи на-духъ къ нему приходили. Великъ былъ старецъ, да отшелъ отъ насъ въ вѣчность ко Господу. А изъ грековъ хотя и есть такіе великіе старцы; но мы языку ихъ не знаемъ, и не можемъ отъ нихъ пользоваться; только развѣ на нихъ посмотримъ.»

93. Мы спросили: «а гдѣ русскій духовникъ живетъ, и какое имя ему?» Они отвѣчали: «Имя ему *Арсеній*, а ученику его *Николай*. А живутъ они подъ Иверскимъ монастыремъ, на келліи св. Іоанна Златустаго, отъ монастыря Ивера одинъ часъ ходу, все на гору, въ дикой пустынѣ. Кто не бывалъ у нихъ, тому трудно ихъ и найти.» Мы сказали: «мы за тѣмъ и пришли во св. Гору Аѳонскую, чтобы найти

таковаго великаго старца и наставника, и препоручить ему свои души и тѣлеса, и по его благословенію и наставленію препровождать жизнь свою.» Они же сказали намъ: «благое ваше намѣреніе; лучше и искуснѣе этого старца вы не найдете во всей св. Аѳонской Горѣ: всѣ единогласно вамъ скажутъ о немъ, русскіе и малороссіане, болгары и греки и молдаваны; и у всѣхъ велико имя старца Арсенія.» И такъ мы препроводили всю ночь до самой утрени въ духовныхъ бесѣдахъ; и мы собесѣдниковъ нашихъ возлюбили, аки самыхъ ближайшихъ родственниковъ или друзей, за ихъ любовь и страннолюбіе, и за ихъ монашескую простоту и добросердечіе. И возгорѣлось мое сердце любовію къ духовнику Арсенію.

94. Когда заблаговѣстили къ утрени: мы пошли въ церковь, и наши великороссіане стали по клиросамъ, и составили прекрасныя хоры; и была утрена весьма торжественная, и читали три поученія въ толковомъ недѣльномъ Евангеліи, и въ толковомъ Апостолѣ и въ Прологѣ. Напѣвомъ пѣли русскіихъ пустыней Софроніевой и Глинской. Продолжалась утрена пять часовъ, чѣмъ мы были весьма утѣшены. Послѣ утрени мало опочили, а потомъ пошли къ Литургіи. Литургія также была торжественная, и поминали всю Россійскую Царскую Фамилію. По Литургіи всѣмъ была общая трапеза. По трапезѣ взялъ насъ одинъ іеромонахъ къ себѣ на келлію въ гости, отъ скита полчаса ходу, на *Капсальскую Гору*, на келлію св. *Апостола*, и пришедши насъ угостилъ. А потомъ намъ предложилъ: «теперь, братія моя, какъ вамъ угодно: хотите, — приставайте ко мнѣ въ общее: а ежели

не угодно, то живите на своемъ содержаніи до времени, пока изберете себѣ мѣсто; возьмите любую комнату, и живите хоть навсегда; за это съ васъ ничего не возьму, но еще буду вамъ радъ: будете мнѣ пособлять правило читать: ибо вотъ имѣю свою черковъ и шесть комнатъ, а живу одинъ.» Мы же сказали: «Мы въ общее пристать не можемъ, пока не обрѣтемъ себѣ духовника, и не получимъ отъ него благословенія. А ежели — на квартиру, то можно до времени, и просимъ не оставить.» Онъ далъ намъ комнату, и мы пошли въ скитъ за своими сумками. Въ скиту игуменъ насъ уговаривалъ погостить хотя одну седмицу; но мы поблагодарили, и пошли на свою келлію. Три дни насъ посылалъ іеромонахъ Сергій пищею. Потомъ на оставшіяся отъ пути деньги мы купили себѣ сухарей, капусты и масла; и стали жить, да Божію Матерь благодарить. Іеромонахъ Сергій часто ходилъ на чужія келліи служить Литургіи, и насъ съ собою бралъ, и отъ того мы со многими познакомились, и мало когда хлѣбъ свой ѣли.

95. Мы всѣхъ спрашивали о духовникахъ; и всѣ едиными устами одобряли духовника Арсенія, русскіе и болгары. И я больше не могъ терпѣть, чтобы не сходить къ такому великому старцу, и вознамѣрился его посѣтить безъ всякаго отлагательства. Хотя меня и уговаривали еще подождать, и обѣщались сами проводить, и говорили, что безъ провожатаго никакъ не возможно пройти аѳонскихъ горъ и лѣсовъ, чтобы не заблудиться, и не найдешь не только духовника, но даже и Иверскаго монастыря; но я имъ сказалъ: «сколько времени прошло, а мы не были у такого великаго старца, и все отлагаемъ день за день,

и живемъ уже больше недѣль, не получивши отъ него благословенія.» Потомъ, разспросивши путь до Иверскаго монастыря, и помолвившись Господу Богу, пошелъ къ духовнику, и шелъ до Ивера все лѣсомъ и маленькою тропинкою, все по долину и подъ гору. Потомъ, недалеко отъ монастыря, вышелъ на большую дорогу: Божіею помощію не заблудился, и уже шелъ между садовъ и масличныхъ дровъ.

96. Потомъ пришелъ къ *Иверской* славной *Лаврѣ*, къ великой царской обители, къ самой Вратницѣ Горы Аѳонскія. Монастырь *Иверъ* подобенъ Ватопеду, только развѣ немного поменьше: четырехъ-угольный, ограды нѣтъ, но вокругъ четырехъэтажные корпуса келій, и много куполовъ съ крестами и башенъ. Возлѣ вратъ сдѣлана великая площадь, выстланная гладкимъ камнемъ, и подѣланы кругомъ сѣдалища; и два фонтана воды. Надъ вратами стоитъ великая икона Пресвятыя Богородицы, Иверская, вратница Аѳонская, подлинный списокъ съ чудотворной иконы. Я положилъ три поклона; подвратарь же спросилъ меня по-болгарски: «куда иду?» Я ему сказалъ, что иду къ духовнику Арсенію. Онъ вынесъ три хлѣба, далъ мнѣ, и сказалъ: «одинъ тебѣ, а два отцу духовнику», и показалъ мнѣ дорогу, на высокую гору, и келію на горѣ стоящую. Я шелъ съ великимъ трудомъ: дорогъ стало много, и не зналъ, по которой идти; всѣ пошли въ разныя стороны. Но я всѣ оставилъ, и пошелъ прямо безъ дороги на ту самую гору, гдѣ духовникова келія. И шелъ великимъ и частымъ лѣсомъ, и съ великимъ трудомъ пролѣзалъ сквозь кустовъ; было весьма круто, и съ трудомъ я могъ взлѣзать: держался ру-

ками за древа , и такъ всходилъ два часа ; однако, съ помощію Божіею угодилъ прямо къ духовниковой келліи, и мало спочилъ. Потомъ пошелъ къ дверямъ келліи, одержимъ страхомъ и радостію : радовался о томъ , что обрѣлъ искомага ; ужасался о томъ , какъ подойду къ такому великому старцу, предъ которымъ вся Гора Аѳонская благоговѣтъ.

97. Подошедши къ дверямъ , сотворилъ молитву; духовникъ , сказавши « аминь », вышелъ. Я упалъ къ ногамъ его. Онъ благословилъ меня; и я облобызалъ десницу его. Потомъ онъ спросилъ : « чтѣ, любезный, желаешь отъ меня ? » Я отвѣчалъ : « желаю, отче святыи, имѣть съ вами бесѣду. » Онъ же ввелъ меня въ келлію свою , и приказалъ сѣсть , и началъ вопрошать : « знать, брате, недавно пришелъ во Святую Гору , что я тебя прежде никогда не видалъ ? » Я отвѣчалъ : « на сихъ дняхъ только пришли , отче святыи. » Онъ паки спросилъ : « отъ какія страны пришли ? » Я отвѣчалъ : « изъ молдавскія земли, отче. » Онъ паки : « какимъ путемъ пришли : по морю , или по суху ? » Я отвѣчалъ : « сухимъ путемъ, отче. » Онъ паки : « съ какимъ намѣреніемъ пришли во святую Гору Аѳонскую,—поклониться только, или на жительство ? » Я отвѣчалъ : « аще угодно будетъ Богу и Божіей Матери , я пришелъ препроводить здѣсь остальную жизнь свою, и скончать животъ свой. » Онъ же сказалъ : « Благое твое намѣреніе ; только — аще по волѣ Божіей будетъ. Какую желаешь жизнь себѣ здѣсь избрать: монастырскую, или общежительную, или скитскую, или келейную, или пустынную ? » Я отвѣчалъ : « Не знаю, отче святыи, какъ будетъ угодно Господу Богу и Божіей Матери , и отцу моему духовному. Я при-

шелъ во святую Гору Аѳонскую мѣсто избирать не по своей волѣ, но пришелъ найти себѣ старца и руководителя отца духовнаго, и препоручить ему свою душу и тѣло, и гдѣ онъ благословить, тамъ и жить буду. Съ тѣмъ меня послали и отцы молдавскіе, чтобы по своей волѣ не жить.»

98. «И просилъ я Господа Бога моего и Его Матерь, Пречистую Дѣву Марію, нашу Владычицу Богородицу: да сподобятъ мнѣ обрѣсти старца и отца духовнаго. И Господь мой Исусъ Христосъ и Его Пречистая Матерь услышали мою молитву, и сподобили меня обрѣсти вашу святыню; и теперь избираю васъ себѣ за старца и отца духовнаго, и препоручаю вамъ свою душу и тѣло, и вы будьте мнѣ старецъ и отецъ духовный, наставникъ и руководитель къ вѣчному блаженству. И отдаю всю свою волю на ваше разсужденіе и распоряженіе, даже до самой моей смерти. И гдѣ вы меня благословите жить, тамъ и буду; аще вамъ угодно, то да не изыду изъ келліи вашей, но всегда съ вами пребуду, и послужу вашей старости.» Онъ же сказалъ: «Велико обѣщаніе твоишь: но аще его до конца исполнишь, то благо тебѣ будетъ. Только надобно много тебѣ приготовиться къ терпѣнію, потому что много надобно претерпѣть и перенести скорбей и искушеній. Мое распоряженіе будетъ не по твоему хотѣнію и желанію, ниже по моему человѣческому, но по Божіей волѣ. А Господь Богъ не хочетъ, чтобы мы рабы Его были въ спокойствіи тѣлесномъ или во утѣшеніи плотскомъ, но проводить вѣрныхъ Своихъ рабовъ узкимъ и тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ, многими скорбми и напастьми, тѣмъ путемъ, которымъ Онъ

самъ, Творецъ и Создатель нашъ, прошегъ, и намъ образъ Собою показалъ. Онъ Самъ, бывши во плоти, претерпѣлъ гоненіе, хуленіе и поруганіе, мученіе и заклѣваніе, и послѣ понесъ крестъ Свой, и на немъ распять. И во всемъ показавъ намъ примѣръ, сказалъ и намъ Своимъ ученикамъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми.* Лук. 9, 23. Вотъ, возлюбленный брате, каковъ Христовъ путь! Онъ въ мірѣ семъ весьма прискорбенъ; но хотя и прискорбенъ, но приводитъ въ вѣчное блаженство: узкій и прискорбный путь вводитъ въ жизнь вѣчную, а широкій и пространный путь вводитъ въ пагубу. И азъ поведу тебя путемъ узкимъ и прискорбнымъ, по волѣ Божіей, хотя онъ тебѣ покажется жестокъ и несносенъ. Захочешь ли по нему до конца идти? Не великое дѣло — положить начало; но то велико, кто до конца начатое доведетъ. Мое распоряженіе будетъ тебѣ трудное и тяжкое, и аще не восхощешь его исполнить, получишь сугубое наказаніе, потому что узнавши волю Божію, не совершишь. Кто не знаетъ, и не сотворить, тотъ наказанъ бываетъ, но меньше. Ты пришелъ въ святую Гору Аѳонскую съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы здѣсь препроводить жизнь свою, и скончать животъ свой; а можетъ, воля Божія будетъ такая, что надобно будетъ тебя послать туда, куда ты не помышляешь, а тебѣ покажется неумѣстительно, и не захощешь того исполнить; потому, сначала лучше не обѣщайся, а съищи себѣ другаго старца и духовника: много есть во Святой Горѣ старцевъ и духовниковъ, и кромѣ меня много живетъ отцевъ, и спасаются.» Но я упалъ къ ногамъ его, и со слезами

началъ ему говорить: «отче святыи, не отгони меня грѣшнаго отъ себя, но приими меня, яко блуднаго сына, и буди мнѣ во отца и старца, и послушаю тебя во всемъ даже до смерти, и вся повелѣваемая тобою буду исполнять съ любовію.» Онъ же спросилъ меня: «кто тебѣ обо мнѣ сказалъ, что ты такъ ко мнѣ расположился?» Я отвѣтилъ: «Во-первыхъ, я просилъ Божию Матерь, да наставитъ и поможетъ мнѣ обрѣсти старца и отца духовнаго, во иноческомъ житіи искуснаго, которому бы могъ препоручить свою душу и тѣло. Во-вторыхъ, вопрошалъ всю русскую братію, и всѣ единогласно указали на твою святиню.» Онъ паки спросилъ: «кто тебя ко мнѣ привелъ, и какъ ты ко мнѣ нашелъ дорогу?» Я отвѣчалъ: «Никто, отче святыи, не приводилъ меня; я самъ пришелъ къ вамъ, и Божія Матерь направила меня на путь. Иверскій вратарь показалъ мнѣ вашу келію, но я не дорѣгой шелъ, а прямо на тору лѣсомъ пролѣзалъ съ великимъ трудомъ, какъ заблудшая овца, не имущи добраго пастыря: и, слава Богу, обрѣтохъ желаемое.» Онъ же паки спросилъ: «а гдѣ теперь на первый случай присталъ? и имѣешь ли хлѣбъ? и есть ли у тебя деньги? и знаешь ли какое рукодѣліе?» Я отвѣщалъ: «теперь живемъ на Капсалѣ, на келіи святыхъ Апостолъ у отца Сергія; купили себѣ сухарей и капусты и масла, и деньги всѣ потратили; а рукодѣлія никакого не знаю, товарищъ же мой иконописецъ.» Онъ же рече: «Товарищъ твой пусть какъ знаетъ, а ты никуда не ходи, хотя и многіе тебя будутъ звать къ себѣ жить; а только знакомься съ братіей, и когда позовутъ въ гости, иди; а когда дома, ѣшь свои сухари; а когда

что нужно, приходи ко мнѣ, и я тебѣ дамъ. Эту седмицу пока не говѣй, а говѣй уже послѣ праздника Введенія Богородицы, и тогда приди ко мнѣ, и исповѣдаешься и причастишься Святыхъ Таинъ, и тогда назначу тебѣ мѣсто, гдѣ будешь проживать, и получишь благословеніе на такую жизнь, какой отъ юности желала душа твоя.

99. Еще скажу тебѣ: вашъ приходъ ко святой Гору Аѳонскую весьма счастливъ для русскихъ. Даетъ Божія Матерь нашимъ великороссіанамъ доброе и крѣпкое мѣсто, чему многіе будутъ завидовать, а другіе будутъ радоваться.» Я спросилъ: «а гдѣ, отче святыи, русскимъ готовится мѣсто?» Онъ же рече: «нечего сказывать: самъ скоро узнаешь.» Потомъ представилъ трапезу, и пригласилъ своего ученика, схимонаха Николая. Сей пришедши поклонился духовнику и мнѣ до самой земли. Я, смотря на него, стоялъ и умилялся: ибо весьма смиренъ и кротокъ, и весьма сухъ; очи наполнены слезъ; слово кроткое и тихое. Потомъ всѣ трое вкупѣ помолившись сѣли за трапезу; поставлены были яства: сухари моченые, вода и квашеный стручковый перецъ. Мнѣ же, яко гостю, поставили соленыхъ маслинъ и пять смоквинъ; сами же ничтоже вкусиша, кромѣ сухарей и перцу. Я взялъ изъ торбы данные мнѣ въ Иверѣ три хлѣба, и предложилъ на трапезу, и сказалъ, что сіи хлѣбы даны въ Иверскомъ монастырѣ, одинъ мнѣ, а два вамъ. Духовникъ же мнѣ сказалъ: «возьми ихъ себѣ домой.» И я пакы положилъ ихъ въ торбу. О, сколь для меня сладостна была та трапеза тѣмъ, что сподобился я окаанныи и грѣшныи

сидѣть вмѣстѣ и трапезовать съ такими великими старцами, славными по всей св. Горѣ Аѳонской, или лучше сказать, съ земными ангелами и съ небесными людьми !

100. По трапезѣ духовникъ благословилъ меня въ путь , проводилъ за ограду , и показалъ мнѣ дорогу. Келлія духовника стоятъ на горѣ, на возвышеніи, на открытомъ мѣстѣ , откуда видна почти вся восточная страна св. Горы : на югъ до самаго Аѳона и весь Аѳонъ ; на сѣверъ до монастыря Пантократора и до скита Богородицы ; къ востоку, къ морю, подъ горою монастырь Иверъ весь на открытіи; къ востоку же открытое великое море Архипелагъ, до самаго Дарданельскаго пролива. Посредѣ моря синѣются четыре острова: Тасъ, Самоеракъ, Имбро и Лимносъ; къ сѣверовостоку синѣются горы Македонскія; съ прочихъ же сторонъ келлія окружена лѣсами и холмами. Недалеко отъ келліи , изъ земли истекаетъ источникъ холодной и здоровой воды. Хотя келлія стоятъ, яко свѣтильникъ на свѣщницѣ, на самой красотѣ , но въ самой почти непроходимой пустыни, такъ что ни съ которой страны къ ней подойти нельзя: ибо окружена горами и непроходимыми лѣсами. Хотя и есть къ ней двѣ тропинки , одна изъ-подъ горы, а другая съ горы , но и тѣ очень малы, такъ что съ трудомъ можно познать. Келлія каменная; внутри келліи сдѣланы двѣ комнаты, гдѣ сами живутъ, а третья гостиная, и большія сѣни; а чрезъ сѣни церковь: храмъ во имя св. Іоанна Златоустаго. Иконъ довольно; потиръ и дискосъ оловянные; ризница холщевая; книгъ довольно, весь церковный кругъ. Въ нижнемъ этажѣ лежатъ дрова; тамъ и работаютъ ложечки.

101. Идя отъ отца Арсенія , я радовался и веселился, яко сподобился бесѣдовать съ такимъ великимъ старцемъ, и столько сдѣлался спокоенъ сердцемъ, что якобы получилъ уже все желаемое и самое царство небесное. И оставили меня всѣ замыслы и планы мои , и сдѣлался якобы природный аеонскій житель; и всю дорогу отъ радости плакалъ , и благодарилъ Всевышняго моего Творца , Господа моего Иисуса Христа, за Его неограниченныя милости , изліянныя на мя недостойнаго, яко все мое прошеніе и желаніе исполнилъ; и отъ радости глаголаъ таковая: «О Господи, велія милость Твоя, и чудна дѣла Твоя, явленные на мнѣ грѣшномъ! Благодарю Тя, Господи, яко сподобилъ еси мя исторгнутися и отлучитися отъ суетнаго міра и отъ его прелестей. Благодарю Тя, Владыко, Человѣколюбче Господи, яко извлекъ мя изъ бездны душепагубнаго раскола , и присоединилъ мя къ Своей Св. Церкви. Благодарю Тя , Господи , яко сподобилъ еси мя достигнуть въ сіе тихое и небурное пристанище , во св. Гору Аеонскую. Благодарю Тя, Господи, яко сподобилъ еси мнѣ грѣшному обрѣсти себѣ такого великаго старца, отца и наставника. Теперь , Господи, буди милость Твоя на мнѣ ; якоже хоцещи, устрой о мнѣ вещь.» И часто озирался назадъ на гору, возводилъ очи мои на пустынную духовникову келлію, помышляя , что тамъ мой покой и утѣшеніе, тамъ моя радость и веселіе; тамъ остались всѣ мои помыслы и планы. Идя туда, былъ обуреваемъ разными помыслами и скорбями; а оттуда возвращаюсь во всякомъ спокойствіи, въ радости и веселіи, яко овца заблудшая, обрѣтшая себѣ добраго пастыря, иже взялъ меня на свою отвѣтственность, и возмо-

жилъ на свои рамена, и взялся привести ко Отцу моему Небесному!

102. Отецъ духовникъ, іеросхимонахъ Арсеній, росту высокосредняго, волосомъ русъ, брада средняя, окладистая, съ просѣдью; главу всегда держалъ мало наклонну на правое плечо, лицемъ чистъ и весьма сухъ, и всегда въ лицѣ игралъ румянецъ, а наипаче при Богослуженіи, и едва можно было на него смотрѣть; всегда былъ веселъ, и на взглядъ пріятенъ, очи имѣлъ наполненныя слезъ, слово кроткое и тихое, говорилъ всегда просто, безъ ласкательства, рѣшительно, безъ повторенія.—Потомъ паки пришелъ я къ монастырю Иверскому, и паки помолился Пресвѣтѣй Богородицѣ, Вратницѣ Аѳонской; паки подвратарь далъ мнѣ одинъ хлѣбъ, и спросилъ: «какъ живетъ духовникъ?» Я сказалъ, что слава Богу! Потомъ пошелъ я въ путь свой, и, пришедши въ келлію свою, сказалъ брату своему, какъ былъ у духовника, и что отъ него слышалъ. Онъ весьма о томъ сожалѣлъ, что не пошелъ со мною.

103. Вечеромъ, пошли ночевать на келлію св. *Василія Великаго*, что на *Капсалѣ*, и тамъ служили вечерню, а по-утру утреню и Литургію. На Литургіи былъ причастникомъ Тѣла и Крови Христовой больной схимонахъ Андрей, великороссіанинъ, ученикъ іеромонаха, отца Аникиты Шихматова, бывшій съ нимъ въ Аѳинахъ. Онъ послѣ причастія жилъ только одинъ часъ, и преставился ко Господу въ радости и веселіи. Я читалъ надъ нимъ Псалтирь. Онъ лежалъ посреде церкви. Я читалъ на аналоѣ, по правую страну, а братія стояли позади, подлѣ стѣнъ. Около полунощи было одному схимонаху Арсенію

откровение : видѣлъ онъ , что Ангелъ Господень привелъ душу Андрееву къ тѣлу его , и прочиталъ *акмлюіа* трижды. Схимонахъ Арсеній не могъ богѣе удержаться , вскричалъ , и всѣмъ объявилъ видѣніе. И мы всѣ прославили Господа Бога. Послѣ и самъ схимонахъ Арсеній въ скоромъ времени преставился ко Господу; онъ жилъ на келліи Покрова Пресвятыя Богородицы , что подъ монастыремъ Ставроникитою. Онъ первую келлію во св. Горѣ Аѳонской выстроилъ во имя Пресвятыя Богородицы Покрова , и освятилъ. Сей Арсеній былъ за старца и духовнику Арсенію , когда сей постригался въ великую схиму. Отпѣвали погребеніе по отцѣ Андреѣ восемь іеромонаховъ , всѣ русскіе ; было до ста человекъ братій. Похоронили при самой стѣнѣ церкви Свят. Василия , и была всѣмъ изобильная трапеза. Келлія Свят. Василия въ древнія времена была знаменитая и славная , ради великихъ старцевъ , въ ней жительствовавшихъ , о которыхъ много упоминается въ аѳонскомъ Патерикѣ.

104. Недалеко , подъ горою , подлѣ рѣки , есть и другая келлія знаменитая , во имя Успенія Богородицы , называемая « *аксіонъ* » , т. е. , « *достойно* » , въ которой Архангелъ въ первый разъ пропѣлъ пѣснь Богородицѣ сію: *Достойно есть , яко воистинну , блажити Тя Богородицу , присноблаженную и пренепорочную , и Матерь Бога нашего*. О чемъ напишу здѣсь слѣдующее , что я читалъ въ аѳонскомъ Патерикѣ : « Въ св. Горѣ Аѳонской , подъ монастыремъ Пантократоромъ , на Капсалѣ , на келліи Успенія Пресвятыя Богородицы , жилъ нѣкій инокъ , старецъ богобоязливъ , съ ученикомъ своимъ , который былъ простъ и мало-

грамотенъ. Въ одинъ день недѣльный, старецъ пошелъ въ монастырь на всенощное бдѣніе, а ученикъ остался дома въ своей келліи, и въ нощи молился предъ иконою Пресвятыя Богородицы, и повторялъ сію пѣснь ко Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ: *Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истиннаго Бога-Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаемъ.* И когда онъ сію пѣснь часто воспѣвалъ, вдругъ пришелъ къ нему въ келлію юноша неизреченной красоты, и спросилъ: «что ты, брате, творишь?» Хозяинъ отвѣтилъ: «славлю Пресвятую Дѣву Богородицу.» Гость сказалъ: «а какъ ты славишь?» Хозяинъ пропѣлъ «*Честнѣйшую Херувимъ*» до конца. Гость сказалъ: «А мы не такъ Ее, Владычицу міра, славимъ; но воспѣваемъ сиче: *Достойно есть, яко воистинну, блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего*; потомъ прилагаетъ и «*Честнѣйшую Херувимъ.*» Хозяинъ поклонился ему, и сказалъ: «прошу тебя: научи и меня, да и я буду воспѣвать тако.» Гость сказалъ: «принеси чернилъ, перо и бумаги: я тебѣ напишу.» Хозяинъ отвѣтилъ: «не имѣемъ мы ни чернилъ, ни бумаги.» Гость сказалъ: «принеси каменную плиту.» Хозяинъ принесъ, и далъ ему. Гость написалъ на плитѣ перстомъ, какъ на мягкомъ воскѣ, пѣснь Богородицѣ: «*Достойно есть*» до конца, отдалъ хозяину, и сказалъ: «такъ пой ты и всѣ православные хрістіане: такъ мы Ее на небеси воспѣваемъ»; и потомъ сдѣлался невидимъ. Хозяинъ же много удивлялся, и позналъ, что это былъ Архангелъ Гавріилъ; и всю ночь препроводилъ безъ сна, въ безпрестанномъ пѣніи и молитвѣ. По-утру при-

шелъ старецъ , и ученикъ сказалъ ему что въ нощи видѣлъ и слышалъ , и показалъ ему каменную плиту. Старецъ весьма удивлялся ; потомъ объявилъ Проту Св. Горы. Протъ освидѣтельствовалъ , и плиту послалъ въ Константинополь къ вселенскому Патріарху , а икону , предъ которою пѣлъ Архангелъ Гавріилъ , перенесъ къ себѣ на Карею , и поставилъ въ соборномъ храмѣ , въ алтарѣ , гдѣ и донынѣ стоитъ. А пѣснь Архангела Гавріила ко Пресвятѣй Дѣвѣ Богородицѣ Святою Церковію и донынѣ по вселенной воспѣвается тако : *Достойно есть...* и до конца. А во св. Горѣ Аѳонской , во весь годъ , каждую недѣлю , кромѣ Пасхи , поютъ « *Достойно есть,* » хотя бы случился и великій праздникъ. » И въ недѣлю никогда не поютъ ирмосъ девятой пѣсни , но всегда « *достойно есть,* » въ память того , что въ Аѳонѣ и въ недѣлю предано воспѣвать сію Архангельскую пѣснь Царицѣ Небесной и Владычицѣ міра , Пресвятѣй Богородицѣ , Приснодѣвѣ Маріи : *достойно есть* яко воистину , и проч.

105. Еще на Капсалѣ , недалеко отъ келліи Свят. Василія , есть знаменитая колиба , т. е. келлія безъ церкви , въ которой препровождалъ постническую жизнь , болѣе пятидесяти лѣтъ , великій и знаменитый ученый мужъ , славный учитель и писатель , великій старецъ схимонахъ Никодимъ Святогорецъ , который преставился ко Господу около 1819 года. Онъ сочинилъ и написалъ тридцать книгъ. Но двѣ не обрѣтаются ; ибо захвачены папистами въ Венеціи самыя черновыя , о чемъ греки весьма сожальютъ и собогѣзнуютъ , и много старались исходатайствовать , но не могли ; а прочія двадцать восемь напечатаны и

выпущены, о чемъ Восточная Св. Церковь весьма радуется. Содержаніе книгъ своихъ старецъ Никодимъ заимствовалъ отъ Священнаго Писанія, отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ Восточной Церкви учителей; собралъ всѣ свидѣтельства во едино, изъяснилъ и передалъ православнымъ грекамъ, яко чистую пшеницу: и у всѣхъ грековъ, у мірскихъ и у монаховъ и у безмолвниковъ, не увидишь въ рукахъ больше книгъ, какъ Никодима Святогорца. И никто не можетъ его книгъ и словесъ до сытости насладиться: всѣмъ достаесть отъ его кладезя пити, мірскимъ и монахамъ и безмолвникамъ. Онъ былъ великій постникъ и великій ревнитель по Святой Христовой Восточной Церкви и по древнемъ благочестіи. Многія книги написалъ противъ разныхъ иновѣровъ: противъ Папы Римскаго, противъ лютеранъ и протестантовъ, и противъ душепагубной уніи. И часто въ своихъ книгахъ упоминаесть о православной Россіи, и похваляетъ ея благочестіе. У грековъ въ духовныхъ разговорахъ всегда повторяется имя Никодима Агіоритиса, т. е. Святогорца. Ему были всѣ аеонскія бібліотеки отверсты; и было ему, изъ чего черпать: не имѣлъ въ книгахъ недостатку. Ктому-же еще имѣлъ въ себѣ свыше отъ Бога данную благодать Св. Духа и даръ разсужденія, что явѣ показываетъ и его глава, источающая благоуханіе. Только мы русскіе весьма сожалѣемъ о томъ, что не сподобляемся пити отъ его медоточныхъ источниковъ. Ибо почти не имѣемъ ни одной книги его на славянскомъ и на русскомъ языкѣ, кромѣ аеонскаго сокращеннаго Патерика, и то болгары перевели и напечатали въ Болгаріи.

106. Капсальская гора и другихъ многихъ знамени-

тыхъ отцевъ произрастила. И до-днесъ всѣхъ бѣдныхъ и неимущихъ къ себѣ принимаетъ, сокрываетъ и упокояетъ. Которыхъ нигдѣ не принимаютъ, тѣ на Капсалѣ всѣ находятъ себѣ убѣжище и пристанище; ибо всякъ работаетъ свое рукодѣліе, а базаръ близко; и кто что сработаетъ, приносятъ на Карею и продаютъ, и покупаютъ себѣ сухарики въ большихъ монастыряхъ, и питаются, и за то благодарятъ Божию Матерь. И меня грѣшнаго довольно упокоялъ св. Капсалъ; хотя и бѣдные братія по нему живутъ, но весьма страннолюбивы. Мы же, проживавши на келліи св. Апостолъ, повсюду по Св. Горѣ ходили, и красоты ея наслаждались, и посѣщали, на келліяхъ и въ скитахъ, своихъ русскихъ братій, и всѣ насъ съ любовію принимали, упокояли какъ гостей и странниковъ, и всѣ приглашали къ себѣ въ сожительство.

107. Вскорости всѣ великороссіане услышали весьма радостную вѣсть, что греки русскаго монастыря св. Великомученика Пантелеимона зовутъ и просятъ изгнаннаго изъ Ильинскаго скита игумена, іеросхимонаха Павла, со всею великороссійскою братіею къ себѣ въ Русскихъ въ сожительство. И по всей св. Горѣ Аѳонской пошла сія молва; а на чемъ дѣло кончится, не извѣстно. Ибо хотя греки и просили игумена отца Павла; но онъ никакъ не соглашался, и говорилъ имъ: «Я никакой не имѣю надежды къ житію въ вашемъ русскомъ монастырѣ. Хотя вы и просите и примете насъ, но послѣ паки изгоните: уже когда насъ свои русскіе изгнали, а на грековъ какая надежда? Когда вы уже князя Шихматова изгнали: о насъ уже нечего и говорить. Мы здѣсь на чужой странѣ; насъ защитить некому: кто хочетъ, тотъ и

гонитъ.» Потомъ сказалъ грекамъ: « Вы меня отцы и не просите: не пойду я къ вамъ въ монастырь, да не наведу на себя другую скорбь, паче первой, какую вы навели отцу Аникитѣ, князю Шихматову. Взойди въ монастырь не долго: но напередъ надобно хорошенько подумать, и усердно помолиться Господу Богу и Божіей Матери.»

108. Но греки русскаго монастыря, всѣ старшіе братія, ежедневно къ отцу Павлу приходили, и просили его со слезами: « Отецъ Павелъ, идите въ нашу обитель, и ничего не бойтесь: уже мы никогда васъ русскихъ не изгонимъ: клянемся Богомъ Вышнимъ, и свидѣтелей представляемъ Божію Матерь и святаго Великомученика Пантелеимона. Много мы сожалѣемъ и плачемъ и о томъ, что выгнали князя; за что Божія Матерь много насъ наказала, какъ о томъ и вамъ и всей святой Горѣ Аѳонской извѣстно; и мы теперь хотимъ Божію Матерь умиловити, и свое согрѣшеніе загладити, и свою совѣсть очистити: и тогда мы возрадуемся и успокоимся совѣстію, когда увидимъ русскихъ въ своей обители. Приидите, отче Павле, въ свое русское древнее наслѣдіе, и обладайте имъ. Приидите, отче, и приведите съ собою русскаго Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, котораго мы изгнали вмѣстѣ съ княземъ, да изспросимъ мы своему согрѣшенію прощеніе. Есть у насъ одна неосвященная церковь, которую по приходѣ вашемъ освятимъ во имя Святителя Митрофана, въ которой вы русскіе будете отправлять по-русски церковное служеніе. И еще дадимъ вамъ мѣсто среди монастыря, на которомъ, со-временемъ, во имя сего Святителя выстроите соборъ. Приидите и увидите, отче, во оби-

тель нашу : не можемъ мы болѣе терпѣть , видѣвши васъ въ такомъ бѣдствіи , не имѣющихъ никакого себѣ пристанища , и не имѣющихъ гдѣ главы подклонити. Вниди , отче , въ святую древнюю русскую обитель. Не мы васъ зовемъ ; но желаетъ и зоветъ васъ святыи Великомученикъ Пантелеимонъ , какъ своихъ древнихъ обитателей , и отъ его лица мы васъ просимъ ; и желаемъ съ вами жить въ общежитіи , и другъ друга тяготы носить , въ любви и въ смиреніи препроводить остальные дни жизни нашей , и въ покаяніи скончать животъ свой ; а которые останутся послѣ насъ , тѣ будутъ насъ поминать , и за насъ Бога молить.» Отецъ же Павелъ имъ сказалъ : « Вотъ , отцы , ежели вы солжете и не исполните своего обѣщанія , то Божія Матерь васъ еще накажетъ. Еще , отцы , скажу вамъ : если вы желаете принять насъ русскихъ въ свою святую обитель отъ искренняго сердца ; то спаси васъ Господи ! Однако , мы сами идти къ вамъ не можемъ ; потому что мы имѣемъ у себя старца и духовника , іеросхимонаха Арсенія , живущаго въ пустынѣ подъ монастыремъ Иверомъ ; онъ надъ нами начальникъ и пастырь ; его попросите : ежели онъ благословитъ , то мы съ радостію можемъ идти.» Греки же изъ русскаго монастыря , приходившіе просить отца Павла , отъ лица игумена Герасима и отъ лица стошестилѣтняго старца , схимонаха іеродіакона Венедикта , были : дидаскаль іеросхимонахъ и Архимандритъ Прокопій , іеросхимонахъ и духовникъ и ризничій Кириллъ , іеросхимонахъ Митрофанъ , схимонахъ и іеродіаконъ Никифоръ. Потомъ всѣ сѣли на муловъ , и отцу Павлу дали мула , и поѣхали въ пустыню къ старцу и духовнику Арсенію. И пріѣхавши , взошли

въ келлію. Греки всѣ пали старцу Арсенію въ ноги, и со слезами просили его, да благословить русскихъ взойдти въ русскую обитель.

109. Старецъ и духовникъ Арсеній радости исполнился, и сказалъ: «Богъ ихъ благословить, и азъ благословляю. Давно уже русскихъ дожидается святой Великомученикъ Пятелеимонъ.» Отецъ Павелъ заплакалъ, и палъ предъ нимъ на землю, и сказалъ: «отче святой, чтобы не случилось со мной, какъ и съ княземъ?» Духовникъ же ему сказалъ: «не бойся, отецъ Павелъ, но иди съ Богомъ: ты тамъ и помрешь, и будутъ твои кости фундаментомъ для русскихъ вѣчно въ русскомъ монастырѣ.» Греки же и отецъ Павелъ всѣ великой радости исполнились. Потомъ духовникъ сказалъ: «Богъ васъ благословить! Идите съ Богомъ. А ты, отецъ Павелъ, за-утро переходи въ русскій монастырь: такъ угодно Божіей Матери стало, что въ который день Она входила во Святое Святыхъ, въ той-же день и русскихъ вводитъ въ святую русскую обитель Пантелеимонову.» Потомъ отецъ Павелъ и всѣ прочіе, получивши благословеніе, вышли и шли съ радостію и въ веселіи. Греки радуются, яко имѣютъ получить потерянное сокровище; а русскимъ, всѣмъ радостямъ радость, что имѣютъ получить свое древнее достояніе, и возвратиться въ свою русскую обитель, и могутъ имѣть себѣ во святой Горѣ Аѳонской при-бѣжище и тихое пристанище. Это было 20-го ноября; а 21-го числа праздникъ—Входъ во храмъ, во Святое Святыхъ, Божія Матери: въ тотъ же день Царица Небесная вводитъ и русскихъ въ русскую обитель съ торжествомъ, съ честію и со славою. По-утру, т. е. 21-го ч. ноября, 1839 года, прогремѣла, какъ громъ,

молва по всей святой Горѣ Аѳонской — по монастырямъ и по скитамъ, и по келліямъ и по пустынямъ, а наипаче между русскихъ, — что днесъ русскіе входятъ въ русскій монастырь, днесъ русскіе получаютъ древнее свое наслѣдіе, днесъ русскіе обрѣтаютъ себѣ пристанище. Всюду русскіе радуются и веселятся; всюду русскіе торжествуютъ, по скитамъ и по келліямъ и по пустынямъ. Сорадуются съ русскими и болгары, увидя нечаянно русскихъ утѣшенными; потому что они много о русскихъ соболѣзновали. Пусть бы кто спросилъ: «что днесъ у русскихъ за торжество, и что у нихъ за радость?» На это всѣ русскіе отвѣтятъ: «О, какъ намъ русскимъ днесъ не радоваться и не веселиться? Днесъ у насъ сугубый праздникъ: во-первыхъ, празднуемъ Входъ во храмъ Пресвятыя Богородицы; во-вторыхъ, празднуемъ и торжествуемъ входъ нашей русской братіи въ русскую обитель. Днесъ Царица Небесная насъ утѣшила: вмѣсто скита дала намъ великій царскій монастырь; вмѣсто малыхъ келлій дала намъ пятиэтажные корпусы. По сей день насъ гнали и поносили, и укоряли, и даже грозили изгнаніемъ изъ святой Горы Аѳонской: а днесъ Царица Небесная нечаянно ввела насъ въ каменную ограду, за желѣзныя врата. Днесъ Владычица возвратила намъ древнюю нашу русскую обитель, которая болѣе ста лѣтъ находилась въ рукахъ грековъ. Днесъ исполнилось и предсказаніе нашего духовника, отца Арсенія. И всѣ днесъ съ нами радуются, греки и болгары, сербы и молдаване, яко утѣшила насъ Божія Матерь; только скорбятъ и сѣтуютъ одни малороссіане, что напрасно насъ изгнали и оклеветали, и поносили. Но Господь ихъ да проститъ и помилуетъ,

и да не поставитъ имъ грѣха сего: ибо днесь за все насъ Божія Матерь наградила; хотя немного и по-скорбѣли, но паки утѣшились.

110. 21 числа ноября, изъ русскаго монастыря поутру рано прислали на Карею двадцать муловъ, и взяли отца Павла со всею братією и со всѣми вещами, и отправились въ русскій монастырь, и пріѣхали къ вратамъ. Греки, всѣ братія, вышли встрѣчать за врата. Отецъ Павелъ, слѣзши съ мула, надѣлъ на себя епитрахиль и фелонь, взялъ икону Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, которую привезъ съ собою, и пошелъ во врата монастырскія. Игуменъ съ братією запѣли стихирѹ праздника Входа Пресвятыя Богородицы, и прошли прямо въ великую соборную церковь святаго Великомученика Пантелеимона. И взошедши, икону Святителя Митрофана положили на аналой; вынесли изъ алтаря и главу святаго Пантелеимона, и положили рядомъ на другомъ аналоѣ; вынесли изъ алтаря честное древо Креста Господня, и положили на третьемъ аналоѣ. Потомъ пошелъ отецъ Павелъ прежде къ честному Древу, и положилъ два поклона до земли, и потомъ цѣловалъ Крестъ, и паки—одинъ поклонъ до земли. Потомъ предъ святаго Великомученика Пантелеимона главою онъ также сотворилъ; а послѣ и Святителя Митрофана иконъ также сотворилъ. Потомъ вышелъ среди церкви, и положилъ три поклона до земли. Потомъ подошелъ къ игумену Герасиму, и поклонился ему до земли. Игуменъ заплакалъ, и самъ ему поклонился до земли, и поцѣловали одинъ другому руки и во уста. Потомъ пошли всѣ братія русскіе по-два, и творили также, какъ и отецъ Павелъ. Потомъ пошелъ самъ игуменъ Гера-

симъ , и творилъ также , какъ и отецъ Павелъ , и послѣ подходилъ къ иконѣ Святителя Митрофана , и со слезами просилъ прощенія за прежнее согрѣшеніе . Потомъ и всѣ греческіе братія подходили по-два . И была въ церкви великая радость и ликованіе , и всѣ кланялись одинъ другому до земли , русскіе грекамъ , а греки русскимъ , и всѣ торжествовали .

111. Потомъ пошли всѣ въ гостинницу , и тамъ ую-
шали русскихъ , какъ лучше быть нельзя . И была въ
русскомъ монастырѣ въ тотъ день радость неизречен-
ная ; таковой радости въ русскомъ монастырѣ никогда
не было , да , можетъ быть , и послѣ не будетъ . Ве-
лики день сей для русскаго монастыря , а наипаче для
русской братія ! Не имѣли гдѣ главы поделонить , и
не имѣли никакой надежды получить какое-нибудь
пристанище , а нечаянно получили великій царскій
монастырь и свое древнее достояніе , святую обитель
Пантелеимонову , именуемую Русскѣ . И греки не
менѣ радовались , что приняли русскихъ . Ибо и они
не имѣли уже надежды видѣть русскихъ въ своей
обители , и помышляли вѣчно терпѣть это поношеніе ,
что изгнали русскихъ изъ русскаго монастыря , и за то
ихъ всѣ осуждали ; и Божія Матерь съ святымъ Пан-
телеимономъ ихъ безпрестанно наказывала разными
искушеніями , которыя опишу послѣ , въ исторіи рус-
скаго монастыря . Греки столь были совѣстію отяго-
щены , что всегда со слезами говорили , что за то ихъ
Божія Матерь со святымъ Пантелеимономъ наказы-
ваютъ , что изгнали русскихъ , князя со святымъ Ми-
трофаномъ ; и полагали они , что этотъ фіалъ гнѣва
Божія будутъ пить вѣчно , и не имѣли уже надежды
возвратить русскихъ въ свою обитель . Да и не воз-

вратили бы, если бы русскихъ не изгнали изъ Ильинскаго скита. Русскіе весьма на нихъ оскорбились за изгнаніе князя. И всегда греки говорили, что не видать имъ русскихъ въ монастырѣ.

112. Но старецъ ихъ Венедиктъ стошестилѣтній всегда имъ говорилъ, что не умреть, пока не приметъ русскихъ въ монастырь. Сіе явно показалъ онъ въ гостинницѣ, когда угощали русскихъ. Пришелъ въ гостинницу съ своимъ жезломъ, и положивши три поклона до земли, со слезами прочиталъ молитву *«нынѣ отпу-
щаеши раба Твоего, Владыко»* до конца. Потомъ подошелъ къ отцу Павлу, и поклонился ему до земли, и взялъ отъ него благословеніе. И потомъ, взявши его въ свои объятія, началъ говорить слѣдующее: «Нынѣ возвеселилось сердце мое, и возрадовался духъ мой, что держу днесъ русскихъ въ объятіяхъ моихъ: нынѣ держу потерянное сокровище; нынѣ паки пришла изгнанная овца, блуждавшая по горамъ и по лѣсамъ, и не имѣвшая себѣ ни ограды ни пристанища, гдѣ главы поклонити; нынѣ паки возвратилась во свою прежнюю ограду; нынѣ азъ держу ее во своихъ объятіяхъ; уже болѣе ее не изгоню, и отъ себя не отпущу. Нынѣ азъ очистилъ свою совѣсть, которая всегда мене обличала и беспокоила за изгнаніе русскихъ; нынѣ же паки пріяхъ ее, и держу во своихъ объятіяхъ.» Потомъ отпустилъ, и паки сказалъ: «Садитесь, мои дорогіе гости, садитесь, мои честные отцы, садитесь, моя возлюбленная чада, садитесь, изгнанныя овцы, и паки возвращенныя во свою ограду, садитесь, обрѣтенное сокровище, садитесь, чистота моей совѣсти, садитесь, радость моя неизреченная, садитесь, многовождедѣнные мои братія. Веселитесь и радуйтесь, и торжествуйте съ нами за-едино.» Когда

онъ сіе говорилъ : греки всѣ стояли и смотрѣли на него, и много плакали; русскіе же мало что понимали.

113. Потомъ старецъ Венедиктъ обратилъ очи свои къ братіи своей, грекамъ, и началъ имъ говорить съ великою радостію, съ торжествомъ, слѣдующее, и воскликнулъ: « Радуйтесь со мною, чада моя, радуйтесь со мною, братія моя; и паки реку: радуйтесь! Днесь обновися, яко орля, юность моя, днесь стошестилѣтнія мои косточки помолодѣли, днесь слѣпыя мои очи посвѣтлѣли: ибо днесь они видятъ русскихъ паки въ нашей обители; днесь плачетъ одинъ врагъ діаволь, посмѣявшійся надъ моею старостію, смутившій мене на изгнаніе русскихъ; азъ же, яко человекъ, послушалъ его, и поползнулся въ великое искушеніе при послѣднихъ лѣтахъ моей жизни; еще послушалъ нѣкоторыхъ изъ васъ, и изгналъ русскихъ изъ обители, и возмутилъ свою совѣсть, и погубилъ многолѣтніе свои труды и подвиги, и отяготилъ свое сердце. Три года лежалъ на моемъ сердцѣ этотъ тяжкій камень, и никогда не могъ я успокоить свою совѣсть и душу, и о томъ много пролилъ слезъ; и просилъ Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Дѣву Богородицу Марію, да возвратятъ русскихъ паки въ нашу обитель. И услышалъ Господь молитву мою, и извѣстилъ мнѣ, что будутъ отпѣвать и погребать мене русскіе; и дожидался того дня съ вожделѣніемъ, когда узрю русскихъ въ нашей обители; днесь сіе получилъ. Сей день, егоже предвозвѣстилъ мнѣ Господь: возрадуемся и возвеселимся въ онъ. Вотъ теперъ послушайте, братія моя: азъ изгналъ русскихъ, но азъ паки и ввелъ и принялъ ихъ. Паки говорю вамъ, что азъ принялъ ихъ и посадилъ въ обители сей, вашъ старецъ и наста-

вникъ, грѣшный Венедиктъ. Азъ принялъ русскихъ, и отхожду отъ васъ на вѣчность; оставляю русскихъ по себѣ наслѣдниками въ вѣчные роды. И вы навсегда живите съ русскими въ любви и единомысліи, и другъ друга тяготы носите; и азъ всѣхъ васъ оставляю, и препоручаю васъ сему блаженному старцу, вашему игумену, а моему ученику, отцу Герасиму. И воистинну онъ есть блаженъ и треблаженъ: всѣ вы поколебались противъ русскихъ; только онъ единъ стоялъ за русскихъ. Но азъ не послушалъ его. А онъ единъ только могъ предусмотрѣть нашъ душевный и тѣлесный вредъ; онъ только единъ могъ всѣхъ немощи носить. Но теперь, слава Богу, азъ паки принялъ русскихъ и прикрылъ, и оставляю ихъ наслѣдниками, и препоручаю васъ игумену Герасиму. Уже азъ теперь русскимъ не гонитель, но покровитель и защититель. Мнѣ только то и желательно было. Аминь». Потомъ со всѣми простился, и пожелалъ мира и любви, и пошелъ съ помощію другихъ въ свою келлію. И уже изъ келліи своей никуда не выходилъ; и болѣе уже его никто не видалъ. По принятіи русскихъ онъ пожилъ только сорокъ дней, и отъиде на вѣчную жизнь.

И такъ русскіе съ греками въ тотъ день торжествовали, т. е. 21 ноября; а 22-го убирали храмъ къ освященію, въ назначенномъ для русскихъ корпусѣ, въ третьемъ этажѣ. И въ тотъ день много сошлось русской братіи, изъ разныхъ скитовъ и келлій, дѣлать между собою радость и веселіе въ русскомъ монастырѣ, и торжествовать свѣтлый праздникъ Святителя Христова Митрофана, Воронежскаго Чудотворца.

114. Потомъ, въ назначенномъ къ освященію храмѣ
ч. II.

была малая вечерня. По вечерни пошли съ иконой въ трапезу. И было въ трапезѣ велие утѣшеніе. Потомъ началось всенощное бдѣніе съ вечера, и продолжалось двѣнадцать часовъ. Пѣли на одномъ клиросѣ по-гречески, а на другомъ по-русски; греки больше пѣли на распѣвъ. И многія читали словеса отъ Священнаго Писанія и изъ Отцевъ по-гречески; а по-русски прочитали чудеса Святителя Митрофана и житіе иже во святыхъ отецъ нашихъ Амфилохія Иконійскаго и Григорія Акрагантійскаго. Предъ Литургіею было освященіе храма. И была Литургія самая торжественная. По Литургіи Архимандритомъ Прокопіемъ говорена была торжественная проповѣдь. Подлинно ее упомнить не могу: онъ говорилъ по-гречески; но многія выраженія произносилъ и по-славянски, потому что онъ мужъ ученъ, знаетъ разные языки, а наипаче знаетъ хорошо славянскій и болгарскій. Мы уже послѣ собирали, кто что могъ припомнить, греки и русскіе, потому что онъ говорилъ наизусть и весьма пространно, и столь трогательно, что всѣ плакали, русскіе и греки. Хотя не многое изъ слова его напишу здѣсь, да знаютъ греки и русскіе, съ какимъ торжествомъ и радостію приняла русская Пантелеимонова обитель своихъ русскихъ чадъ. Онъ говорилъ въ слѣдующемъ разумѣ:

115. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Что днесъ въ русскомъ монастырѣ за праздникъ? Что днесъ въ Пантелеимоновой обители за торжество? Спросятъ насъ аеонскіе жители: что въ общежительной киновіи за радость? Что тамъ за веселіе? Они всегда учатъ всѣхъ плакать о грѣхахъ своихъ, и не позволяютъ даже никому ослабиться, а днесъ уже и сами всѣ веселятся. Или они уже преиѣнили

жизнь свою? Или они разрушили свои строгіе обще-
жительные уставы? Мы же къ нимъ отвѣщаемъ:
мы не премѣнили своей жизни, и не разрушили
своихъ общежительныхъ уставовъ; но радуется и
веселится днесь мать, и торжествуетъ, что приняла
въ свои объятія возлюбленныхъ и первородныхъ стар-
шихъ своихъ чадъ, которые находились въ странствіи
болѣе ста-двадцати лѣтъ, скитавшись по горамъ и по
вертепамъ, не имѣя гдѣ главы приклонити; днесь они
пришли къ своей возлюбленной матери въ объятія,
и она днесь радуется и веселится, и торжествуетъ,
что приняла ихъ здравыхъ. И мы, юная ея чада, съ
нею веселимся и торжествуемъ, яко видимъ своихъ
старшихъ братій, къ намъ въ свой домъ возвратившихся
здравыхъ и благополучныхъ. Днесь пришли русскіе
къ своей возлюбленной матери въ русскую обитель,
и привели русскіе съ собою въ русскую обитель до-
рогого гостя, своего русскаго Чудотворца, Святителя
Митрофана. Но что говорю: *юстя?* Гость только по-
гостить, да и паки уходить. Пришли русскія чада къ
своей матери, и привели съ собою Святителя Митро-
фана уже не въ гости, а на вѣчное жительство, во
увѣреніе чего днесь посвятили ему сей храмъ, да
пребываетъ Святитель Митрофанъ въ этой русской
обители во вѣкъ вѣка, и да содержитъ при себѣ и
русскую свою братію. Но что говорю: освятили *храмъ?*
Не *храмъ* освятили, а *храмикъ*, только ради перваго
случая; а великій соборный храмъ, во имя сего Святи-
теля, со-временемъ выстроятъ себѣ русскіе посреди
монастыря, аще подастъ имъ руку помощи благоден-
ственное ихъ отечество, святая и славная Россія. Но
паки глаголю радостная, и паки восклицаю торжествен-

ная. Свѣтло днесь красуется и радуется, и весело торжествуетъ святая наша обитель русская о пріятіи своихъ чадъ, и торжествуетъ вкупѣ со святымъ Великомученикомъ Пантелеимономъ и со святымъ Митрофаномъ, и со всѣми своими чадами, съ греками и русскими, и всѣхъ съ собою торжествовати призываетъ, и восклицаетъ тако: Радуйся и веселися со мной, Госпожа моя и Назирательница моя, Пречистая Владычице моя Богородице! Се бо расточенная моя чада русскія собрашася днесь ко мнѣ въ объятія. Радуйся и веселися со мной и ты, первый по Богородицѣ мой помощниче и заступниче и назирателю мой, святой Великомучениче Пантелеимоне; торжествуй днесь со мною и веселися: днесь бо древніи твои обитатели и твои любители къ тебѣ возвратишася! Радуйся со мной и ты, святой Отче Митрофане, изъ Россіи пришедшій съ своею русской братією въ сію святую Гору Аѳонскую, во жребій Царицы Небесной, какъ въ тихое и небурное пристанище, ко мнѣ во обитель и ко святому Великомученику Пантелеймону въ содружество! И азъ дала тебѣ сей храмъ, да пребываеши въ немъ даже до втораго Христова пришествія, хотя не тѣломъ, но духомъ; и твоею святою иконою спасай и соблюдай мене съ моими чады, со всею своею русской братією и съ греками; и сохраняйте мене отъ всякихъ бѣдъ и напастей вмѣстѣ со святымъ Великомученикомъ Пантелеимономъ и съ Пречистою Дѣвою Богородицею! Радуйся и ты со мною днесь, вся святая Гора Аѳонская, со всѣми своими жителями и пустынями! Радуйтесь днесь со мною и вы, мои другини, святые Лавры и честные монастыри и святые киновіи, со мною — обителью

русскою: се бо азъ пріяла днесь возлюбленная своя русская чада въ свои нѣдра! Радуйтесь со мною днесь и вы, святогорскіе скиты и келліи и колибы пустынныя! Днесь повсюду въ васъ торжествуютъ русскіе братія, и веселятся, что днесь пришли они ко мнѣ—своей матери, и приняла я ихъ въ свои объятія. Теперь послушайте, русскіе братія, здѣсь присутствующие; и къ вамъ обращаетъ обитель слово. Радуйтесь и веселитесь, ликуйте и свѣтло торжествуйте, и вы, многовождебная и возлюбленная моя чада русскія, со мною матерью вашею, обителью русскою! Днесь у насъ обоюдная радость и торжество: вы радуетесь, яко обрѣли мене свою возлюбленную родную мать, обитель русскую, и пришли въ мои матернія нѣдра и въ мои матернія объятія, по многолѣтнемъ вашемъ странствіи и бѣдствіи, скитавшись по чуждымъ обителямъ. Хотя онѣ и всѣ мои другини и сестры, но нѣсть въ нихъ вашей матери; а я едина ваша возлюбленная мать, обитель русская; я едина могу васъ упокоить въ сей маловременной жизни, и препроводить на вѣчное блаженство. И азъ, возлюбленная моя чада, паче васъ радуюся и веселюся, яко сподобилась принять васъ въ свои объятія. Сколь мнѣ было грустно и скорбно смотрѣть на васъ, любезныхъ моихъ чадъ, странствующихъ по святой Горѣ Аѳонской, по горамъ и по вертепамъ, и не имѣющихъ гдѣ главы приклонити, гонимыхъ и хулимыхъ, поношаемыхъ и укоряемыхъ! И сколь мнѣ было болѣзненно смотрѣть на ваше такое горестное бѣдствіе, болѣе ста-двадцати лѣтъ вами терпимое! Теперь скажу и о себѣ: какую и азъ терпѣла безъ васъ скорбь о томъ, что нахожусь горькою и беззаступною сиротою, оборванною и

обнаженною, и лишенною своихъ любезныхъ чадъ первородныхъ, и не имѣющею ни отъ кого помощи, да кто мя облечетъ и украситъ красотою, какъ и прочія мои сестры убраны и украшены. И како мнѣ было не скорбно называться русскою обителью, а русскаго чада ни одного въ себѣ не имѣти? И како мнѣ было не грустно терпѣть отъ приходящихъ по-сѣтителей? Каждый приходящій ко мнѣ стремится, какъ къ русской славной обители, имѣющей богатыхъ и славныхъ русскихъ сыновъ, и чаеъ мене обрѣсти убранную и украшенну паче прочихъ моихъ сестръ; но егда приходитъ, и обрѣтаеъ мене сиротою, оборванною, обнаженну, и съ возлюбленными первородными моими русскими чадами разлученну; то каждый отходитъ отъ мене со слезами, и оставляетъ мене сироту горько плакати. Како мнѣ не скорбно было слышати, что я, обитель русская, имѣю у себя сыновъ великаго и славнаго и благоденственнаго отечества Россійскаго, еще имѣю покровителя и защитника всея святыя Восточныя Церкви, Благочестивѣйшаго Россійскаго Императора, азъ же мать, обитель русская, нахожусь здѣсь во святой Горѣ Аѳонской самая убогая и сирота беззащитная, оборванная и обнаженная, и отъ всѣхъ обижаемая и оскорбляемая, и отъ нихъ первородныхъ возлюбленныхъ моихъ чадъ разлученная, и до конца оставленная ими, не имѣющими обо мнѣ никакого попеченія? И находилась въ такомъ сиротствѣ и скорби болѣе 120 лѣтъ. Нынѣ же вся сія скорбная мнимодоша; нынѣ вся нова была; нынѣ веселіе и торжество. Днесъ всякія радости азъ преисполнена: днесъ возлюбленные и первородныя мои чада русскія возвратишася въ мои матернія объ-

ятія и въ мои нѣдра. Уже нынѣ азъ нѣсмь сирота, ни убога: отнынѣ они мои любезныя чада, мене, свою мать, облекутъ и украсятъ красотою паче всѣхъ, и буду азъ славна по всей святой Горѣ Аѳонской. И еще радость къ радости присовокупилась: ибо не одни они пришли чада моя, но пришелъ съ ними и святой русскій Митрофанъ: и онъ, Святитель, пришелъ помочь мнѣ бѣдной, и украсить мене обнаженную, и азъ съ великою радостію его приняла къ себѣ, и на первый случай дала ему сей храмъ, да въ немъ пребываетъ; а по времени выстроютъ ему чада моя великій храмъ соборный, въ которомъ Святитель будетъ пребывать во вѣкъ вѣка. Аминь.»

116. По окончаніи Литургіи, съ иконою Святителя Митрофана пошли въ трапезу, и было велие утѣшеніе. Въ трапезѣ самъ игуменъ Герасимъ говорилъ слово къ своимъ грекамъ слѣдующее: «Отцы и братія! послушайте мене грѣшнаго, вашего старца и игумена: днесь мы празднуемъ и веселимся, и торжествуемъ потому, что мы днесь совершили великія два дѣла: первое—приняли русскихъ въ обитель и во общежитіе; тѣмъ мы прегражденіе вражды разрушили; второе—освятили храмъ святому Митрофану, Россійскому Чудотворцу, и этимъ мы утвердили и укрѣпили и заключили русскихъ вѣчно въ нашей обители пребывать. Хотя мы и согрѣшили прежде, что выгнали русскихъ изъ обители, но азъ тому дѣлу былъ не причастенъ, не моя была воля: вы захотѣли, вы и выгнали; но за то какъ насъ Господь и Божія Матерь наказали, кому вамъ неизвѣстно? Аще вспомяну, то всѣ будете плакать; оставляю о томъ много говорить: днесь день не плача, но день радости и веселія. Воспо-

мяну не много, дабы впредь отъ того были осторожны. Вы знаете, что вы хотѣли оставить обитель сію, и бѣжать кто куда знаетъ; но азъ васъ уговорилъ, и азъ за васъ много пострадалъ, и мало что не посланъ былъ вѣчно въ заточеніе, только Божія Матерь защитила мене безвиннаго. И еще скажу: сколько разъ мы сажались въ трапезѣ почти безъ хлѣба, съ одними малыми гнилыми сухарями! Но еще Господь не до конца на насъ прогнѣвался, и не въ-вѣкъ враждовалъ на насъ, но паки утѣшилъ насъ симъ радостнымъ торжествомъ. Паки загладили мы свое согрѣшеніе; паки русскіе въ нашей обители, паки съ нами торжествуютъ и веселятся. Еще скажу вамъ, братія: хотя и изгнали прежде русскихъ, но не самыхъ чистыхъ русскихъ, а болѣе были то малороссіане. Весма жалко мнѣ того блаженнаго старца, князя отца Аникиту, что его оскорбили; но за то Господь да упокоитъ его въ будущемъ вѣкѣ. Но теперь приняли русскихъ всѣхъ, истыхъ великороссіанъ, какъ сего отца Павла, такъ и всѣхъ сущихъ съ нимъ; это для насъ еще большее веселіе и радость: теперь наша обитель русская не малороссійская, но настоящая великороссійская. Теперь, отцы и братія, приняли мы русскихъ, и приняли вся благая для обители нашей; и ежели навсегда будутъ русскіе жить въ обители нашей, то какъ она теперь убога и обнаженна, и попираема изо всѣхъ аеонскихъ обителей, такъ будетъ богата, убрана и украшена, и славна будетъ не только во святой Горѣ Аеонской, но и по вселенной; потому что русскіе имѣютъ благоденственное свое отечество, славную и богатую Россію, и своего благочестиваго и Христолюбиваго Императора. Къ русскимъ будутъ пріѣзжать разныя лица на посѣ-

щеніе, и награждать своими щедрыми милостями, и украшать нашу обитель, и намъ помогутъ, Богъ дастъ, и долгу избудемъ: ибо вы сами знаете, что болѣе ста тысячъ обитель должна. Вы не знаете, каково мнѣ это иго нести: до крайности оно мене отягчило. Прошу васъ, отцы и братія, и со слезами прошу: несите немощи русскихъ, несите, и не отягчайтесь; ибо теперь я васъ предупреждаю, что не безъ труда будетъ намъ съ русскими жить, потому что они языку нашего не понимаютъ, обычаевъ и уставовъ и работъ нашихъ не знаютъ; и намъ надобно больше терпѣть и нести ихъ немощи, а они будутъ помогать въ другомъ дѣлѣ. И ежели кто, отцы и братія, будетъ не согласенъ съ русскими жить, и немощи ихъ носить, то прошу изъ обители выходить; и держать тѣхъ не буду. А я и обитель съ русскими не разлучимся вѣчно. Освятили днесъ храмъ Святителя Митрофана для русскаго богослуженія; но скоро будемъ закладывать великій соборный храмъ для русскихъ. Итакъ, отцы и братія, будемъ вѣчно съ русскими жить, и другъ друга тяготы носить, и тако исполнимъ законъ Христовъ. И будемъ въ смиреніи и въ послушаніи препровождать остальные дни жизни нашея, и въ сей святой обители скончаемъ животъ свой, да преидемъ на вѣчную жизнь. Аминь.»

По трапезѣ, пошли съ иконою въ соборную церковь, и тамъ была великая ектенія за ктиторовъ и за Константинопольскаго Патріарха, и за Россійскаго Императора, Николая Павловича, и за всю Фамилію Его. Потомъ пѣли многолѣтіе вселенскому Константинопольскому Патріарху и Россійскому Императору, Николаю Павловичу, и всей Фамиліи Его; потомъ—игумену

Герасиму со всею братією и іеросхимонаху Павлу со всею русскою братією. Вышедши изъ церкви, игумень Герасимъ остановился, и сказалъ отцу Павлу, показывая рукою: «Вотъ, отецъ Павелъ, со всею твоею русскою братією, благословляетъ вамъ святая наша обитель и святой Великомученикъ Пантелеимонъ, и азъ съ братією, сей пятиэтажный корпусъ со всѣми тремя церквами. Ты самъ возьми келлію угольную подлѣ церкви Святителя Митрофана, а братію самъ распоряди. А отдохнувши, мы къ тебѣ на новоселье придемъ въ гости. А вы, отцы греки, всѣ выберите изъ того корпуса по прочимъ.» И самъ пошелъ въ свою келлію. Русскіе братія тотчасъ перебрались, кому гдѣ назначилъ отецъ Павелъ. Потомъ, отдохнувши, принесли съ гостинницы всякаго угощенія къ отцу Павлу въ келлію, и пришедши игумень Герасимъ, позвалъ всю русскую братію, и приказалъ всѣмъ сѣсть, и началъ говорить слѣдующее:

117. «Возлюбленные отцы и братія русскіе, ты, отче Павле, со всѣми прочими! Теперь мы васъ приняли въ св. сію обитель, и освятили для васъ храмъ, и дали вамъ келлія,—сей корпусъ съ тремя церквами: довольны ли вы этимъ?» Русскіе отвѣтили: «довольны, отче святой.» Игумень же паки началъ говорить: «Теперь живите, и благодарите Господа Бога и Божию Матерь, и св. Великомученика Пантелеимона и Святителя Митрофана, и за насъ грѣшныхъ молитесь Богу. Теперь, отцы и братія, надобно намъ другъ друга тяготы носить; и вы, отцы и братія русскіе, понесите немощи нашихъ грековъ, потому что и наши греки есть немощные: яко чловѣцы падаютъ, кому же вспылчвы и круты характеромъ. Если

они что скажутъ , а вы не поймете , и они на васъ оскорбятся ; то вы сотворите поклонъ , и скажите: прости, согрѣшихъ. Что дѣлать? Всюду нужно терпѣніе; и Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша*. А наипаче, отцы, старайтесь привыкать, и подражать нашимъ общежительнымъ уставамъ и обычаямъ, и во всемъ подражайте нашимъ грекамъ, и блюдитесь, чтобы не произошелъ отъ васъ какой соблазнъ. На послушаніе ходите, но не одни , а съ нашими греками. Черезъ силу не работайте , а помаленьку, по своей силѣ. А уставъ нашъ общежительный таковъ: канонъ келейный—тысячу триста поклоновъ; къ келліи ничего не имѣть, даже и воды; безъ рясы не ходить; на послушаніи не говорить; ежедневно помыслы исповѣдывать; каждую седмицу причащаться Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой, и прочая многая, что сами увидите и узнаете. И помалу научайтесь, и во всемъ примѣръ берите съ нашихъ грековъ; въ келліи одинъ къ другому не ходите; и келлій своихъ никогда не запирайте; тако живите и спасайтесь; о здѣшнемъ ни о чемъ не печетесь, но на вѣчное приготовляйтесь; а тѣлесное все вамъ будетъ готово и дано, — пища и одежда и дрова ; а кто заболитъ , есть у насъ спокойная больница; а кто помретъ, то похоронимъ съ честію и со славою, и будутъ обитель и братія вѣчно поминать; а изъ русскихъ кто будетъ желать съ нами жить, всѣхъ буду принимать, только по вашему совѣту; но знайте и помните, что ваша вѣчная русская сія обитель. Аминь.» Потомъ всѣхъ русскихъ и грековъ угощали.

118. Вечерни были двѣ: греки служили въ соборѣ,

а русскіе въ своей церкви, Святителя Митрофана. На вечерни отецъ Павелъ сказалъ своей русской братіи слово слѣдующее: «Возлюбленные мои великороссійскіе братія! Днесъ у насъ праздникъ праздниковъ и торжество торжествъ; днесъ у насъ радость и веселіе; сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны! Днесъ обрѣтохомъ свою возлюбленную мать, столько лѣтъ отъ нея бывши разлученными! Днесъ мы взошли во св. русскую свою обитель! Хотя мы и нашли ее убогую и обнаженную; но Господь намъ русскимъ поможетъ: паки облечемъ ю въ первую одежду, и паки обогатимъ ю. Днесъ мы обрѣтохомъ себѣ тихое пристанище и прибѣжище по многолѣтнемъ нашемъ странствіи и бѣдствіи! Днесъ мы отъ странствія во свою русскую обитель возвратимся, и отъ всѣхъ скорбей на радость премѣнимся! Днесъ мы торжественно празднуемъ праздникъ Святителя Христова Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, и освятили ему сей храмъ! Черезъ то мы въ этой русской нашей обители положили твердое и вѣчное основаніе, чтобы русской нашей братія здѣсь проживать, и вѣчно здѣсь пребывать. Теперь, слава Богу, имѣютъ себѣ великороссіане во св. Горѣ Аѳонской пристанище и прибѣжище. Сколько лѣтъ наши великороссіане бѣдствовали, и не имѣли гдѣ главы приклонити, и ходили съ келліи на келлію, съ колибы на колибу! Всюду нашихъ притѣсняли, какъ безпріютныхъ овецъ: всему азъ самовидѣцъ, ибо живу во св. Горѣ Аѳонской тридцать пять лѣтъ. И азъ самъ, пришедши во св. Гору, расположился здѣсь скончать жизнь свою, и негдѣ было проживать, и прилѣпился къ малороссіанамъ въ Ильинскій скитъ. И жилъ, какъ овца посредѣ волковъ, трид-

цать пять лѣтъ, и терпѣлъ повседневно скорби, поношеніе и укореніе. А сколько еще во время смущенія претерпѣлъ скорбей и самую почти смерть, со игуменомъ Парееніемъ сохраняя скитское имѣніе, странствуя по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи! Чрезъ шесть лѣтъ паки возвратились во св. Гору Аѳонскую, паки пришли въ свой Ильинскій скитъ, и онъ былъ пустъ, и весь лѣсомъ заросъ, такъ что въ двѣ недѣли едва до вратъ добрались, и что положили трудовъ, только единому Богу извѣстно. Паки привели въ порядокъ, паки собрали и братіи до тридцати человѣкъ. Но паки Господь посѣтилъ насъ: послалъ Богъ намъ въ скитъ моровую язву, и почти всѣ братія сдѣлались жертвою ея, и самъ игуменъ Парееній помер. Азъ же по вся дни служилъ Литургію, и всѣхъ причащалъ Святými Тайнами, и постригалъ въ схиму, и остался азъ живъ съ четырьмя человѣками, которые находитесь здѣсь. По прошествіи же моровой болѣзни, съ согласія всей братіи избрали мене во игумена; но ненавидящіе насъ малороссіане мене низвергли; и трижды мене возводили, и паки низвергали; а послѣ, не только низвергли, но и изгнали изъ скита, и не одного мене, но и всѣхъ васъ великороссіанъ, моихъ учениковъ. Вы же теперь не всѣ со мной остались, но многіе разсѣялись по св. Горѣ, по разнымъ монастырямъ и скитамъ. Теперь желалъ бы всѣхъ собрать къ себѣ во едино; но не неволю никого, а кто какъ знаетъ. А ненавидящихъ и обидящихъ насъ прости, Господи, и помилуй, и не постави имъ, Господи, грѣха сего! А за наше малое терпѣніе утѣшили и наградили насъ Господь и Божія Матерь сторицею: вмѣсто скита, далъ намъ Господь царскій монастырь,

вмѣсто одной церкви, далъ намъ три церкви, вмѣсто
одноэтажныхъ келій пятиэтажный корпусъ ; вмѣсто
чуждаго скита , далъ намъ Господъ свою древнюю
русскую обитель ; вмѣсто гуцоловъ, далъ намъ Го-
сподъ сихъ блаженныхъ старцевъ, благословенныхъ
грековъ. Воистинну блаженны мы, братіе! Ибо не-
достойны мы на таковыхъ старцевъ смотрѣть; а намъ
приводить Господъ и пожить съ ними, и пользоваться
ихъ примѣрною жизнію. Теперь, братія моя, надобно
намъ паки снова учиться монашеству. Хотя азъ и
тридцать пять лѣтъ въ монашествѣ, но еще обще-
жительныхъ греческихъ уставовъ и обычаевъ не знаю.
И всегда азъ удивлялся имъ, какъ они опасно блю-
дуть свои чувства отъ всѣхъ соблазновъ; но теперь
благодарю Господа моего, яко сподобляетъ мене съ
ними пожить, и на нихъ посмотрѣть. Теперь, братія
моя, и вы старайтесь свои русскіе и скитскіе обычаи
перемѣнять и забывать, и во всемъ подражать и по-
слѣдовать смиреннымъ грекамъ, и во всемъ съ нихъ
брать примѣръ. А наипаче, братія моя, надобно при-
учать себя къ терпѣнію, и переносить всякія скорби,
случающіяся отъ общежитія. Теперь, слава Богу, всѣмъ
упокоены: церковь у насъ своя, келіи добрыя, пи-
ща и одежда готовая, обитель у насъ великая и слав-
ная; теперь только надобно благодарить Бога и Бо-
жію Матерь, и имѣть попеченіе о душахъ своихъ, и
предуготовляться на вѣчное блаженство. Аминь.»

Послѣ вечерни была трапеза изобильная. Мы же
по-утру, послѣ утрени, возвратились каждый въ свою
пустынную келію, благодаряще Господа Бога. По-
томъ я ту седмицу постился.

119. Въ пятокъ вечеромъ пошелъ ночевать къ духовнику, отцу Арсенію, и читалъ съ ними вечерню и правило и утреню. И всякая служба была слезами растворена: они безъ слезъ не могли ни читать, ни пѣть, а наипаче отецъ Николай. Послѣ утрени я исповѣдался, и открылъ своему духовному врачу и пастырю всѣ мои язвы и болѣзни, яже отъ юности моя, и всѣ мои дѣянія и начинанія, и всѣ мои желанія и помышленія. Онъ же ко всѣмъ моимъ язвамъ и болѣзнямъ приложилъ пластырь, и уврачевалъ, и всѣмъ меня успокоилъ; а послѣ сказалъ: «Вотъ тебѣ Господь на-время назначилъ мѣсто: ступай и поживи одинъ въ пустыни, но не много; и научись рукодѣлю — работать ложечки. А келійка есть у отца Павла хромого; тамъ и поживи; а послѣ Литургіи еще поговоримъ.» Литургію духовникъ служилъ въ холщевыхъ ризахъ; я пономарилъ, а отецъ Николай пѣлъ тихимъ плачевнымъ гласомъ; отъ слезъ едва былъ слышенъ гласъ его. Духовникъ же во алтарѣ предъ престоломъ Господнимъ стоитъ весь во слезахъ, и едва можетъ произносить возгласы. А я, окаженный и грѣшный, между такими великими огненными столпами весь былъ одержимъ страхомъ и ужасомъ, не зналъ куда направить свой слухъ: въ алтарь ли, или назадъ? Всюду возбуждаетъ меня на плачь. И смотря на нихъ, я не могъ удержаться отъ слезъ. И были мы съ отцемъ Николаемъ причастниками Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи была преизобильная трапеза: сухари съ водою, да огурцы съ перцомъ, маслины соленыя и смоквы.

120. По трапезѣ спросилъ меня духовникъ: «имѣешь ли ты деньги купить инструментъ ложечный?» я

отвѣтилъ, что не имѣю почти ни одной копѣйки денегъ, только немного сухарей. Онъ же вынулъ свой кошелекъ, и высыпалъ всѣ свои денежки, и пересчиталъ; и было только тридцать левовъ, т. е. шесть рублей; и сказалъ мнѣ: «возьми ихъ всѣ себѣ»; а самъ пошелъ, и принесъ книгу «*октоихъ*», и сказалъ: «этихъ денегъ тебѣ мало, надобно пятьдесятъ левовъ: сорокъ за инструментъ; а десять на сухари; ты возьми сію книгу, и заложи у русскихъ, у Кореневыхъ, и возьми еще двадцать левовъ, а я послѣ выкуплю.» Я упалъ ему въ ноги, заплакалъ, и сказалъ: «отче свя- тый, а вы съ чѣмъ останетесь? вы—люди старые и немощные.» Онъ же отвѣтилъ: «Ты о насъ не пе- кись; намъ Богъ пошлетъ; мы работаемъ рукодѣліе; а ты иди съ Богомъ. А когда какая еще нужда бу- деть, то приходи ко мнѣ: я еще дамъ на сухари; и похаживай ко мнѣ почаще.» Я еще упалъ ему въ ноги, и началъ его просить, да приметъ меня жить къ себѣ въ келлію. Онъ же сказалъ: «этого не проси; никто съ нами не можетъ жить, и нашей жизни вмѣ- стить: намъ опредѣлено двоимъ скончать свою жизнь.» И взявши благословеніе, я вышелъ. И много удив- лялся, какъ они живутъ, яко птицы, отнюдь ни о чемъ житейскомъ попеченія не имѣютъ; но всю свою надежду положили на единого Господа Бога, и со единымъ своимъ Создателемъ бесѣдуютъ, и приносятъ свои теплыя молитвы о всемъ мірѣ и о всякой душѣ христіанской. Я пошелъ на келлію къ Корене- вымъ, и отдалъ имъ книгу; они еще мнѣ своихъ дали десять левовъ. Потомъ я пошелъ къ отцу Павлу хрому, и сказалъ ему, что хочу жить на его ко- либѣ. Онъ же весьма радъ былъ, и привелъ меня къ

ней, и сказалъ: вотъ, любезный братъ, живи, да Бога моли.

121. И вселился я въ сію пустынную колибу съ благословеніемъ отца моего духовнаго, и купилъ себѣ ложечный инструментъ и сухариковъ, а вода близко, въ камене изведена св. Іоанномъ Предтечею; во имя его и келлія выстроена. И помогилъ я начало — жить одному со единымъ Богомъ; и началъ учиться пожемоу работать ложечки; а отцы и братія аеонскіе стали меня посѣщать, и приносить мнѣ нужное къ житію, овые — изъ пищи, овые — изъ посуды, а кто — изъ одежды; и началъ жить и радоваться, и благодарить Господа Бога моего и Владыку, Царя Небеснаго, и Пречистую Его Матерь, Пресвятую Владычицу нашу, Богородицу, за Ихъ неизреченныя ко мнѣ милости. Ибо чего просилъ и желалъ съ самой юности, то все получилъ. Желалъ оставить суетный міръ со всѣми его прелестями: Господь и освободилъ. Желалъ и искалъ узнать едину православную Христову вѣру и единую Св. Соборную Апостольскую Христову Церковь: Господь мнѣ показалъ, и къ ней присоединилъ. Желалъ видѣть св. и пресловутую Аѳонскую Гору: Господь привелъ и жить въ ней. Желалъ найти и имѣть себѣ старца и отца духовнаго, въ иноческой жизни искуснаго: и Господь далъ мнѣ старца прозорливца. Желалось цожить единому въ пустыни: и того Господь сподобилъ. Желалъ, чтобы никого не отяготить: и Господь далъ мнѣ малое руководѣіе, которое довольно къ моему пропитанію; только теперь единого не получилъ, еще не сподобился постричься въ совершенный иноческій чинъ: но имѣлъ надежду на Господа

моего, Иисуса Христа, и на Пречистую Его Матерь, что и въ томъ не оставятъ меня, но со-временемъ и то сподобятъ получить.

Сія колиба принадлежитъ къ монастырю *Ставро-микитъ*, разстояніемъ отъ монастыря полторы версты, подлѣ келліи Іоанна Предтечи. Въ 1839 году келлія сгорѣла; ибо лѣтомъ былъ пожаръ, и сгорѣло много лѣсу, до двухъ тысячъ масличныхъ деревь, и сія келлія; а колиба осталась, ибо она стоитъ на скалѣ: внизу, какъ подъ стѣной, шумитъ море, а съ другой страны стоитъ гора, какъ стѣна; а съ третьей страны горѣлая келлія и мало деревь и неприступная скала; а съ четвертой страны висячій камень; изъ-подъ него течетъ вода; и никуда ничего не видно: ни Аѳона, ни монастырей, ни келлій; только къ востоку открыто великое море, и на немъ синѣются острова; а отъ запада нависла гора, какъ стѣна; а подо мной шумитъ морская вода, и вокругъ меня горѣлыя древа. Азъ же, яко птица, свилъ на камени себѣ гнѣздо, ни о чемъ не имѣя попеченія: всѣмъ доволенъ и всѣмъ спокоенъ, и успокоились всѣ мои чувства, и успокоились всѣ мои помыслы, и живу въ радости и веселіи, какъ въ раю, припѣвая съ Пророкомъ Давидомъ: *се удалихся бѣгал, и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя* (Пс. 54, 8). И церковная ластовица, св. Іоаннъ Дамаскинъ, утѣшаетъ меня, воспѣвая сие: *пустыннымъ животъ блаженъ есть: Божественнымъ раченіемъ воскриляющимся*. Ант. гл. 5. И пакы: *пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ міра сущимъ суетнаго кроль*. Ант. гл. 1. Когда проживалъ я въ такой тишинѣ и безмолвіи, радуясь и веселясь: вышелъ изъ моей памяти

міръ со всіми своими прелестями, и сдѣлался я какъ природный гражданинъ св. Горы Аѳонскія. Каждую субботу ходилъ на Карею съ прочими отцами, и продавалъ свое убогое рукодѣлье, свои плохенькія ложечки, и покупалъ себѣ потребное къ житію, а сухари покупалъ больше въ Иверскомъ монастырѣ. Часто посѣщалъ своего духовнаго отца Арсенія, и получалъ отъ него наставленія на совершенное иноческое житіе, и всегда исходилъ отъ него съ неизреченною радостію; многажды и ночевалъ у нихъ, и присматривался къ ихъ жизни, и никогда не могъ замѣтить, чтобы они когда въ нощи спали: но всю ночь препровождали въ бдѣніи, или въ келейной молитвѣ, или прозаживались. Въ самую полночь входили въ церковь, и читали полунощницу, а потомъ утреню; и такъ проводжали всю ночь въ молитвѣ. Отъ нихъ всегда я ходилъ мимо вратъ монастыря Иверскаго, и получалъ отъ вратаря хлѣбъ. Когда же случался въ какомъ монастырѣ или въ скиту храмовый праздникъ или торжество,—я съ прочією братією ходилъ туда, и торжествовалъ духовно и тѣлесно, и разсматривалъ зданія и иконное стѣнное писаніе, и прочую святогорскую аѳонскую лѣпоту, и лобызалъ всѣ святыни, чудотворныя иконы и св. мощи, и прочія достопамятныя вещи. И тако посѣщая святогорскія обители и прочія монашескія жилища, я изслѣдовалъ всю св. Аѳонскую Гору, и разсмотрѣлъ ея красоту: пречестныя св. великія лавры и великія царскія св. обители, монастыри и кяновія, и великіе скиты и келліи, и отшельническія пустынныя колибы, и великія прекрасныя удоія, устѣяныя монашескими келліями и колибами, усаженныя разнообразными ве-

лжкими прекрасными садами, масличными и виноградными, и смоковничными и орѣховыми деревьями. Каждая келлія и колиба имѣетъ по три и по пяти кипарисовъ, которые неизреченную красоту придаютъ св. Горѣ Аѳонской. Каждая келлія преизобилуетъ водою: по одному и по два журчатъ источника. Со страхомъ и радостію часто повторялъ я сіи словеса: «Воистинну сей есть домъ Божіей Матери! Воистинну сей есть рай едомскій, изъ негоже Адамъ изгнанъ бысть; азъ же грѣшный въ него возвращенъ есмь. О, блаженіи очи мои, видѣвшія тя, св. Гора Аѳонская, и блаженіи родители мои, родившіе мя! Сего мои родители, дѣды и прадѣды, не только не видѣли, но почти и не слышали; а мене грѣшнаго сподобилъ Господь въ тебѣ жить, и наслаждаться твоею красотою.» И часто ходилъ по непроходимымъ аѳонскимъ пустынямъ, горамъ и лѣсамъ; и иногда случалось блуждать по половинѣ дня. И такъ носѣтилъ я всю Аѳонскую Гору, и узналъ всѣхъ русскихъ братій и ихъ жилища, и кто какую жизнь прожить. Праздникъ Святителя Николая праздновали въ своемъ монастырѣ, Ставроникитѣ. Декабря 21-го ч. была гроза, громъ и молнія; а послѣ выпалъ небольшой снѣгъ.

122. Декабря 23-го, пошелъ на праздникъ Рождества Христова въ общежительный монастырь *Симонетръ*, который отстоитъ отъ моей колибы на шесть часовъ т. е. на тридцать верстъ, и тамъ гостили два дня. Тамъ въ первый разъ увидѣлъ я чинъ и уставъ и порядокъ аѳонскихъ общежительныхъ обителей, котораго еще отъ роду нигдѣ не видалъ: правятъ и распоряжаютъ благочинно, кротко, тихо и любовно;

и весьма распалился я душою, смотря на равноангельную общежительную жизнь, на смиреніе и кротость тамошнихъ иноковъ: они совершенные и искусные иноки по виду и по обхожденію. Праздновали праздникъ весьма торжественно. Былъ Архіепископъ, двадцать іеромонаховъ и восемь іеродіаконовъ, и до пятисотъ братій. Продолжалось всенощное бдѣніе четырнадцать часовъ. Пѣли пѣвцы доброголасные, все по-гречески. Потомъ Литургія; по Литургіи была всѣмъ трапеза изобильная, съ велимъ утѣшеніемъ. По трапезѣ мы русскіе пошли въ путь, съ намѣреніемъ ночевать въ русскомъ монастырѣ, посѣтить свою русскую братію на новосельи. А отъ монастыря Симопетра до русскаго монастыря четыре часа ходу, т. е. двадцать верстъ.

123. Пришли въ Русскіе уже къ самой вечерни: вечерню греки правили въ соборѣ, а русскіе въ своей церкви Святителя Митрофана. По вечерни была трапеза изобильная. Теперь я увидѣлъ русскаго монастыря общежительный чинъ и уставъ; прежде хотя и былъ, но ничего не могъ разсмотрѣть, потому что было многочисленіе и суета, а теперь только одни свои братія; и столько было благочинно и кротко, что несравненно превосходить Симопетръ. Была полна трапеза своей братіи; сидятъ всѣ по чинамъ, каждый чинъ за своимъ столомъ: іеромонахи съ игуменомъ за своимъ; схимонахи и монахи за своими; рисофорные особенно; послушники за своими; безбрадые и молодые особливо; прихожіе мірскіе особливо. Пища же всѣмъ одинаковая, какъ игумену, такъ и работникамъ. Предъ каждымъ стоитъ своя чаша съ кушаньемъ и тарелка съ салфеткой, ложка, вилка

и ножикъ, кубокъ вина и стаканъ, и каждому положенъ цѣльный пшеничный хлѣбъ. Каждый сидитъ накрывшись своимъ клобукомъ, и не видитъ одинъ другаго, кто противъ него сидитъ, но со страхомъ и молитвою вкушаетъ представленное ему брашно; и ничего больше не слышно, кромѣ чтенія; а жертвенникъ читаютъ на каедрѣ высоко. Кто не хочетъ ясти, или вкусилъ до сытости, тотъ рупцѣ имѣетъ прижаты къ персемъ и главу наклоненну, и сидитъ со страхомъ, дожидается окончанія трапезы. Я, сидя и смотря на нихъ, не могъ удерживаться отъ слезъ, и столько распалилось сердце мое и растопилась душа моя, что не хотѣлъ изъйти изъ обители, но возжелалъ пребывать въ ней до смерти, съ сими земными ангелами, что послѣ трапезы и предложилъ духовнику, отцу Павлу. Онъ же сказалъ, что съ любовію приметъ, только ежели благословитъ духовникъ и старецъ Арсеній. И ходилъ я къ духовнику моему Арсенію, и просилъ его, да благословитъ меня въ общежительный русскій монастырь; но онъ мнѣ отпаялъ, и сказалъ тако: «будешь въ русскомъ монастырѣ, да послѣ; а теперь живи на своей колыбѣ.» И я съ радостію пошелъ на свою колыбу, и жилъ во всякомъ спокойствіи духа.

124. На Богоявленіе мы пошли въ Иверскій монастырь. Въ Иверскомъ монастырѣ на Богоявленіе бываетъ каждый годъ торжество и великое стеченіе монашествующихъ. Иверскій монастырь празднуетъ въ годъ три торжества: первое — Успеніе Богородицы; второе — Богоявленіе; третье — во вторникъ на Пасхѣ, Иверской иконѣ Богородицы. И я на Богоявленіе торжествовалъ въ Иверскомъ монастырѣ, и только

тогда , въ первый разъ , увидѣлъ Царицы Небесной чудотворную икону Иверскую, Вратницу Аѳонскую. Ее отъ вратъ на праздникъ перенесли въ соборъ. Послѣ вечерни была Литургія и великое освященіе воды; ввечеру на трапезѣ было сухояденіе. Потомъ началось всенощное бдѣніе , и продолжалось двѣнадцать часовъ. Потомъ — Литургія. Послѣ Литургіи былъ крестный ходъ на море, и носили чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Иверскую ; надъ нею носили великій зонтикъ съ вызлащеннымъ крестомъ: во Аѳонѣ такой обычай, что надъ всѣми чудотворными иконами, во время крестныхъ ходовъ , носятъ великіе зонтики съ крестами : первое , для защиты отъ дождя и отъ солнца ; второе , ради великолѣпія и чести святыни; и мнѣ сей благой обычай весьма полюбился. И Молдавія отъ св. Горы сей обычай приняла : и тамъ во время крестныхъ ходовъ надъ храмовыми иконами носятъ зонтики. И совершали крестный ходъ весьма чинно, по греческому обычаю , со многими крестами и хоругвями и съ фонарами. Былъ Архіерей , пятьдесятъ священниковъ (священники всѣ несли небольшія иконы) и десять діаконовъ; все духовенство было въ бѣломъ облаченіи ; мірскіе и работники безпрестанно палили изъ пушекъ и изъ ружей , для большаго торжества. Подлѣ самаго моря святили воду, а по освященіи воды, Архіерей свергнулъ крестъ въ воду прямо въ море , а крестъ былъ серебряный ; и множество мірскихъ людей въ одеждѣ бросились въ море искать крестъ. Нашли и вынесли, и подали Архіерею. Потомъ пошли съ иконами кругомъ монастыря. Послѣ того была всѣмъ трапеза порядочная. И кто тамъ изъ русскихъ не можетъ быть въ радости? Въ Россіи на

Богоявленіе бываеъ зима, холодъ, морозъ; во святой же Горѣ Аѳонской, напротивъ, самый пріятный воздухъ, трава зеленая, и цвѣты цвѣтутъ, лимоны, апельсины и померанцы на деревьяхъ висятъ и поспѣваютъ, и лѣса по большей части одѣты лѣстомъ, и въ огородахъ зеленѣется. Кто не можетъ веселиться и благодарить Господа Бога, что сподобилъ жить въ земномъ раю? На мясопустной недѣлѣ съ сѣверо-востока подулъ холодный вѣтръ, пошелъ снѣгъ, и шелъ десять дней, и напало снѣгу на Карей на три аршина, и много поломало дровъ, которыя были съ лѣстомъ. И лежалъ снѣгъ цѣлую недѣлю, потомъ весь растаялъ; у моей же колибы не было ни одной снѣжкины, потому что близъ моря весь обращался въ дождь: ибо отъ моря тепло, никогда не бываетъ снѣгу.

125. Наступалъ великій постъ, и во мнѣ родилось неотлагаемое желаніе постричься въ иноческій чинъ. На сырной недѣлѣ пошелъ я къ духовнику, и объявилъ ему свое желаніе, и просилъ его постричь меня. Онъ же сказалъ: «я тебѣ постригу; только найди себѣ старца, съ кѣмъ будешь жить; теперь ты всѣхъ русскихъ знаешь, кто какой жизни; изъ нихъ одного избери себѣ по совѣсти, и возьми отъ меня благословеніе, и перейдешь къ нему; тогда постригу.» Я ему сказалъ: «отче святыи, во всей Горѣ двоихъ избралъ я себѣ по совѣсти, которымъ желаю, какъ старцамъ, быть за ученика, и препоручить свою душу: первый, твой святыня, а второй, ученикъ твой, отецъ Іоанникій, Старооскольскій.» Онъ же рече: «Со мною жить не можно; да я тебѣ и безъ того старецъ. А къ отцу Іоанникію ты сходи; попросись у него, и скажи ему, чтобы эту недѣлю попустился, и ты тако-

жде, а въ субботу всѣ приходите причащаться ко мнѣ; и тогда я вами распоряджусь.» Я пошелъ къ отцу Іоанникию, упалъ ему въ ноги, и началъ просить его, да приметъ меня къ себѣ въ ученики; «аще ли буду тягостенъ вамъ въ общежитіи, то буду жить на своемъ содержаніи, только будьте мнѣ за старца, и постригите меня.» Онъ же рече: «я тебя не могу принять, ниже другаго кого, потому что самъ живу подъ старцемъ; ежели онъ благословитъ, то приму къ себѣ въ общежитіе: всѣхъ насъ Господь пропитаетъ.» Я тогда ему сказалъ, что слышалъ отъ духовника. Онъ не сталъ противорѣчить. Итакъ, первую недѣлю Великаго Поста проводивши, въ пятокъ ночевать пошли всѣ къ духовнику. Духовникъ благословилъ меня принять отцу Іоанникию, а мнѣ къ нему идти. Въ субботу всѣ были причастниками, и было монаховъ челоѣкъ пятьдесятъ. Мы же по Литургіи пошли всякъ на свою келлію. И я перебрался съ своей колибы на келлію святаго Пророка Іліи, къ отцу Іоанникию. Сія келлія тоже принадлежитъ къ монастырю Ставроникитъ, стоитъ на горѣ, на самой красотѣ: видна половина Горы Аѳонской, и самъ Аѳонъ весь открытъ, а отъ монастыря Ставроникиты полчаса ходу. Кругомъ келліи растутъ пять кипарисовъ, есть великій садъ съ масличными деревьями, виноградомъ и прочими садовыми деревьями. Келлія каменная, двухъэтажная, со многими комнатами; есть кухня и гостинница, а внизу погреба и сарай; церковь прекрасная, съ куполомъ, во имя святаго Пророка Іліи, и много иконъ; есть и дворъ, огражденъ каменной стѣной; есть и сарай; дворъ вмѣсто крыши стелется кроватьнымъ виноградомъ. И перемѣнилъ я

свою жизнь съ пустынной самонзвоной на скитскую келейную, и сталъ жить въ послушаніи и самоотверженіи и совершенномъ отсѣченіи собственной своей воли. У отца Іоанникия еще кромѣ меня было три ученика. Я былъ у нихъ за повара и за пекаря, и за чтеца и за канонарха. Они же всѣ четверо ученые и доброголасные были пѣвцы, и отправляли службу церковную по монастырскому уставу. И была наша келлія по клиросамъ подобна монастырю. Всѣми меня Господь милостями награждалъ во святой Горѣ Аѳонской, и живу во всякой духовной радости и веселіи!

126. Отца же Іоанникия разсмотрѣвъ, нашелъ въ немъ великаго и ученаго мужа, во внѣшней и въ духовной премудрости искуснаго, въ Божественномъ и отеческомъ писаніи много начитаннаго и свѣдущаго. Хотя и я много читалъ книгъ, но противъ него, какъ капля противъ моря; и по вся часы я отъ него пользовался; что бы отъ него ни спросилъ, скорый давалъ мнѣ отвѣтъ. Онъ весьма былъ кротокъ и снисходителенъ; могъ всѣ немощи наши нести такъ, что я во всю жизнь мою такого кроткаго и терпѣливаго не видалъ; и во всѣхъ добродѣтеляхъ совершенъ былъ; не словомъ училъ, но во всемъ дѣломъ показывалъ, и во всемъ образъ былъ намъ; и словомъ былъ сладкоглаголивъ, твердъ и разсудителенъ, и такую имѣлъ силу въ словѣ, что хотя бы кто былъ каменный сердцемъ, и того могъ уговорить и въ слезы привести, и всякаго могъ увѣщать и наставить на истинный путь; только не доставало того, что былъ не іеромонахъ, и отнюдь не хотѣлъ принять хиротоніи; за то и удался изъ Россіи, чтобы избѣжать хиротоніи. Росту былъ высокосредняго, власы длинные

свѣтлорусые, борода длинная и широкая, русая, лицомъ чистъ и бѣлъ, и всегда веселъ, взглядъ самый пріятный, но весьма блѣденъ и худощавъ отъ великихъ подвиговъ и отъ слабаго здоровья. Часто съ нами занимался въ духовныхъ разговорахъ, и часто проводили до самой утрени безъ сна. За счастіе почитали, когда онъ съ нами займется такою бесѣдою: тогда мы забывали свое естество и сонъ. И столько прилѣпилось сердце мое къ нему, и возлюбила душа моя его, что за великую потерю считалъ, ежели который часъ его не могъ видѣть, и слышать отъ него полезное слово; когда увидаемъ его лице, забываемъ сами себя. И положилъ я намѣреніе никогда отъ него не разлучаться, даже до смерти. А когда онъ случался боленъ, то мы тѣ дни плакали, и просили Бога, да подастъ ему здравіе. Живя съ такимъ старцемъ, радовался я, и благодарилъ Господа Бога, яко сподобилъ меня быть ученикомъ такихъ великихъ двухъ старцевъ. И толико Божія Матерь утѣшила меня въ святой Горѣ Аѳонской, что хотя бы кто и съ тысячами пришелъ, не былъ бы спокоенъ такъ, какъ я, Душевнымъ и тѣлеснымъ упокоеніемъ доволенъ; каждый мѣсяцъ по седмицѣ постились, и ходили всѣ къ духовнику Арсенію; у него исповѣдывались и причащались святыхъ Таинъ.

127. На Благовѣщеніе ходили праздновать во святую *Ватопедскую Лавру*, гдѣ было великое стеченіе народу: монаховъ и мірскихъ. И было торжество удивительное, такъ что по всей Горѣ Аѳонской другаго такого не бываетъ; а наипаче утѣнительно для русскихъ и болгаровъ то, что покуютъ и читають часть по-славянски: ибо управляютъ правымъ клиросомъ

хлендарцы, болгары. Такого торжества еще въ жизни своей не видалъ, кромѣ какъ во Іерусалимѣ, на Пасху, и въ Вифлеемѣ, на Рождество Христово. Весь храмъ украшенъ серебряными вызлащенными лампадами и златошвенными пеленами, вышитыми древними греческими царицами и царевнами; и уставленъ многими подсвѣчниками съ великими восковыми желтыми свѣщами. Собраны были изъ всея Горы Аѳонскія dobroгласные и ученые пѣвцы. Было болѣе ста іеромонаховъ и до пятидесяти діаконѣвъ; діаконъ всѣхъ юные, яко ангели, и dobroгласные; іеромонахи и іеродіаконъ, болѣе гости, со всея Горы Аѳонскія собрались торжествовать праздникъ своей назирательницы, Царицы Небесной; храмъ весь наполненъ монахами, которыхъ было болѣе тысячи, и пѣли всю службу по нотамъ, на-распѣвъ, весьма протяжно. Продолжалось всенощное бдѣніе семнадцать часовъ; присутствовалъ Митрополитъ, живущій въ Ватопедѣ, на покоѣ. На бдѣніи подходили всѣ къ чудотворной иконѣ Божія Матери, называемой Ктиторша, и клали каждый по два поклона земныхъ, и прикладывались, и паки по одному поклону; Митрополитъ помазывалъ всѣхъ елеемъ. Канонъ пѣли весь по нотамъ, распѣвомъ, съ канонархомъ. По окончаніи бдѣнія духовенство все облачилось въ алтарѣ; давали каждому отрѣвле соблюдаемую святыню, отъ честнаго древа кресты, поясъ Пресвятыя Богородицы, крестъ царя Константина и разныя святыя мощи, и прочее неопѣненное сокровище, и съ хоругвями, со свѣщами и со сладкогласнымъ пѣніемъ, понесли изъ алтаря внѣ храма и кругомъ церкви, и противъ церковныхъ вратъ святили воду, и погружали крестъ самаго

честнаго древа ; и поставили ковчеги со святынею на устроенныя нарочито скамьи , и прикладывались всѣ братія ко всей святыни, и Митрополитъ кропилъ каждого святою водою. А послѣ паки всю святыню съ честію отнесли въ алтарь. Ковчеги всѣ серебряные и повызлащенные (*). И какъ внесли въ алтарь, начали часы читать ; а потомъ и Литургія была торжественная. По Литургіи раздавалъ Митрополитъ антидоръ, и пили святую воду; потомъ съ иконою и двумя подсвѣчниками пошли въ трапезу , и полна трапеза набилась монаховъ; мірскихъ кормили на дворѣ. Трапеза устроена крестообразная, великая и пространная, вся наполнена иночествующими , а большая часть схимниковъ и пустынножителей ; пищи и питія велие изобиліе, и утѣшеніе таковое, что ни во одномъ святогорскомъ монастырѣ не справляютъ такой трапезы, какъ въ Ватопедѣ. И всѣ отцы аеонскіе ѣли и утѣшались у Божіей Матери въ гостяхъ , благодаря Ее, Царицу Небесную, и похваляя Ея служителей, отцевъ ватопедскихъ , за ихъ любовь. Отцы же ватопедскіе сами служили , и всѣхъ потчивали : овые хлѣба подкладывали, овые пищи прибавляли, овые вина подливали ; начальники же ходили сами , назирали всѣхъ, кланялись и просили, да ядятъ всѣ до сытости. Трапеза вся расписана стѣннымъ иконнымъ писаніемъ высокой греческой работы, весьма ярко. Часто я возводилъ очи мои по трапезѣ , и отъ радости не могъ быть безъ слезъ , яко вижу множество святыхъ

(*) А кто хочетъ знать , какая именно святыня , да прочтетъ книгу Василя Григоровича Барскаго.

отцевъ аеонскихъ , великое полчище Царицы Небесной , сѣдящихъ и объдующихъ у своей Царицы на трапезѣ; и я грѣшный сажу и утѣшаюсь съ ними вмѣстѣ. Не помышлялъ я , что увижу такое торжество гдѣ-либо на семъ свѣтѣ; но Господь сподобилъ меня вмѣстѣ со святыми отцами аеонскими сидѣть и торжествовать. По трапезѣ раздавали коливо и панагію. И когда встали отъ трапезы (прошло двадцать три часа въ молитвѣ и трапезѣ безъ отдыху) , началась вечерня , и вышли изъ трапезы.

128. Да заградятся богохульные уста моихъ соотечественниковъ , называющихъ себя старообрядцами , глаголющихъ на смиренныхъ грековъ , якобы греки измѣнили древнихъ святыхъ отцевъ преданія , или нарушили ихъ уставы , или по-своему поправили книги. Да придутъ и разверзутъ свои очи , и посмотреть: не тѣ ли самыя читаютъ греки книги , которыя писали и читали древніе святыя Отцы , писанныя на пергаминахъ и на бумагахъ , безъ всякихъ переписокъ и поправокъ и переводовъ , но самыя древніе подлинники , по тысящи лѣтъ и болѣе? А хотя есть новописанныя и печатныя , но онѣ съ древними совсѣмъ сходственны , и различія между ими никакого не имѣется. Не самыя ли тѣ исполняютъ уставы , которые предали святыя Отцы? Во всякомъ монастырѣ уставы преданы ктиторами обители подъ клятвою , и подписаны Патриархами и Царями. Не самыя ли тѣ стоятъ древнія иконы , которыя поставлены самими ктиторами , по тысящи лѣтъ и болѣе? Хотя есть и новыя , но во всемъ подобны древнимъ. Не самыя ли тѣ поютъ гласы и напѣвы , которые сочинены святымъ Іоанномъ Дамаскинымъ? Не самыя ли тѣ носятъ облаченія ,

которыя шиты греческими царицами и царевнами, и прочими великими лицами? Не самое ли то аеонскіе отцы носятъ монашеское одѣяніе, какое носили древніе святые отцы аеонскіе, которое почти во всякомъ монастырѣ отъ разныхъ святыхъ Отцевъ сохраняется? Вовстину, смиренные греки еще и въ неволѣ живутъ, еще и туркамъ дани даютъ, во право имѣютъ древнее свое благочестіе содержать. Оставляю теперь о семъ писать; въ другомъ мѣстѣ подробнѣе опишу святую Восточную Греческую Церковь и ихъ древнее благочестіе, чтобы заградить безусловныя уста раскольниковъ, и показать, что все они называютъ себя старообрядцами: совершенно они не старообрядцы, а новообрядцы. А настоящіе старообрядцы—греки, которые содержатъ вѣру, преданную отъ святыхъ Апостоловъ, и имѣютъ свои обряды, преданные имъ отъ святыхъ Отецъ седми Вселенскихъ Соборовъ, которые и доднесь содержатъ безъ всякаго измѣненія.

По трапезѣ кто не хотѣлъ ночевать, тѣмъ давали на путь колива за благословеніе; рыбы же и вина мы не взяли, потому что на келліи свое имѣемъ. И паки стали проживать на своей келліи.

129. Того лѣта прибылъ изъ Молдавіи, изъ монастыря Вороны, прежній мой другъ Аѳанасій; отыскавши меня, радъ былъ весьма, и просилъ меня, чтобы я показалъ хорошаго духовника, взять отъ него благословеніе на жительство въ святой Горѣ Аѳонской; я же проводилъ его къ своему духовнику Арсенію. Духовникъ же, поговоря съ нимъ, приказалъ ему—недѣлю попуститься, а послѣ исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ; тогда, сказавъ, и мѣсто назначу, гдѣ жить. Онъ же, попустившись недѣлю, пошелъ къ

духовнику, и тамъ исповѣдался и причастился, и паки къ намъ возвратился, но весьма скорбенъ и печаленъ, и весь въ слезахъ. Мы его спросили: почто такъ скорбенъ? или духовникъ не причастилъ? Онъ же плача отвѣчалъ намъ: « Слава Богу, причастился и исповѣдался, но духовникъ не благословляетъ мнѣ жить въ святой Горѣ Аѳонской, а посылаетъ меня въ Россію, и сказалъ мнѣ, что нѣтъ тебѣ воли Божіей, ни моего благословенія жить въ святой Горѣ Аѳонской, а иди въ Россію, тамъ живи и спасайся. Чтò я, отцы, теперь буду дѣлать? Я пришелъ въ Святую Гору жизнь свою скончать, а онъ меня высылаетъ.» Мы о немъ весьма соболѣзновали, и пошли всѣ и отецъ нашъ Іоанникій, просить духовника, да оставитъ его въ святой Горѣ Аѳонской. Духовникъ же намъ сказалъ: «Что меня просите? Я Богу не братъ: нѣтъ ему воли Божіей жить въ святой Горѣ Аѳонской; а ежели останется здѣсь, то много потерпитъ скорбей и искушеній, да и не вѣнчается; а ежели пойдетъ въ Россію, тамъ будетъ спокоенъ и спасется; я его силою не посылаю: сказалъ ему волю Божию; а онъ, какъ знаетъ, сотворитъ; только ко мнѣ больше да не приходитъ.» Я же сказалъ: «Отче святой, брата Аѳанасія высылаешь, съ деньгами и рукомышленнаго: а я какъ могу жить? Благослови и меня съ нимъ.» Онъ же рече: «Ты здѣшній аѳонскій; всѣмъ будешь доволенъ и спокоенъ; живи и благодари Божию Матерь; и ты будешь въ Россіи, но еще долго до того: а теперь пусть онъ одинъ идетъ.» Съ тѣмъ мы пошли на свою келлію. Еще онъ жилъ болѣе мѣсяца, ходилъ по святой Горѣ; а послѣ и проводили его со слезами. Онъ же пріѣхалъ паки въ Молдавію, и не захотѣлъ ѣхать въ Россію,

но пакъ опредѣлился въ монастырь Ворону, жилъ тамъ два года, постригся въ монашество, и нареченъ былъ Александръ; но не могъ успокоиться помыслами, и уѣхалъ въ Россію, и опредѣлился въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, въ новый скитъ—Геосиманію; тамъ рукоположенъ во іеромонаха, и до-днесь живетъ. Еще, когда мы жили во св. Горѣ, оставили насъ два брата, жившіе съ нами, и ушли въ Россію: три года смущались, и отецъ Іоанникій ихъ отговаривалъ; но послѣ духовникъ сказалъ: «больше ихъ не отговаривай и не удерживай; пусть идутъ, и накажутся»; и проводили мы ихъ со скорбію, и остались трое: двое насъ учениковъ, а третій—старецъ Іоанникій. И стали мы проситься, чтобы насъ постригли въ иноческій чинъ. Отецъ нашъ Іоанникій объявилъ объ насъ духовнику, своему и нашему старцу Арсенію. Онъ же сказалъ: «да: уже пора ихъ постричь», и приказалъ седмицу поститься, потомъ прійти къ нему.

130. И мы, недѣлю попостившись, пришли къ нему въ пустыню, и онъ насъ исповѣдалъ, и на Литургіи постригъ меня перваго, и нарекъ мнѣ имя Памва, т. е. *многостранствующій*; а потомъ и другаго, нарекъ его Миханломъ. И были всѣ трое причастники Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Послѣ Литургіи предалъ насъ на сохраненіе и на послушаніе отцу Іоанникію, и сказалъ: «кромѣ моей воли ничтоже творите, пока я живъ буду»; и далъ намъ пространное наставленіе, какъ намъ препроводять жизнь свою въ иноческомъ чинѣ, какъ проходить послушаніе и побѣждать свои страсти и отсѣвять собственную свою волю, открывать свои помыслы своему пастырю, и какъ любить Господа Бога своего, отъ всей души своея и

отъ всего сердца и помышленія своего , и какъ хранить умъ свой въ безпрестанной молитвѣ , и какъ претерпѣвать всѣ скорби и искушенія съ благодареніемъ , и ни въ чемъ не унывать. Мы же , слушая его , не могли удержаться отъ слезъ. Потомъ , получивши благословеніе , пошли на свою келлію , радуясь и веселясь , что пострижены въ ангельскій иноческій чинъ въ св. Горѣ Аѳонской , въ такой глубочайшей пустынѣ , отъ такого великаго старца , и причислены къ великому ополченію Царицы Небесной , ко множеству отцевъ аѳонскихъ.

131. Іюля 5-го , торжествовали въ *Лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго*. Такое-же было торжество , какое и въ Ватопедѣ на Благовѣщеніе ; только утѣшеніе въ трапезѣ не столь изобильное. Послѣ трапезы собралось насъ человѣкъ двадцать , взяли въ Лаврѣ пищи , каждый ради себя на полтора дня , и просторъ и вина , и пошли къ самому Аѳону. Отъ Лавры шесть часовъ ходу , чтобы взойти на самую вершину Аѳона. Проходили мимо пещеры св. Петра Аѳонскаго ; потомъ съ трудомъ возлѣзали на гору , ибо ноги катятся по листу внизъ. Шли все лѣсомъ и боромъ сосновымъ , и пришли къ церкви Пресвятыя Богородицы , при которой никто не живетъ , по причинѣ великаго холода. Отъ церкви Богородицы до вершины горы еще часъ ходу , то-есть верстъ пять ; около церкви Богородицы каждый изъ насъ набралъ по ношѣ дровъ ; и уже къ вечеру пришли на самую вершину. Солнце закатывалось , и пала тѣнь Аѳона чрезъ весь островъ Лимнось. На самой вершинѣ Аѳона стоитъ небольшая каменная церковь , во имя Преображенія Господня , но такъ тамъ мало мѣста , что кругомъ церкви обойти

невозможно; только, съ южной стороны, пониже немного, есть небольшая площадка. Мы взошли въ церковь и помолились. Въ ней стоятъ по обѣ стороны царскихъ вратъ двѣ большія мѣдныя иконы, одна Преображенія Господня, а другая Божіей Матери. Есть и еще иконы, но на бумагѣ: ибо здѣсь, по суровости воздуха и холода писанная красками на холстѣ икона сохраниться не можетъ. Мы читали тамъ вечерню, и ночевали въ паперти церковной. На-ночь развели большой огонь, но не спали отъ великаго холода, и всю ночь просидѣли подлѣ огня, хотя было и 6-е число іюля, самое лѣто. По-утру читали утрению по уставу; послѣ утрени служили Литургію, пѣли всю по-русски. По Литургіи полюбовались на всю Гору Аѳонскую; ибо отсюда она вся видна какъ на ладони. Когда начало солнце всходить, ударила тѣнь на полуостровъ Кассандру. Подлѣ церкви виситъ желѣзное било; и мы довольно имъ тѣшились, ибо очень въ верху отдаетъ гулъ. Тамъ есть и колодезь воды подлѣ церкви: вода дождевая, но очень холодная; и принято въ обычай пить ее откровенною главою, безъ камиллавокъ; ибо называютъ ее агіасмою, то-есть, святою водою. Самая вершина Аѳона голая, одинъ камень, мраморъ. Версты три внизъ никакой зелени и лѣсу нѣтъ, и не можетъ расти, по причинѣ холода; только растутъ по пропастямъ одни неувядаемые цвѣты, которые монахи и собираютъ для продажи. Но я не только не согласился ихъ собирать, но даже и страшился смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ они растутъ, — въ самыхъ непроходимыхъ скалахъ и пропастяхъ земныхъ! Но мы тамъ на высотахъ не замедлили, а скоро сошли внизъ, и у церкви Богородицы пообѣдали, и

пришли ночевать пакы въ Лавру святаго Аѳанасія. На другой день, къ вечеру, пришли ночевать на свою келлію. И стали проживать трое въ любви и радости, по Евангелію: *идѣже два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредеѣ ихъ*. Матѣ. 18, 20. И благодарилъ я Господа Бога за Его неожиданно изліянныя на меня милости, что всѣ мои желанія и прошенія исполнились: далъ мнѣ мѣсто, которое превосходитъ мое недостойнство; далъ мнѣ двоихъ пастырей, искусныхъ великихъ старцевъ, которые просвѣщаютъ всю Гору Аѳонскую своею жизнію, и сподобилъ меня постричься въ иночѣскій образъ. Теперь, Господи, сподоби въ такой жизни препроводить остальные дни мои, и въ покаяніи скончать животъ мой!

132. Праздникъ св. Іліи Пророка торжествовали на своей келліи: было пять іеромонаховъ, два іеродіакона, за игумена присутствовалъ нашъ старецъ, духовникъ Арсеній; было восемьдесятъ человекъ русской братіи. Всенощное бдѣніе пѣли по-русски; продолжалось восемь часовъ. Вечеромъ, по Литургіи, трапеза была очень изобильная, съ велимъ утѣшеніемъ.

133. Іюля 27-го, праздникъ св. Великомученика Пантелеимона торжествовали въ русскомъ монастырѣ. Всѣ русскіе радовались и веселились, что чрезъ сто двадцать лѣтъ первый годъ сподобились праздновать день св. Пантелеимона въ своей обители, съ своей братіей; служили всѣ въ соборѣ, и было торжество и пѣніе какъ въ прочихъ аѳонскихъ монастыряхъ; множество было іеромонаховъ и іеродіаконовъ, и присутствовалъ Епископъ; были собраны пѣвцы добродѣльные, и пѣли и читали все по-гречески, и продолжалось бдѣніе четырнадцать часовъ. Потомъ было освященіе воды

и Литургія. На Литургіи Апостолъ и Евангеліе читали прежде по-гречески, а потомъ по-русски. По Литургіи была трапеза изобильная: монахамъ въ трапезѣ, а мирскимъ среди монастыря. По трапезѣ и отдохновеніи, всѣмъ русскимъ было великое угощеніе. Вечерни были двѣ: греки служили въ соборѣ, а рускіе у Святителя Митрофана. Была вечерня торжественная: не только что рускіе были, но и много грековъ слушали русское пѣніе, и былъ самъ Архіерей. Потомъ пошли въ трапезу, и всѣ мы рускіе въ обители ночевали. Въ первомъ часу съ полуночи начались двѣ утреди, греческая и русская. Пѣли поліелей св. Пантелеимону, и читали его житіе, и продолжалась утрени шесть часовъ; въ свое время была и Литургія, потомъ трапеза; по трапезѣ пошли каждый на свою келлію, и получили благословеніе отъ игумена Герасима, и благодарили за его угощеніе, радушіе и привѣтствіе. Онъ же плакалъ, и благодарилъ всѣхъ за посѣщеніе его обители, и просилъ всѣхъ чаще посѣщать ее. И приказалъ всѣхъ наградить хлѣбомъ и виномъ на путь. Отецъ же Павелъ пошелъ всѣхъ провожать, и со всѣми прощался, и плакалъ; и просилъ всѣхъ не оставлять обитель, но чаще навѣщать. Потомъ онъ воротился въ монастырь, а мы пошли каждый въ свою пустыню.

134. Это было іюля 28-го; а 29-го отецъ Павелъ сдѣлался боленъ, и августа 2-го скончался. И сотворилъ всему русскому монастырю плачъ, русскимъ и грекамъ: рускіе плакали, что лишились пастыря своего и всей русской обители; греки плакали, что лишились великаго старца изъ русскихъ. Игуменъ Герасимъ разослалъ русскихъ братій по всей Горѣ

Аѳонской созывать всѣхъ великороссіанъ на погребеніе отца Павла. Кто изъ русскихъ, услышавши сію плачевную вѣсть, могъ не плакать? По всей Горѣ русскіе встревожились, всѣ съ своими торбами забѣгали, плакали и рыдали, и въ русскій монастырь поспѣшали. Думали русскіе, что, лишившись отца іеромонаха Павла, лишились и своего пристанища и своей матери, русской обители: не имѣли надежды найти себѣ другаго человѣка во св. Горѣ, подобнаго Павлу, кто бы могъ жить въ русскомъ монастырѣ, вмѣстѣ строгую общежительную жизнь, и править церковію и братією. Но не бойтесь, русскіе: хотя и скончался отецъ Павелъ, но живъ духовникъ Арсеній. Онъ пошлетъ человѣка, который управитъ еще лучше Павла. Всѣ мы пришли въ русскій монастырь и выплакивали всеобщую скорбь; только одинъ духовникъ Арсеній былъ бодръ, всѣхъ утѣшалъ, и говорилъ, что Господь и Божія Матерь не оставятъ сію обитель безъ русскихъ, но пошлютъ человѣка, который управитъ сію обитель, и украситъ ее лучше Павла. Потомъ начали отпѣвать усопшаго въ соборѣ св. Пантелеимона; на погребеніи было десять іеромонаховъ русскихъ и пятнадцать грековъ; игумень Герасимъ такъ плакалъ, что едва могъ читать; пѣли пополамъ: по-гречески и по-русски. Архимандритъ Прокопій сказывалъ надгробное слово, въ которомъ объяснилъ скорбь русской обители, и ублажилъ отца Павла и понесенные имъ подвиги и труды и гоненіе въ теченіе тридцати-шести-лѣтней его жизни въ св. Горѣ Аѳонской; ублажилъ его глубочайшее смиреніе, которымъ удивилъ всю братію, — ибо хотя самъ былъ прежде игуменомъ, но такъ былъ смиренъ, что всѣмъ

былъ послушникомъ. А послѣ произнесъ такое слово: что хотя и скончался отецъ Павелъ, но не кончилась его память, и будетъ пребывать вѣчно: онъ есть ктитореъ сей обители и начальникъ, и основатель, и положилъ свои кости фундаментомъ и залогомъ, чтобы русскимъ пребывать въ ней навсегда; и иное многое говорилъ. Всячески убѣждалъ русскихъ, чтобы не оставляли свою русскую обитель, но всегда къ ней прибѣгали, какъ къ родной своей матери и къ тихому пристанищу. Всѣ русскіе плакали, и греки рыдали, и похоронили русскаго игумена, схимонаха Павла, въ общей братской гробницѣ, при церкви св. Апостолъ, рядомъ съ старцемъ схимонахомъ, іеродіакономъ Венедиктомъ, сто-шести-лѣтнимъ. Жизнь отца Павла опишу послѣ, гдѣ скажу и о прочихъ отцахъ аеонскихъ. По погребеніи была трапеза изобильная. По трапезѣ всѣхъ позвали на гостинницу; и игумень Герасимъ началъ со слезами говорить: «Теперь, отцы святые, у насъ сдѣлался союзъ неразрушимый во вѣки, и опредѣлялъ Богъ вамъ русскимъ вѣчно въ сей обители пребывать: потому что принялъ васъ русскихъ блаженной памяти нашъ старецъ и учитель, схимонахъ іеродіаконъ Венедиктъ, и по принятіи прожилъ только сорокъ дней, и скончался; также и блаженной памяти іеросхимонахъ и игумень, отецъ Павелъ, возшелъ въ нашу обитель, и русскихъ съ собою ввелъ, и самъ скончался; такъ они оба заключили и своею смертію запечатлѣли, чтобы вѣчно намъ грекамъ съ вами русскими жить, и другъ друга тяготы носить. Прошу васъ, отцы, при такомъ нашемъ несчастіи не оставлять, и преподайте намъ благой совѣтъ: теперь остались у насъ въ обители ваши

русскіе безъ пастыря; изберите изъ числа васъ достойнаго мужа, который бы могъ управить братією; и будетъ ему равная честь, какая была отцу Павлу.» Отцы же наши отвѣчали ему: «Мы, отче святыи, распорядиться вашимъ общежительнымъ монастыремъ не можемъ; а у васъ есть свои русскіе братія: съ ними совѣтуйтесь: они всѣхъ знаютъ русскихъ во св. Горѣ, кто ими можетъ управить. Еще есть у насъ общій духовникъ: съ нимъ совѣтуются.» Духовникъ же Арсеній сказалъ: «О семъ послѣ будемъ говорить и совѣтоваться. Богъ не оставитъ сію обитель безъ человѣка, но дастъ такого мужа, который устроитъ и украситъ сію обитель.» И такъ разошлись по своимъ пустыннымъ келліямъ. Игуменъ же Герасимъ ежедневно призывалъ русскую свою братію, и понуждалъ ихъ, да изберутъ себѣ пастыря. Братія же ему сказали: «Отче святыи, хотя и много въ св. Горѣ русскихъ, но нѣтъ такого человѣка, который бы могъ вмѣстить общежительные наши уставы, и править церковію и братією; только одного находимъ, духовника Арсенія, который все можетъ вмѣстить и управить. Да еще есть ученикъ его, монахъ Іоанникій, который можетъ управить церковію и братією; только не знаемъ, вмѣститъ ли общежитіе наше: ибо онъ имѣетъ свою келлію и двухъ учениковъ.» Игуменъ послалъ ихъ просить духовника Арсенія въ русскій монастырь жить. Они же прежде пришли къ намъ, и начали звать нашего старца отца Іоанникія съ нами къ себѣ жить. Нашъ же старецъ совершенно имъ отказалъ, сказавъ: «Хотя и люблю вашу св. обитель за вашу строгую жизнь; но жить къ вамъ идти никакъ не согласенъ: потому что принять рукоположенія никакъ

не соглашусь; для того удалися и изъ Россіи, чтобы избѣжать іеромонашества. Еще по слабости моего здоровья не могу вмѣстить вашего строгаго общежитія.» Братія пошли къ духовнику Арсенію, и со слезами стали его просить, дабы онъ самъ пошелъ къ нимъ въ монастырь. Духовникъ же имъ сказалъ: «Мени и не просите, и ниже поминайте; я не изыду изъ своей пустыни, и не оставлю моихъ чадъ, живущихъ по келліямъ и по пустынямъ. А вы изберите другаго, кого знаете.» Они же съ плачемъ говорили: «отче святыи, изъ всей Горы Аѳонскія мы избрали только васъ двоихъ: или вы идите, или благословите ученика своего, отца Іоанникія съ учениками.» Духовникъ подумалъ, и сказалъ: «Это великаго стоитъ, потревожить отца Іоанникія съ учениками, потому что они живутъ спокойно: имѣютъ свою келлію, и всякаго заведенія у нихъ много; развѣ будетъ воля Божія. Вашъ монастырь общежительный и Богу близокъ; пусть эту недѣлю всѣ братія постятся и молятъ Бога и Божию Матерь, а потомъ прійдите ко мнѣ: ежели будетъ воля Божія, тогда я объявлю вамъ, и пошлю его, хотя бы онъ и не хотѣлъ.» Братія съ радостію пошли въ монастырь, и сказали игумену, что слышали отъ духовника. И игуменъ заповѣдалъ всей братіи, да постятся недѣлю, и готовятся къ причащенію, и да просятъ Бога и Божию Матерь, да дастъ человека, который да будетъ на пользу обители. Черезъ недѣлю всѣ причастились Святыхъ Таинъ. И русскіе паки пошли къ духовнику Арсенію. Онъ же съ радостію ихъ принялъ, и радостно имъ возвѣстилъ: «Есть воля Божія отцу Іоанникію быть въ русскомъ монастырѣ. А вы ступайте въ монастырь, и скажите игумену,

чтобы высласть старшую братію на Карею сдѣлать уговоръ.» Получивши сію радостную вѣсть, братія пошли въ монастырь, и сказали игумену. Игумень же съ братією возрадовались, и отпѣли благодарственный молебенъ. Старшіе братія поѣхали на Карею.

135. Мы же со своимъ старцемъ Іоанникиемъ ничего не знаемъ; вдругъ приносятъ намъ отъ духовника записку, чтобы всѣ трое явились къ нему. Мы удивились, за чѣмъ насъ всѣхъ трое къ себѣ зоветъ не во-время: когда пришли къ нему, онъ приказалъ взойти намъ въ церковь, надѣлъ на себя епитрахиль, и началъ говорить: «отецъ Іоанникій, Господь тебя благословляетъ: иди въ общежитіе въ русскій монастырь съ своими учениками; и продавайте свою келлію.» Мы, слышавши сіе, восплакали, а Отецъ нашъ Іоанникій палъ предъ нимъ на землю, и сталъ ему говорить: «Отче святой, почто ты наводишь на меня скорбь выше силъ моихъ? Ты знаешь, что я за тѣмъ и удался изъ Россіи, чтобы избѣжать хиротоніи; да еще тебѣ извѣстно мое слабое здоровье; я и на келліи всегда бываю боленъ: какъ я могу все перенести въ общежитіи? Какъ я могу вмѣстить? Какъ я могу перенести греческую пищу, которая моему тѣлу вредна? Еще посылаешь меня управлять такимъ народомъ: а я едва могу управить двоими: и ихъ бы не принялъ, но только ради того, что служатъ мнѣ при слабомъ здоровьѣ; я пришелъ въ святую Гору Аѳонскую не начальствовать, а въ пустыни и безмолвіи проводить жизнь свою, достигнуть того, для чего я оставилъ міръ, то-есть, побѣдить страсти, и соединиться съ Богомъ. И мы теперь об-

жились, успокоились: а ты хочешь нашу жизнь разрушить.» Когда отецъ Іоанникій говорилъ сіе, мы стояли на колѣняхъ, плакали и рыдали. Духовникъ же паки началъ говорить: «Всякая вещь добра въ свое время: добро бѣгать хиротоніи, добро и принять во славу Божию, ежели Господь избираетъ. Сколько зло есть искать хиротоніи, столько зло противиться волѣ Божіей. А что ты слабъ здоровьемъ, то Господь знаетъ лучше тебя; въ Его рукахъ состоитъ весь животъ нашъ: когда Онъ тебя избралъ, Онъ тебѣ подастъ и здравіе. А что ты говоришь, что ты въ пустыню хочешь побѣдить страсти, и достигнуть соединенія съ Богомъ, это такъ: достигаютъ и въ пустыни, аще будутъ по волѣ Божіей жить; но въ общемъ житіи обое можно скорѣе получить, потому что пустыня только усыпляетъ, а общежитіе до конца умерщвляетъ страсти, и погребаетъ въ смиреніи и въ послушаніи и въ отсѣченіи собственной воли; а когда умрутъ въ насъ страсти, тогда и обрящемъ душевное спокойствіе, и соединимся съ Богомъ. И нигдѣ не можно найти настоящей монашеской жизни, кромѣ общежитія. Еще, ты только хочешь двухъ спасти: иди, спаси двадцать, а современемъ пятьдесятъ. Ты долженъ о всѣхъ имѣть попеченіе; тебѣ подобаетъ устроить русскую обитель, и тобою она прославится. Больше волѣ Божіей не противьтесь. Теперь иди на Карею, и переговорите съ греками, о чемъ вамъ нужно; и перебирайтесь въ монастырь: Господь васъ благословитъ.» Мы вышли со слезами, и воротившись на свою келлію, посидѣли и поплакали. Тотъ-же часъ пришли изъ русскаго монастыря, и позвали насъ на Карею; и мы пошли.

и поговорили, о чемъ намъ нужно. Они согласились на всю нашу волю.

136. Потомъ на монастырскихъ мулахъ поѣхали въ монастырь, и встрѣтили насъ со звономъ всѣ братія; и пошли въ соборную церковь съ пѣніемъ. Вынесли изъ алтаря крестъ честнаго древа и главу святаго Пантелеимона, и икону Святителя Митрофана, и поставили среди церкви на аналояхъ. Потомъ пошелъ нашъ старецъ отецъ Іоанникій, и по обычаю, поклонялся, и лобызалъ прежде честное древо, потомъ главу святаго Пантелеимона, а послѣ икону Святителя Митрофана; потомъ сдѣлалъ три поклона среди церкви, потомъ поклонился игумену, и лобызалъ руку его. Потомъ мы пошли прикладываться, и творили также. Потомъ всѣ братія насъ привѣтствовали. Потомъ всѣ пошли на гостинницу, и сдѣлали намъ угощеніе; тамъ и ночевали. По-утру взяли отъ игумена благословеніе на двѣ недѣли, распорядиться келліей. И пришедши на келлію, дали всѣмъ повѣстку бѣднымъ, да приходятъ и берутъ, кому что нужно. И было у насъ на келліи двѣ недѣли какъ праздникъ; два человѣка готовили пищу, и всѣхъ кормили, и виномъ угощали, потому что у насъ было всего довольно: на годъ всего было запасено; муки, рыбы, масла и вина. И Божіею милостію мы все раздали и расточили, оставили только, что нужно для монастыря, нужныя книги и дорогія ризы, и себѣ нужную одежду; потомъ продали и келлію. И приведены были изъ монастыря двѣнадцать муловъ, и мы уложили на нихъ всѣ свои вещи, и сами сѣли, и переѣхали въ русскій монастырь 20-го октября. Дали намъ келлію, гдѣ мы желали, въ четвертомъ этажѣ, при церкви святаго Великомуче-

ника Димитрія Солунскаго , три келліи рядомъ , повыше , ради того , что посвѣтлѣе , и воздухъ почище.

137. И стали мы проживать, и во всемъ общежительнымъ уставамъ подражать, и всѣ свои келейныя привычки оставлять и забывать; и перемѣнили свою жизнь съ келейной на монастырскую общежительную. И столько мы сдѣлались покойны и мирны сердцемъ, что ежечасно благодарили Господа Бога, яко освободилъ насъ отъ житейскихъ и келейныхъ попеченій о пищѣ, объ одеждѣ, о своемъ здравіи: пища готовится въ трапезѣ, а одежду даетъ всю игумень; когда заболѣмъ, есть больница, и присматриваютъ о больныхъ лучше, нежели родные; и мы всегда въ радости и въ веселіи и въ совершенномъ спокойствіи своей совѣсти совершали каждый свое послушаніе съ Иисусовою молитвою. Службу церковную завели по обычаю греческому, продолжительную, и стали утѣшаться, подобно какъ въ раю, или какъ ластовица весною, въ пѣніи и въ чтеніи и въ маломъ послушаніи; и пошло у насъ время такъ скоро, что не увидимъ, какъ недѣля проходитъ. Каждую седмицу причащались святыхъ Таинъ, а иногда и дважды.

138. Здѣсь хочу сказать вещь, невиданную въ Россіи. Во св. Горѣ Аѳонской соблюдается обычай отъ древнихъ временъ, откапывать кости умершихъ, чрезъ три года послѣ смерти. Которыхъ кости обрѣтаются желтыя и свѣтлыя, яко восковыя или елейныя, противнаго запаха не испущающія, а иногда и благоуханныя, тѣ признаются за людей богоугодныхъ; сіи кости тлѣнію не предаются. Которыхъ кости обрѣтаются бѣлыя, трухлявыя, истлѣвающія, о тѣхъ

полагають, что находятся въ милости Божіей. Кости черныя, овья же и смердящія, признаются за кости людей грѣшныхъ. О таковыхъ болѣе творятся поминовение, и братія молятся, чтобы Господь даровалъ прощеніе грѣховъ ихъ. Овогда обрѣтаются тѣла не истлѣвшія, цѣлыя, но черныя и смрадныя; сіи признаются за людей, связанныхъ родителями или духовными отцами, т. е. находящихся подъ клятвою. Надъ ними читаются разрѣшительныя молитвы; и паки зарываютъ ихъ въ землю, и по прошествіи четырехъ десяти дней паки откапываютъ, и обрѣтаются однѣ уже бѣлыя кости. Читають же разрѣшительную молитву, по принятому обычаю, духовные отцы; а ежели не послѣдуетъ разрушенія, и тѣло не предается тлѣнію, то приглашаютъ читать молитву Епископа или Митрополита. Иногда разрѣшительную молитву испрашиваютъ отъ самого Патріарха. Таковымъ случаемъ я самовидѣцъ былъ во св. Горѣ Аѳонской. Такой обычай имѣется и въ Молдавіи, таковже въ Валахіи, въ Болгаріи и по всей Греціи; токмо не повсюду откапываются тѣла умершихъ чрезъ три года по смерти, а чрезъ большее число лѣтъ, напр. въ Молдавіи чрезъ семь лѣтъ.

139. Ноября 7-го числа мы пошли на *келію святыхъ Архангеловъ*, что подъ монастыремъ Ставропикитою. Тамъ, послѣ малой вечерни, открыты были кости блаженной памяти схимоваха Никодима, друга и духовнаго брата нашему старцу отцу Іоанникию и по плоти родственника. Когда ихъ вынули и обмыли, оказались желты, яко воскъ, и испустили нѣкое благоуханіе, чему всѣ весьма возрадовались, и прославили Бога. А наипаче возрадовался его старецъ и духо-

вникъ , отецъ Арсеній , и послалъ скоро за роднымъ его братомъ , монахомъ Филиппомъ , который боялся несчастнаго случая , и не пришелъ съ своей келліи на сіе торжество. Когда же пришелъ , то много плакалъ отъ радости; отпѣли панихиду , и поставили кости въ кошницѣ среди церкви; и была всѣмъ изобильная трапеза. Съ вечера начали всенощное бдѣніе. Когда начали пѣть « *хвалите имя Господне* » , тогда ощущено было благоуханіе по всему храму и на дворѣ , чему всѣ братія весьма удивились , и начали между себя переговаривать , такожде и въ алтарѣ , и вси недоумѣвали , отчего такое благоуханіе происходитъ. Нашъ же старецъ отецъ Іоанникій со свѣчею подошелъ къ костямъ , и увидѣлъ , что изъ сухой кости , изъ главы , изъ тѣхъ отверстій , гдѣ были уши , истекаетъ миро , подобное елею , и испускаетъ неизреченное благоуханіе. Онъ велѣлъ перестать пѣнію , и сказалъ всѣмъ : «приндите, отцы и братія, и посмотрите своими очами сію дивную вещь , и прославьте Творца Небеснаго.» Всѣ , видѣвши сіе , возрадовались , и прославили Бога , творящаго дивная чудеса. Онъ же (Іоанникій) , говорилъ братіи : «Отцы святые , почему такъ изъ сухой кости истекло благовонное сіе миро? Почему не изъ другаго какого мѣста , а только изъ ушей? Тому , должно полагать , причина та , что эти уши не имѣли сытости слушать слово Божіе и всякое благочестивое писаніе. Всѣ вы знали сего блаженной памяти отца Никодима , какой онъ былъ искусный чтецъ и пѣвецъ , такъ что другаго подобнаго ему изъ русскихъ въ святой Горѣ Аѳонской не обѣтается : такъ онъ любилъ слушать Священное Писаніе , что ежели бы кто ему читалъ день и ночь , онъ никогда не могъ утомиться

и насытиться. А мнѣ потому сіе извѣстно, что мы съ нимъ изъ одного града урожденцы; съ самой юности онъ былъ мнѣ другъ и духовный братъ, и вмѣстѣ мы съ нимъ оставили суетный міръ съ его прелестями: нѣсколько лѣтъ странствовали и проживали по російскимъ монастырямъ; вмѣстѣ пришли въ сію святую Аѳонскую Гору; и хотѣли здѣсь въ единой келліи жить вмѣстѣ, и остальные свои дни проводить; но ученики наши насъ разлучили. Часто случалось, что по цѣлой ночи я ему читывалъ; и самъ онъ мнѣ говаривалъ: «столько люблю слушать Божественное Писаніе, что ежели бы кто читалъ непрестанно, мнѣ никогда бы не соскучилось.» Теперь, отцы, явно показавъ намъ Господь, сколь полезно намъ слушать Божественное Писаніе: сія сухая кость, лежавшая три года въ землѣ, источаетъ такое благовонное масло. Но отецъ Никодимъ былъ не только слушатель, но и творецъ: все слышанное тщился исполнить дѣломъ; для того и оставилъ свое отечество, славную Россію, и удалился въ сіе тихое пристанище, въ святую Аѳонскую Гору, и вселился въ сію пустыню, да поработаетъ Господу Богу своему безъ всякихъ препятствій отъ міра сего. И мы, отцы, ежели будемъ подражать сему блаженной памяти схимонаху Никодиму, слушать Святое Писаніе и исполнять его дѣломъ, и мы сподобимся съ нимъ вѣчнаго блаженства. Аминь.» Послѣ всенощнаго бдѣнія было освященіе воды. Потомъ Литургія. По Литургіи всѣмъ была изобильная трапеза.

140. Мы же по трапезѣ пошли въ свой монастырь. Ноября 15-го пріѣхалъ на поклоненіе въ св. Гору Аѳонскую Григорій, Митрополитъ Адрианопольскій, и

прибывъ въ нашъ монастырь, остался погостить. Игуменъ его попросилъ хиротонисать двоихъ въ іеромонахи, на что Митрополитъ охотно согласился. Игуменъ послалъ отца Іоаннкія къ духовнику Арсенію, чтобы принесъ записку, и взялъ благословеніе принять хиротонію. Онъ сходилъ и принесъ; и ноября 18-го рукоположенъ во іеродіакона, а 21-го, на Входъ Божіей Матери, хиротонисанъ въ іеромонаха; тогда же назначенъ и духовникомъ. Еще и другаго русскаго рукоположили изъ іеродіаконовъ въ іеромонахи, именемъ Іезекііля; и стали ежедневно служить двѣ Литургіи по-русски.

141. И начали мы жить и радоваться, и благодарить Господа Бога и Пречистую Его Матерь, Дѣву, Богородицу Марію. И стали во всемъ примѣръ брать съ смиренныхъ грековъ, во всемъ имъ подражать, и всегда отъ нихъ пользоваться. Со страхомъ и благоговѣніемъ мы смотрѣли на ихъ подвиги, и удивлялись, какъ они живутъ: совершенно умерли міру, и пригвоздили свою плоть на крестъ послушанія; совершенно отсѣкли свою волю, и умертвили свои страсти; взошли на высочайшую степень любви, и потонули въ безднѣ смиренія и въ слезахъ своихъ. Я ежедневно съ ними бывалъ на послушаніи; часто съ ними ночевалъ, и всматривался въ ихъ жизнь: и всѣ они совершенно беззлобивые младенцы; какъ ударяютъ въ доску на послушаніе, то они всѣ скоро идутъ; что я говорю: идутъ? — не идутъ, а бѣгутъ всѣ: іеродіаконы, іеромонахи и духовники, и схимники, и сѣдинами украшенные старцы, еще впереди. Пастырь же и отецъ, игуменъ, стоитъ во вратахъ, и всѣхъ распоряжаетъ и благословляетъ на послуша-

ніе; старикамъ же часто говорить : « отцы ! уже вы не ходили бы на послушаніе , а сидѣли бы по своимъ келліямъ ; уже вы потрудились въ своей жизни , а теперь пусть молодые потрудятся. » Они же падаютъ предъ нимъ на землю , и ноги его слезами омочаютъ , и просятъ его : « Отче святыи , не отлучай насъ отъ братіи нашей ; не лиши насъ св. послушанія , пока имѣемъ хотя немного силы , и ходятъ наши ноги , и дѣйствуютъ наши руки ; что можемъ , потрудимся. » Игуменъ же скажетъ : « Богъ васъ благословитъ : идите , трудитесь ; я отъ жалости вамъ сказалъ. » Они же , идуще и радующеся , и насъ молодыхъ предваряюще , по горамъ и по камешкамъ попрыгиваютъ , какъ бѣлыя овечки ; сѣдинами украшены , а сами всегда веселы , только очи наполнены слезъ. Младые же весьма кротки , смиренны , молчаливы , и главы своимъ имѣютъ всегда наклоненны , но весьма проворны , и всякое дѣло творятъ безъ лѣности , съ стараніемъ. На послушаніи одинъ другаго не понуждаютъ , но каждый дѣлаетъ по своей волѣ и силѣ , кто что можетъ ; еще удерживаютъ , и часто повторяютъ сіе слово : олигу , олигу , т. е. помалу , помалу ; и часто приказываютъ отдыхать ; но сами безпрестанно трудятся : хочетъ всякій поработать за брата своего. Вотъ гдѣ познается совершенная любовь , по которой каждый готовъ положить душу свою за брата своего. Когда сядемъ обѣдать , то каждый печется о братѣ своемъ , чтобы былъ доволенъ ; и свою часть подкладываетъ другому. Я иногда скажу : « отче , а самъ чѣмъ ты будешь сытъ ? » Онъ мнѣ отвѣтитъ : « ты о мнѣ не пекись : я уже сорокъ лѣтъ живу въ монастырѣ ; ко всему привыкъ. »

142. П многіе изъ нихъ достигли совершенства, очистили внутренняго чловѣка, и получили отъ Бога разные дары Св. Духа. Мнѣ многожды случалось отъ нихъ првнять обпченіе въ тайныхъ моихъ помыслахъ, слышать отъ нихъ наставленіе; хотя ни единого слова по-русски не знаютъ, но такъ скажутъ, что русскому такъ не сказать, а послѣ паки не знаютъ. Нощію никогда не раздѣваются, но въ подрясникахъ и камилавкахъ спятъ; многіе не ложатся на ребра, но сидя спятъ. Въ келліяхъ своихъ на послушаніи никогда не разговариваютъ, но въ молчаніи свое дѣло исполняютъ. Часто изъ устъ ихъ слышатся сіи слова: *Киrie Іису Христе, Іе Оеу, елейсон имась; т. е. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.* Я, окаянный смотря на нихъ, удивлялся, и часто умилялся и плакалъ, и благодарилъ Господа Бога моего, Царя Небеснаго, что сподобилъ мнѣ на земли видѣть во плоти Ангеловъ и небесныхъ чловѣковъ, и ангельскому житію подражателей, ни о чемъ земномъ и тлѣнномъ не пекущихся, ниже помышляющихъ, но умертвившихъ свою плоть со страстями и похотями. Возлюбили они Господа Бога своего отъ всея души своея и отъ всего помышленія своего, и оставили суетный міръ со всѣми его прелестями, и отверглись себя совершенно, отдались въ монастырь въ послушаніе, отреклись своей воли, взялись нести крестъ скорбей и напастей, и идутъ во слѣдъ Христа; только и ждутъ, когда разрѣшатся съ плотію, и пойдутъ къ возлюбленному Господу, Царю Небесному.

143. Каждый день исповѣдуютъ свои помыслы отцамъ своимъ духовнымъ. Каждую недѣлю причаща-

ются Св. Тайнъ Тѣла и Крови Христовой. Пища же употребляютъ весьма мало. Хлѣба и пищи подается всѣмъ по-ровну, и каждому своя чаша ; всегда бываетъ въ простые дни одна пища вареная , а другая что-либо изъ овощей: или соленныя маслины, или иное что. Свою часть мало кто сѣдаетъ. Иногда поставляютъ и вино; но мало кто его пьетъ, и то пополамъ съ водою. Въ праздники же два варенія бываетъ. Въ поведѣльникъ, среду и пятокъ, всегда бываетъ однажды трапеза , и то сухояденіе ; во вторникъ и въ четвертокъ—съ деревяннымъ масломъ; въ субботу же и недѣлю иногда подаютъ и сыръ соленый. Млека же и коровьяго масла никогда не бываетъ. Съ симъ масломъ готовятъ только два дня на Сырной , и два дня на Пасхѣ; рыбы же вкушаютъ въ великіе праздники, когда бываетъ всенощное бдѣніе. Квасу же и не знаютъ какой онъ есть. Когда не бываетъ вина, пьютъ воду; въ келліяхъ же своихъ ничего не имѣютъ, ниже воды, ниже чѣмъ украшаютъ, ниже когда свѣтильника вжигаютъ, ниже лампы, ниже кто можетъ запереть келлію, когда пойдетъ на послушаніе; ниже когда нагрѣваютъ; да и печей нѣтъ, только нѣкоторые русскіе себѣ подѣлали. Въ келліяхъ каждый имѣетъ только нужную одежду и постелю , одну икону , одну книгу для чтенія, и то не каждый; да и времени не имѣется, когда читать ; чтеніе бываетъ болѣе въ церкви и на трапезѣ, и на общемъ послушаніи; въ келліи же болѣе занимаются молитвою и поклонами. Церковное же правило такое: къ вечерни со всѣхъ послушаній сходятся въ монастырь. Которые далеко, тѣ тамъ и читаютъ. И строго отъ игумена наказано , чтобы церковнаго правила отнюдь не оставляли ; потому что

монаху настоящее послушаніе есть молитва, а прочее послушаніе есть подѣліе, только въ избѣжаніе скуки и унынія. И потому къ вечерни всѣ поспѣшаютъ въ монастырь. За часъ до вечерни даютъ повѣстку, ударяютъ въ колоколъ трижды по 12-ти. Когда прійдетъ время вечерни, ектлесіархъ беретъ благословеніе отъ игумена, и положивъ три поклона предъ вратами церковными, возьметъ въ одну руку било, а въ другую деревянный молотокъ, и ударяетъ въ било, и ходитъ кругомъ собора, и дѣлаетъ три перебора, или три статьи. Братія собираются во внутренній притворъ: каждый творитъ три поклона приходные, покланяется игумену и на обѣ страны братіи, и становится каждый въ опредѣленномъ своемъ мѣстѣ. Во внутреннюю церковь трое вратъ, всѣ задернуты занавѣсами. Потомъ приходитъ седмичный іеромонахъ, беретъ отъ игумена благословеніе въ соборной мантии, скидаетъ съ главы одинъ клобукъ,—камилавку никогда не скидаютъ, — надѣваетъ на себя епитрахиль, творитъ три поклона, и начинаетъ: *благословенъ Богъ нашъ*. Чтецъ—*аминь*, и начинаетъ читать 9-й часъ, и читаетъ не борзясь, но со вниманіемъ и со страхомъ, чтобы всѣ братія могли понимать. На «*Святый Боже*» и на «*приидите поклонимся*» и на «*аллилуіа*» и на «*Честнѣйшую Херувимъ*» творятъ поклоны всѣ равно: какъ чтецъ, такъ и всѣ братія. Потомъ ектлесіархъ творитъ поклонъ игумену, и цѣлуетъ его руку, и исходитъ и ударяетъ въ било къ вечерни. По отпускѣ 9-го часа, отдергиваютъ всѣ завѣсы, и входятъ во внутренній храмъ, и начинаютъ вечерню. Псаломъ «*благослови душа моя Господа*» читаетъ самъ игуменъ. Ектенію сказываетъ іеродіаконъ всегда въ камилавкѣ; каѳисму чи-

тають не борзаясь; на «*аллилуія*» всѣ творять три поклона. «*Господи, воззвахъ*» поють протяженнымъ гласомъ. Стихиры всегда поють съ канонархомъ. Иеродіаконъ кадитъ иконы троекратнымъ каждениемъ, а братіи каждого двукратнымъ. На «*стиховни*» игумень и всѣ братія подходятъ къ иконѣ, что на аналоѣ, и каждый творить по два поклона въ поясъ, цѣлуетъ икону, и паки одинъ поклонъ; потомъ среди церкви два поклона въ поясъ, а третій въ землю, и на страны по поклону, а послѣ игумену. Послѣ вечерни, прямо изъ церкви идутъ въ трапезу; ежели однажды трапеза, то по келліямъ. Въ седьмомъ часу паки ударяють на повечеріе, и собираются паки всѣ въ церковь, и читають повечеріе, и канонъ Богоматери весь поють на *мась* съ канонархомъ, и читають ежедневно акаѳистъ Богородицѣ; по отпустѣ каждый идетъ въ свою келлію. Въ 12-ть часовъ, въ самую полночь, ударяють въ вѣстовой колоколъ, и ходятъ будильщики по всѣмъ корридорамъ съ молитвою, и ударяють каждому въ двери, и возбуждаютъ всѣхъ на полунощное келейное правило. Каждому живущему въ монастырѣ дано келейное правило такое: сто поклоновъ земныхъ, тысяча поклоновъ поясныхъ, какъ рукой достать до земли; сіи всѣ поклоны съ молитвою Іисусовою; двѣстѣ поклоновъ Богоматери поясныхъ, и пятьдесятъ поклоновъ земныхъ съ словами: *Богородице, Дѣво, радуйся*, и проч., и пятьдесятъ поклоновъ поясныхъ Ангелу хранителю, да еще за новопреставленнаго сто поклоновъ поясныхъ. Потомъ, въ часъ, ударяють въ било на соборную молитву. И всѣ стремятся поспѣть къ началу. Когда начнутъ читать псаломъ «*помилуй мя, Боже*», тогда самъ игумень обходитъ всю братію со свѣщю:

и котораго нѣтъ, скоро за тѣмъ посылають, и наказанъ бываетъ поклонами. Въ простые дни продолжается утренняя четыре часа. *Сьдальны* и *каноны* всегда поють съ канонархомъ. Каждую утреню бываетъ четыре чтенія. И часто обходитъ еkkлeсiархъ со свѣчею, и осматриваетъ всю братію. Когда начнутъ *«стиховны»*, тогда игумень и всѣ братія идутъ къ иконѣ, какъ и въ вечеру. По первомъ часѣ читаетъ самъ игумень оглашеніе Θεодора Студита. По отпустѣ, каждый идетъ въ свою келлію, только на одинъ часъ; потомъ къ раннимъ Литургіямъ, которыхъ бываетъ пять и шесть, а иногда и до десяти, всѣ въ одно время. По Литургіи всѣ вкушаютъ антидору и св. воды. Потомъ ударяють въ доску на послушаніе. Которые далеко пойдутъ, тѣ съ собой пищу возьмутъ; а которые близко, тѣ въ монастырь приходятъ. Предъ трапезою ежедневно въ соборѣ поють параклисъ, т. е. молебень Богоматери, весь на распѣвъ, съ канонархомъ. По отпустѣ идутъ прямо въ трапезу, а по трапезѣ даки на послушаніе. И такъ время проходятъ непримѣтно и весьма скоро, въ занятіи богоугодномъ и душеполезномъ. Подъ каждую недѣлю бываетъ всенощное бдѣніе; продолжается десять и двѣнадцать часовъ. Поліудейная утренняя продолжается пять и шесть часовъ.

144. Кто заболитъ изъ братіи хотя мало, отходятъ на больницу; тамъ больнымъ всякое упокоеніе даютъ; никакая мать не будетъ такъ о дѣтяхъ своихъ нещисъ, какъ тамъ братія о больныхъ пекутся и ухаживають. Отецъ игумень каждый день дражды посѣщаетъ и надсматриваетъ. И ежедневно приходитъ врачъ изъ числа своей братіи, и даетъ лекарства; больныхъ каждый день припачають Св. Таянь, и

читаютъ въ больницѣ особенное правило. Кто преставится, того относятъ въ церковь, и читаютъ надъ нимъ Псалтирь. Потомъ самъ игумень со всѣмъ соборомъ и всѣ братія отпѣвають. И потомъ съ хоругвями и со свѣщами провожаютъ на общую усыпальницу, и погребаютъ съ прежде почившими отцами; в похоронивши, игумень и всѣ братія творятъ по сту поклоновъ за умершаго. Потомъ игумень всѣмъ возгласитъ: «отцы и братія, прошу васъ: за сего новопреставленнаго брата нашего помолимтесь до сорока дней, полагая въ день по сту поклоновъ; ежели мы помремъ, и за насъ помолитесь.» Таковъ благой обычай въ нашемъ русскомъ общежительномъ монастырѣ, какъ и въ св. Горѣ Аѳонской; и до сорока дней ежедневно бываетъ коливо и литія, и запишутъ имя усопшаго въ помянники по всѣмъ церквамъ вѣчно. Се описалъ я вкратцѣ братскую общежительную жизнь русскаго монастыря. А ежели пространно описать, то великую книгу напишешь; описалъ бы и пространство, но боюсь затруднить читателя.

145. Теперь опишу русскаго монастыря устройство и красоту. Монастырь стоитъ на самомъ берегу моря, не далѣе пяти сажень, на открытомъ веселомъ мѣстѣ, не далеко отъ главной аѳонской пристани, называемой Дафни. Весь нововыстроенъ: въ 1816 г. начать, а въ 1821 году окончень; весь изъ дикаго камня. А выстроенъ Саввою іеромонахомъ и игуменомъ, помощію Молдавскаго князи и господаря, Скарлата Калимаха, четыреуголень; къ полдню стѣна; съ западной и восточной сторонъ обнесень, вмѣсто ограды, четырехъ-этажными корпусами келлій съ корридорами; келліи на обѣ стороны; нижній этажъ вмѣсто сараевъ служить;

внизу кругомъ двухъэтажные подвалы. А гдѣ нѣтъ корпусовъ, тамъ каменные стѣны, 15 аршинъ вышины. Стѣны усыпаны окнами снаружи и во-внутрь монастыря, и раскрашены красками. Врата съ южной страны, сквозь корпусовъ; вратъ двои, желѣзныя: Внутри монастыря десять церквей: первая — великій соборъ во имя св. Великомуч. Пантелеимона, стоитъ среди монастыря, сдѣланъ изъ тесаннаго камня, о седьми куполахъ и седьми главахъ съ крестами; покрытъ весь оловомъ. Паперть поддерживается двѣнадцатью колоннами мраморными, шлифованными; полъ на паперти выстланъ мраморными плитами, подобно льду. Съ паперти въ храмъ трои вратъ: великія врата съ запада, вторыя съ юга, а третія съ сѣвера; всѣ фигурныя, рѣзбенной работы, и всѣ трои ведутъ въ притворъ. Притворъ имѣетъ пять куполовъ и пять паникадилъ; поддерживается четырьмя столбами мраморными; кругомъ возлѣ стѣнъ уставленъ монашескими мѣстами, и весьма свѣтелъ отъ множества оконъ; полъ въ немъ разномраморный; на западной стѣнѣ хоры, кладовая ризница. Хоры сдѣланы надъ папертью. Къ востоку стѣна уставлена иконами, и трои вратъ во внутренній храмъ. Среднія врата, великія, называются красными, вторыя южныя, а третія сѣверныя; всѣ завѣшиваются шелковыми завѣсами; въ притворѣ читаютъ *девятый часъ и повечеріе, акаѣистъ и полунощницу, молебень Богородицѣ и литію*. Внутренній храмъ крестообразный, поддерживается четырьмя столбами мраморными; въ немъ пять паникадилъ великихъ. Кругомъ средняго паникадила виситъ хорусъ, на двѣнадцати цѣпяхъ, со многими свѣщами, иконами и фигурами; клироса полукруглые, съ мѣстами, или

формами. Посреди храма аналой осьмиугольный, украшенный перламутровою костью; иконы древняго греческаго писанія. Подсвѣчники мѣдные литые, и весьма велики; едва пять человѣкъ поднимуть одинъ съ мѣста; и на нихъ стоятъ свѣщи великія; полъ разнораморный; кругомъ уставлены монашескія, токарной работы, формы, или мѣста. Во всемъ храмъ подобенъ храмамъ прочихъ аѳонскихъ великихъ монастырей; но только въ прочихъ монастыряхъ храмы расписаны иконнымъ стѣннымъ писаніемъ, имѣютъ богатые рѣзбенные и вызлащенные иконостасы; сей же храмъ иконостаса не имѣетъ, и не расписанъ: даже былъ и не подштукатуренъ; уже наши русскіе подштукатурили. Вторая церковь—Успенія Богородицы: стоитъ среди монастыря, рядомъ съ соборомъ, по лѣвую страну собора; храмъ крестообразный, поддерживается четырьмя столбами; иконъ довольно, а иконостаса нѣтъ, и не подштукатуренъ. Третья церковь Св. Митрофана, въ третьемъ этажѣ въ русскомъ корпусѣ. Четвертая церковь—св. Мученика Димитрія Солунскаго, въ четвертомъ этажѣ русскаго корпуса. Пятая церковь—святыхъ Архангелъ, въ пятомъ этажѣ русскаго корпуса; шестая—Преподобнаго Саввы Освященнаго; седьмая—вблизи больницы, Св. Николая, въ третьемъ этажѣ гостинницы; осьмая—Священномуч. Харалампія, въ четвертомъ этажѣ, надъ вратами монастырскими; девятая—св. Іоанна Предтечи, въ юго-восточномъ углѣ, въ четвертомъ этажѣ; десятая—во имя Св. Митрофана, соборъ, въ сѣверовосточномъ углѣ; въ 1841 году заложили, въ 1846 кончили и освятили. Одинадцатая—во имя свят. Апостолъ, внѣ монастыря, на усыпальницѣ. Четырнадцать церквей

по пустыннымъ келліямъ; да еще Скитъ Богородицы имѣеть три церкви. Сей Скитъ содержатъ болгары, живутъ общежительно; на прочихъ всѣхъ келліяхъ живутъ свои монастырскіе братія, а чужимъ не продаютъ, какъ прочіе. И того всего имѣеть русскій монастырь, внутри и внѣ, двадцать восемь храмовъ, всѣ каменные. Вотъ какая великая Лавра въ св. Горѣ Аѳонской, русская общежительная обитель, одна изъ числа двадцати ставропигіальныхъ святогорскихъ аѳонскихъ монастырей! Игуменъ носитъ архіерейскую мантию, имѣеть архіерейскій жезлъ, подвѣдомъ самому Константинопольскому вселенскому Святѣйшему Патріарху. Еще внутри монастыря, кромѣ корпусовъ келлій и церквей, находятся: 1) *Трапеза* великая, изъ тесаннаго камня, крестообразная; врата трапезы противъ вратъ собора; напередѣ поддерживается шестью столбами мраморными. Сверхъ трапезы надъ папертію трехэтажная колокольная, съ главою и съ вышлагомъ крестомъ, покрыта желѣзомъ, и выкрашена, — это уже отдѣлали русскіе. На колокольні много порядочныхъ колоколовъ: всѣ уже при насъ русскими привезены изъ Россіи. Одинъ московскій купецъ, Наблѣкинъ, пожертвовалъ три колокола: другіе колокола изъ прочихъ мѣстъ. Звонить стали по-россійски, чему вся св. Гора Аѳонская стала удивляться. У грековъ хотя и звонятъ, но безъ ладу: сколько колоколовъ, столько и звонарей. Врата въ трапезу великія; внутри трапезы стоятъ столы крестообразно, по чину, 15 столовъ, и вся трапеза расписана иконнымъ писаніемъ; расписывали уже при мнѣ наши русскіе, и трапеза столь прекрасна, что во всемъ моемъ странствіи такой не видалъ; только есть ей по-

добная въ Ватопедскомъ монастырѣ. 2) *Кухня* высокая, съ куполомъ, а въ куполѣ труба, въ стѣнѣ фонтанъ воды на обѣ страны и сарай для дровъ. 3) *Хлѣбопекарня* длинная и двухъэтажная; внизу корыта и столы, и печь, и фонтанъ воды, а вверху амбаръ для муки и дрова. 4) *Библіотека* — двухъэтажная; внизу кладовая, а вверху книжная, гдѣ сохраняется множество греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, кожаныхъ и бумажныхъ; часть есть славянскихъ и русскихъ. 5) *Маслобойня и винодѣльня* — двухъэтажная съ фонтаномъ воды. 6) *Платомойня*, съ котломъ и многими корытами. — Эти постройки стоятъ сами по себѣ, не въ корпусахъ; прочія же всѣ въ корпусахъ. 1) *Гостинница*: занимаетъ пять залъ и шесть комнатъ, всѣ убраны коврами, тюфяками и подушками. 2) *Больница* занимаетъ два зала и четыре комнаты. 3) *Просфорня*, 4) *Рухальная*, 5) *Сапожническая*, 6) *Портняжная*, 7) *Иконописная*, 8) *Хлѣбный амбаръ*, въ которомъ всегда года на два заготавливается припасовъ. Внутри монастыря восемь фонтановъ воды, въ подвалы и въ соборъ вездѣ проведена вода; и весь монастырь выстланъ каменными плитами. О, блаженъ былъ сей св. обители строитель, іеросхимонахъ Савва! Зналъ, какъ выстроить, сдѣлать себѣ вѣчную память! Въ монастырѣ, надъ вратами, за стекломъ, стоитъ великая икона св. Великомученика Пантелеимона; передъ нею виситъ фонарь съ лампадою неугасаемою. Отъ вратъ сажень на двадцать находится трехъэтажный корпусъ: внизу конюшня; въ среднемъ келіи работниковъ; вверху сѣно. Еще имѣются: огородниковъ келіи; при усыпальницѣ двухъэтажная келья; кузница; плотничья келья; арсеналъ, т. е. корабельная пристань; са-

рай, гдѣ втаскиваютъ суда; кожаный заводъ; двѣ водяныя мельницы, возлѣ самой стѣны монастырской, прудъ воды. Каждый день пускается съ мельницы вода, кругомъ монастыря, промывать нечистыя мѣста; вечеромъ пускается съ мельницы вода, и напаяетъ всѣ огороды вокругъ. Вокругъ монастыря много разныхъ садовыхъ древъ, маслинъ и кипарису, смоковницъ, апельсиновыхъ, померанцевыхъ, гранатныхъ и орѣховыхъ, и груши; а лѣсъ больше лавровый, и множество виноградныхъ и масличныхъ садовъ. Изъ монастыря на западъ видны, стоящія подобно облакамъ, славныя и великія Олимпійскія горы, или гора Олимпъ, и полуострова Сика и Кассандра; къ сѣверозападу страна Македонская и Фессалія, до самаго Солуня; отъ сѣвера и отъ востока стоятъ, какъ стѣна, гора Аѳонская; съ юго-востока изъ-за горъ показываетъ свою голую главу самъ Аѳонъ. На югъ и на западъ открытое море Архипелагъ и нѣкоторыя острова; къ югозападу — Греческое Царство и славный градъ Аѳины, и синѣется великій островъ Негропонтъ.

146. Монастырю Руссику подвѣдомы: 1) Скитъ Богородицы: живутъ Болгары; въ немъ три церкви: Успенія Богородицы, Святит. Николая и Препод. Іоанна Рыльскаго; имѣетъ довольно воды текущей, еще кладезь есть; имѣетъ довольно лѣсу и садовъ виноградныхъ; стоитъ отъ монастыря на три часа ходу, т. е. 15 верстъ. 2) Келлія св. Василя Вел.: стоитъ близъ Карей; церковь прекрасная, съ иконостасомъ и куполомъ; имѣетъ источникъ воды, сады, много винограда, орѣховыхъ, смоковныхъ и масличныхъ древъ и лѣсу. 3) На Кареѣ Кунакъ, т. е. подворье: церковь съ куполомъ, св. Мучен. Георгія; имѣетъ много воды и

орѣховъ, и лѣсу, и большой огородъ, и прекрасныя гостиницы. 4) Келлія св. Григорія Неокесарійскаго: имѣетъ источникъ воды, садовъ не имѣетъ; отъ монастыря полчасъ ходу. 5) Келлія св. Великомуч. Георгія, съ куполомъ: воды кладезь, и много винограда, маслинъ и лѣсу; отъ монастыря часть ходу. 6) — Св. Великомуч. Дмитрія: церковь съ куполомъ; иконостасъ вылащенный; воды кладезь; много винограда и лѣса; отъ монастыря часть ходу. Повыше этой келліи, полчасъ ходу, на большой дорогѣ стоитъ старыи русскій монастырь: стѣны еще цѣлы и лѣсомъ заросли; нѣкоторыя малыя церкви цѣлы, но стали разрушаться; стоитъ въ прекрасной пустынѣ, кругомъ темныя лѣса, и моря не видно; теперь много возлѣ него косятъ сѣна. 7) — Св. муч. Космы и Даміана: стоитъ на открытомъ и здоровомъ мѣстѣ, имѣетъ воды источникъ, много винограда, чернослива, лѣса дубоваго и каштановаго, близко много родится грибовъ; отъ монастыря полтора часа ходу. 8) Келлія Богородицы, Живоносный Источникъ: церковь — прекрасная, съ куполомъ, и есть великій садъ орѣховый и большой огородъ. Здѣсь течетъ источникъ воды, имѣющій цѣлебную силу, а наипаче въ лѣтнее время. Вода течетъ прямо изъ земли, весьма холодна, для питья пріятна и легка, имѣетъ сильное дѣйствіе на желудокъ: слабитъ и очищаетъ, но вреда никакого ни причиняетъ; въ двѣ недѣли излечиваетъ внутреннія болѣзни. Во славу Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, въ древнія времена выстроена здѣсь церковь; но нынѣ въ небреженіи; мало кто объ ней и знаетъ, кромѣ своего монастыря. Сія келлія въ совершенной пустынѣ, окружена великими каштано-

выми лѣсами; винограда не имѣеть, по причинѣ холоднаго мѣста: ибо стоитъ высоко, близъ самаго хребта горы; отъ монастыря два часа ходу. 9) — Успенія Богородицы: церковь прекрасная, съ куполомъ; воды источникъ; много имѣеть винограда, масличныхъ древъ и лѣса; отъ монастыря одинъ часъ съ половиною ходу. 10) — Трехъ Святителей: церковь съ куполомъ; воды источникъ; есть садъ; виноградъ далеко; отъ монастыря полтора часа ходу. 11) — Св. Великомуч. Георгія: церковь съ куполомъ, воды три источника; много имѣеть винограда, орѣховъ, смоковницъ, черешни, и окружена горами высокими и прекрасными лѣсами, стоитъ въ тихой и безмолвной пустынѣ. 12) — Иоанна Предтечи: церковь разрушилась отъ землетрясенія; есть воды источникъ, и садъ масличныхъ древъ; много садятъ луку, и сѣютъ ревицу и гороху; отъ монастыря полчаса ходу. 13) — Всѣхъ Святыхъ: церковь съ куполомъ; воды источникъ; сада никакого не имѣеть; только очень великъ огородъ, и много разныхъ овощей и арбузовъ; стоятъ на самомъ берегу моря; отъ монастыря одна верста. Всѣ сїи келліи каменные, двухъэтажныя, со многими комнатами. 14) — Св. Великомуч. Пантелеимона. 15) — Святит. Николая. Сїи двѣ келліи находятся на мѣстѣ, нарицаемомъ Кумипа, въ концѣ Горы Аѳонской, къ перешейку; отъ монастыря 6 часовъ, т. е. 30 верстъ, по морю. Тамъ русскій монастырь имѣеть большой участокъ земли; тамъ много масличныхъ садовъ, подобно лѣсу, и много удобной земли къ сѣянью, и множество сосновыхъ лѣсовъ; этотъ участокъ много пользы монастырю приносить. Еще русскій монастырь много имѣеть колибъ, т. е. келлій безъ церквей, которыхъ

не могу всѣхъ описать ; на каждой живутъ по два и по три монаха. Еще русскій монастырь имѣетъ великій участокъ земли близъ Солуны, на мѣстѣ, Кало-Марія называемомъ: тамъ есть и церковь, и много разной постройки; тамъ имѣется богатое хлѣбопашество, и сѣютъ много пшеницы, такъ что до изобилія становится для монастыря, еще и продаютъ много; и много тамъ скота держутъ, и доставляютъ водою на судахъ, и продаютъ; еще имѣетъ сѣнные покосы на полуостровѣ Сикѣ, еще водяную мельницу на полуостровѣ Кассандрѣ; еще имѣетъ на рѣкѣ Дунай, въ Георгіевскомъ Гирлѣ, рыбный заводъ, заведенный русскими; еще имѣетъ свои корабли и рыбныя мрежи; и много имѣетъ, близъ монастыря, разныхъ лѣсовъ. Здѣсь описалъ я его устройство и недвижимое имѣніе; но еще завладѣла землею и лѣсомъ чужая рука, прочіе аѳонскіе монастыри. Впрочемъ и теперь Русскіе равняется землею съ прочими аѳонскими монастырями; еще многіе и превосходятъ, такъ что русскій монастырь всего имѣетъ до изобилія: хлѣба, воды, масла, вина, лѣсу, луку, бобовъ, фасоли, репиту и прочаго зелія и овоща; еще продаютъ. Довольно есть въ немъ и братій монашествующихъ. Когда мы взѣшли въ монастырь, было до ста человѣкъ; а когда стали отправляться въ Россію, въ 1846 г., было болѣе двухъ сотъ монаховъ. Когда взѣшли (1839 г.) русскіе въ сію обитель, тогда она была всѣхъ убоже и обнаженнѣе, и у всѣхъ въ поношеніи; а когда я выходилъ, въ 1846 году, то она стала почти всѣхъ богаче и славнѣе: въ теченіе седми лѣтъ такъ ее русскіе облекли, украсили, что вся Гора Аѳонская удивляется и завидуетъ.

147. Теперь хочу сказать, отъ чего Пантелеимонова обитель получила названіе Руссикъ, или *русскій монастырь*, хотя русскихъ въ немъ не было? Возьму отъ исторіи вкратцѣ.—Сіе названіе имѣетъ обитель съ древнихъ временъ. Когда Россія приняла христіанскую вѣру, во время Князя Владиміра : тогда имѣли великую любовь между собою Греческіе Цари съ Россійскими Князьями; также и Константинопольскіе Патриархи любили Россію; тогда отдали сію Пантелеимонову обитель Русскимъ Князьямъ подъ покровительство, со всѣми принадлежащими къ ней монастырями и скитами, для прибѣжища и пристанища русскимъ во св. Горѣ Аѳонской; отъ того времени прозвалась она Руссикъ. И Россійскіе Князья имѣли о ней попеченіе; но когда, грѣхъ ради человѣческихъ, разорилъ Россію поганый Батый, и подпала Россія подъ иго татарское, тогда Русскіе Князья ее оставили и позабыли; а возымѣли о ней попеченіе Сербскіе Цари, и всегда ее покровительствовали и награждали; а русскіе братія всегда въ ней проживали; и была русская обитель ~~одна~~ изъ числа ста тридцати аѳонскихъ монастырей. Многожды была опустошена и разорена отъ безбожныхъ арабовъ и срацыновъ, какъ и прочія аѳонскія обители. Но сіи обители поправляли Цари Греческіе; а русскую всегда поправляли Цари Сербскіе. Въ 1203 году, посыланъ былъ изъ русскаго монастыря одинъ русскій монахъ въ Сербію къ Сербскому Царю Стефану, для монастырской надобности, и привелъ съ собою изъ Сербіи царскаго сына и наслѣдника, св. Савву, Сербскаго Чудотворца, тогда бывшаго младаго, шестнадцатилѣтняго юношу. Прибывши въ св. Аѳонскую Гору, онъ по-

стригся во иноческій чинъ въ русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ. Послѣ увѣщаль отца своего оставить земное царство, и принять монашество. Въ послѣдствіи времени они выстроили свой монастырь Хилендарь. Св. Савва въ своей завѣщательной грамотѣ называетъ русскую Пантелеимонову обитель своею матерью, породившею его монашествомъ. И жертвовали Сербскіе Цари въ русскую обитель землями и подворьями. И до-днесь еще сохраняются въ монастырѣ до шестидесяти крѣпостныхъ грамотъ за подписомъ царей и патриарховъ; но нынѣ безъ дѣйствія: ибо когда упразднилось царство: упразднились и грамоты. Еще въ четырнадцатомъ столѣтіи постигло великое искушеніе св. Аѳонскую Гору. Когда адскій змій испустилъ свой ядъ на Христовъ красный виноградъ, отторгнувъ западную Церковь отъ восточной: покусился зломудрый Папа Римскій присоединить къ себѣ и восточную. Сколько тогда было разорено бѣдныхъ грековъ! Сколько сдѣлано насилій св. Восточной Церкви! Отъ турковъ того не пострадали, что претерпѣли отъ латинумудренныхъ христіанъ. Но св. Аѳонскую Гору тогда Божія Матерь защитила.

148. Послѣ того, латинумудренный греческій Царь Михаилъ Палеологъ, вмѣстѣ съ Папою Римскимъ, захотѣлъ восточную Церковь соединить съ западною, и захотѣли прежде склонить св. Аѳонскую Гору. Тогда Аѳонская Гора была яко рай, Богомъ насажденный: было сто тридцать монастырей великихъ; было до семидесяти тысячъ братій. Папа вкупѣ съ Царемъ устремились на богособорное стадо, яко на незлобивыхъ овецъ; овыхъ мечемъ изсѣкли, яко незрѣлую пшеницу; овыхъ въ морѣ потопили; овыхъ огнемъ

сожгли; овыхъ повѣсили на древахъ; овые страха ради разбѣжались и скрылись. Только нѣкоторые монастыри Божія Матерь покрыла: остались невреденны. И такъ латинцы почти всю св. Гору Аѳонскую разорили и опустошили; но мало кого могли склонить къ своему мудрованію; тогда и русскую обитель разорили и опустошили, и наши русскіе тогда пострадали. Но вскорѣ паки благочестивый Царь насталъ: воцарился Андроникъ Палеологъ, сынъ Михаила Палеолога, собралъ во градъ Солунъ помѣстный Соборъ, и предавши всѣхъ латиномудрственныхъ анаѳемъ, самъ пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, и видя ее всю разорену и опустошену, много о ней плакалъ; потомъ изъ числа ста тридцати избралъ двадцать, которые были важнѣе и извѣстнѣе, и сталъ ихъ возобновлять; а прочіе упразднилъ, и всю землю раздѣлилъ на двадцать частей; послѣ самъ постригся въ монахи въ Ксиропотамскомъ монастырѣ, и тамъ скончался; и почитается во Святыхъ, и всѣмъ аѳонскимъ монастырямъ ктиторъ. Тогда и русскій монастырь былъ включенъ въ число двадцати, и паки возобновленъ Сербскими Царями; и русскіе братія о немъ старались. Когда взята была та страна турками, тогда аѳонскіе отцы изъ девятнадцати монастырей пошли къ Султану на поклоненіе, и записали каждый свой монастырь; изъ русскаго же не пошли, потому что они гости, а монастырь—Сербскаго Царя; и донынѣ у турковъ записано только девятнадцать монастырей, а русскаго нѣтъ. А когда разрушилось и сербское царство отъ турокъ, а Россія освободилась отъ татаръ, тогда русская обитель прибѣгнула къ Русскому Царю, Іоанну Васильевичу. Онъ съ любовію при-

нялъ посланныхъ изъ сей обители , и сталъ имѣть о ней попеченіе: далъ ей жалованную грамоту на выѣздъ братія ея въ Россію, для испрошенія милостыни; и самъ жертвовалъ изъ своей царской казны; также и сынъ его , Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ , и Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ Романовъ и Царь Алексій Михайловичъ: всѣ сіи Цари русскую обитель жаловали и награждали, и донинѣ сохраняются въ русскомъ монастырѣ ихъ царскія грамоты, а русскаго монастыря архимандритовъ сборныя книги по Россіи. Въ царствованіе Россійскаго Императора Петра І-го, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія, былъ на Аѳонѣ одинъ путешественникъ, кіевскій гражданинъ, Василій Григорьевичъ Барскій. Въ первое его прибытіе въ св. Гору Аѳонскую , онъ въ русскомъ монастырѣ зимовалъ, и съ русскими читалъ и пѣлъ, и всѣ братія были русскіе; но когда пришелъ во второй разъ, чрезъ двадцать лѣтъ, то уже русскаго ни единого не было , и игуменъ былъ грекъ , и жаловался, что русскіе совсѣмъ оставили свою обитель, и не даютъ никакой помощи. А причина была та, что перемѣнились въ Россіи гражданскіе законы: не стали даваться жалованныя грамоты, и не стали русскіе самовольно выходить за границу. Отъ того русскіе оставили Русикъ; а хотя одинъ или два и приходили, но какъ странники , скитались по Св. Горѣ; потому что обитель содержать—много требуется расходовъ: отъ того оставили обитель пусту; и тогда прочіе монастыри разобрали много ея земли, и донинѣ обладаютъ ею. Хотя бѣдные греки и вселились въ русскій монастырь , но не имѣли ни откуда помощи, и не могли монастырь поддерживать, и поправлять по-

стройки, и принуждены были оставить русскій великій царскій монастырь древній, и сошли къ морю, и выстроили малую обитель, тоже во имя св. Пантелеимона, помощію бѣдныхъ грековъ, солунскихъ купцовъ, въ 1757 году. Воистинну благословенны греки! Еще и подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ живутъ, а монастыри строятъ. Хотя выстроенъ былъ новый монастырь, но русскаго имени не потерялъ; только, какъ прежде былъ славный великій царскій русскій монастырь, такъ послѣ былъ въ уничиженіи; и называли его *русскій бѣдный монастырекъ*. Но хотя былъ и незначителенъ и малъ, а своего названія не потерялъ, и всегда находился въ числѣ двадцати монастырей, и всегда въ немъ проживало много братіи грековъ, ученыхъ и славныхъ мужей, и содержали строгую общешительную жизнь. И старались, день и ночь, со многими трудами, поддерживать монастырь, и поддерживали. Спаси ихъ Господи! Греки весьма любили его ради изобилія здравыхъ водъ и здороваго воздуха, и не думали допустить въ него русскихъ; но Господь устроилъ по Своему. Я еще засталъ сей малый монастырекъ; еще и донинѣ стоитъ одинъ корпусъ, служить за конюшню. Еще засталъ немного стариковъ, которые жили въ великомъ монастырѣ; монастырь же самый и донинѣ стоитъ пустъ; а братія, не вмѣщаясь въ маломъ монастырѣ, проживали болѣе по пустынямъ, келліямъ и колыбамъ; и жили въ томъ монастырѣ шестьдесятъ лѣтъ, пока сталъ и онъ разрушаться. Насталъ у нихъ игуменъ іеросхимонахъ Савва, родомъ изъ Пелопонеса. Отправившись въ свою страну, онъ получилъ великое наслѣдство послѣ своихъ родителей; еще испросилъ ми-

лостыню отъ своихъ родныхъ и отъ прочихъ христіанъ, на постройку монастыря ; и , пріѣхавши въ Св. Гору, сталъ на новомъ мѣстѣ основывать великій монастырь. Хотя у него суммы на то было и мало, но онъ просилъ помощи отъ Бога и св. Великомученика Пантелеимона.

149. И услышалъ Богъ молитву его, и подалъ ему помощь сщевымъ образомъ: Молдавскій Князь и Господарь, Скарлатъ Каллимахъ, имѣлъ велию любовь къ св. Великомученику Пантелеймону ; Святый сей ему во снѣ явился, и сказалъ: « имѣніе твое великое, а смерть твоя близка, а монастырь мой въ св. Горѣ Аѳонской до конца разоряется: помоги ему, пока есть время. » Князь, вставши отъ сна , скоро послалъ въ св. Гору Аѳонскую узнать, кто игумень въ Пантелеймоновомъ монастырѣ, да пріѣдетъ въ Молдавію: Игумень Савва, получивши такое извѣстіе, скоро отправился въ Молдавію, и, прибывши, увидался съ Княземъ. Князь, узнавши о началіи постройки монастыря, возрадовался, и сказалъ: «Вотъ, отче св., тебѣ мое злато и серебро: бери сколько тебѣ угодно ; а ежели будетъ мало , то пиши ко мнѣ: еще пришлю, сколько будетъ надобно. Только строй какъ можно лучше и прочнѣе, и какъ можно скорѣе поспѣшай: ежели просятъ по рублю, давай по-полтора, дабы только было поспѣшно. А когда совершишь , увѣдомъ меня : я самъ пріѣду въ монастырь, и недокончанное довершу, распишу и раскрашу; а ты выстрой для меня особенный корпусъ. » Потомъ Князь подарилъ въ обитель на Евангеліе серебряныя вызлащенные доски, и стѣнные часы, которые и до сего времени существуютъ; и во всей Св. Горѣ лучше ихъ нѣтъ: съ солнцемъ и луною, и

со всѣми планетами, и со многими кораблями, качающимися на морѣ; и всегда можно видѣть, когда луна наражается и ущербаетъ. Сіи часы называются *ктиторскіе*, висятъ въ соборѣ, за правымъ клиросомъ на столбѣ. Игуменъ Савва, получивши деньги и вещи, скоро отправился въ монастырь, и по прибытіи началъ строить, въ 1816 г.; а въ 1820 окончилъ, и во всемъ исполнилъ княжескую волю: въ три года столько настроялъ, что всякъ можетъ дивиться. Устроилъ десять церквей каменныхъ: девять — внутри монастыря, а десятая на усыпальницѣ. Выстроилъ кругомъ двухъэтажные подвалы внизу, а вверху четырехъэтажные корпуса и великую трапезу съ колокольнею, кухню и пекарню, и проч. Для Князя выстроилъ пятиэтажный корпусъ, въ которомъ и теперь живутъ русскіе; все устроилъ и покрылъ. Воистинну блаженъ былъ сей старецъ Савва! Какія уста возмогутъ достойно похвалить его? Какой онъ имѣлъ великій разумъ! Такъ онъ скоро и искусно выстроилъ, что всякаго приводитъ въ удивленіе! По совершеніи монастыря, писалъ онъ къ ктитору, Скарлату Каллимаху, Князю Молдавскому. Ктиторъ же неизреченныя радости исполнился; налилъ колоколовъ, и наготовилъ разныхъ вещей для украшенія монастыря, и взялъ много золота и серебра, чтобы монастырь украсить и расписать иконнымъ писаніемъ, иконостасы подѣлать, и всѣмъ снабдить; и отправился въ путь; и прибывши въ Константинополь, былъ у Султана и у Патріарха въ гостяхъ. Потомъ отправился въ путь. И когда прибылъ въ Дарданельскую крѣпость, Турецкій паша позвалъ его къ себѣ въ гости; и когда узналъ, что Князь много имѣнія везетъ во св. Гору, то ве-

черомъ его удушили до смерти, и ямѣніе его паша разграбилъ. И такъ благочестивый и христолюбивый Скарлатъ Каллимахъ, Князь Молдавскій, мучениколюбецъ, вѣнчался своею кровію, вѣнцемъ мученичества, неповинно, и сдѣлался соучастникомъ вѣнца св. Великомуч. Пантелеимова, да съ нимъ вмѣстѣ царствуетъ у своего Небеснаго Царя и Владыки, да съ нимъ вмѣстѣ называютъ и сохраняютъ свою русскую обитель во св. Горѣ Аѳонской. Услышавши сію печальную вѣсть, отцы русскаго монастыря великой жалости и скорби исполнились, и много горькихъ слезъ пролили. Оплакавши мученическую кончину своего блаженнаго ктитора, перебрались въ нововыстроенную великую нагую обитель, не имущую никакого украшенія, не опшукатуренную, не имущую ни иконостасовъ, ни иконъ; вся обитель была какъ пустой сарай; ни откуда не было помощи. Въ скоромъ времени и другая скорбь ее постигла: скончался игумень Савва, второй ктиторъ обители, уже въ глубокой старости, и препоручилъ попеченіе о обители и о братіи своему ученику и духовному брату, іеросхидіакону Венедикту, и его ученику іеромонаху Герасиму. Потомъ настало и всеобщее бѣдствіе между грековъ и турокъ; въ то горькое время много претерпѣла скорби и бѣдствія вся Гора Аѳонская; братія разошлись, кто куда могъ; осталось не помногу по монастырямъ: пришли въ Св. Гору турки, въ каждый монастырь по 40 человекъ, а по Горѣ всюду были разбойники. И продолжалось сіе бѣдствіе по 1828 годъ. Въ теченіе сихъ лѣтъ турки жили по монастырямъ, монахи ихъ кормили, и жалованье давали; а наипаче русскій монастырь много претерпѣлъ нужды, и много задолжалъ,

болѣе ста тысячъ. По окончаніи войны , въ 1828 г., паки настало тихое и спокойное время ; паки стали братія сходиться во св. Гору. Тогда русскаго монастыря братія греки, видя, что уже не въ состояніи поправить и украсить монастыря, и заплатить долги, стали совѣтоваться, что сотворить. Старецъ Венедиктъ и игуменъ Герасимъ стали говорить всей братіи: «Отцы и братія, послушайте насъ. Мы теперь много должны, а обитель наша голая и пустая. И мы ни откуда не имѣемъ помощи, и не въ состояніи уплатить долгъ, и украсить обитель. Необходимо намъ надобно принимать древнихъ жителей обители сея , русскихъ. Они только могутъ сію обитель поправить и украсить, и привести въ настоящій порядокъ.» Братія всѣ на то согласились. И начали къ себѣ русскихъ приглашать и ласкать. Не такъ , какъ прежде : боялись русскихъ въ монастырь пускать, дабы русскіе не вступились въ свое древнее достояніе , и не изгнали ихъ изъ русскаго монастыря ; и всячески старались, чтобы русское имя изъ памяти изгнать, и даже не любили тѣхъ, которые называли русскимъ монастыремъ. Но Господь устроилъ по Своему , и смирилъ ихъ даже до конца : пришло время , что стали русскихъ и звать и всячески ласкать, и стали сами обитель называть Русскъ , и всюду прославлять ее, и говорить: почему русскіе оставили свою обитель, а странствуютъ по св. Горѣ, не имѣя гдѣ главы поклонить? И почему они не прибѣгаютъ ко своей матери въ объятія?... Подѣйствовала и въ сердцахъ Русскихъ невидимая Божія сила : всѣ стали русскую обитель любить, всѣ стали о ней сожалѣть, и много о ней говорить. Но не было такого человѣка, который бы могъ, тамъ живя, обители пособить.

150. Въ 1834 году прїѣхалъ изъ Россіи іеромонахъ Аникита, князь Шихматовъ, великій постникъ. И прїѣхавши во св. Аѳонскую Гору, присталъ въ скитѣ Іліи Пророка. Потомъ пошелъ поклониться по всей св. Горѣ Аѳонской; и обшедши многіе монастыри, пришелъ въ монастырь русскій св. Пантелеимона. Греки его встрѣтили съ честію. Онъ же, поклонившись святынѣ, и посмотрѣвши на обитель, слезно сожалѣлъ, что въ такомъ горькомъ положеніи находится русская обитель во св. Горѣ Аѳонской, какъ безъ призрѣнія сирота, оборвана и обнажена, и безъ всякаго украшенія, и не имѣетъ ни отъ кого покровительства. Потомъ приняли его на гостинницу, и всячески обласкали, и всѣ старцы просили его погостить у нихъ, и онъ общался. Они же начали ему со слезами говорить: «Отче св., умиосердитесь надъ своею матерію, русскою обителью; помиуйте ее, отъ всѣхъ оставленную; облеките ее обнаженную; что вамъ по Св. Горѣ, внѣ своей обители, бѣдствовать? Прїидите, отче, къ своей матери въ объятія, и живите съ нами въ общежитіи, въ любви и спокойствіи; и введите, сколько вамъ угодно, русской братіи, и возьмите любую себѣ церковь и любой корпусъ келлій, и живите, и помогайте своей матери.» Князь же сказалъ имъ: «Благое ваше расположеніе къ русскимъ. Ежели исполните намѣреніе, и устоите въ своихъ словахъ, ежели примете русскихъ въ свою обитель; то сія обитель будетъ счастлива: какъ она теперь въ уничиженіи, такъ послѣ будетъ славна и богата, и вы будете упокоены. Ежели я взойду въ вашу обитель, то дайте мнѣ мѣсто выстроить особенную русскую церковь во имя новоявленнаго Святит. Митрофана, Воронежскаго

Чудотворца.» Греки съ любовію согласилсь, и показали ему мѣсто. Князь остался у нихъ погостить, и жилъ цѣлый мѣсяцъ, и въ тонкость разсмотрѣлъ ихъ жизнь; тогда сказалъ: «это не человѣки; еще я не монахъ, но только Богъ привелъ видѣть монаховъ.» И столько ихъ возлюбилъ, что не хотѣлъ съ ними разлучиться.

151. Греки ему предложили, чтобы по обычаю монашескому положилъ начало, и переходилъ совсѣмъ. Онъ съ радостію согласился. И положивши начало, поѣхалъ въ скитъ Іліи Пророка, и далъ всѣмъ русскимъ повѣстку: кто желаетъ въ русскій монастырь жить,—да приходитъ къ нему въ скитъ Іліи Пророка. И собралось къ нему желающихъ 25 человѣкъ, больше изъ малороссіанъ, и духовникъ Прокопій, тоже изъ малороссіанъ. Въ этомъ случаѣ князь много ошибся потому, что не посовѣтовался съ духовникомъ Арсеніемъ. Не узнавши, кто какого свойства и разума, набралъ много неблагонадежныхъ. Хотя послѣ и жалѣлъ, но уже поздно. Набравши братіи и облачившись въ священническую одежду, самъ князь и двое іеромонаховъ взяли икону Святителя Митрофана, и пошли пѣшіе, а братія за ними; и шли отъ самаго скита до русскаго монастыря, 20 верстъ. Когда шли мимо Карей, — одинъ купецъ грекъ посмѣялся русскимъ и Святителю Митрофану; но Господь его наказалъ. Стояли у него мѣхи съ масломъ деревяннымъ, и всѣ полопались, и масло потекло по улицѣ. Онъ же, видѣвши Божіе наказаніе, постигшее его, побѣжалъ, остановилъ князя съ иконою, и со слезами просилъ прощенія, и лобызалъ икону. Князь простилъ его. Прочіе, видя такое чудо, начали всѣ лобызать икону. Потомъ пошли въ путь, и пришли

въ русскій монастырь. И греки дали русскимъ церковь Іоанна Предтечи. Князь же, узнавши, что много земли монастырской находится въ чужихъ рукахъ, сказалъ грекамъ : « это я соберу и присоединю паки къ своему русскому монастырю, и обогащу сію обитель; ибо я имѣю знакомыхъ, друзей, богатыхъ людей въ Петербургѣ ; самъ Императоръ довольно меня знаетъ. » Потомъ князь познакомился съ духовникомъ Арсеніемъ и ученикомъ его, и, узнавши ихъ жизнь, весьма ихъ полюбилъ; подобный подобнаго и любить: ибо князь самъ былъ великій постникъ; не ѣлъ ни рыбы, ни сыру, ни деревяннаго масла, не пилъ ни чаю, ни кофею, ни вина; только и пищи употреблялъ теплую воду съ медомъ и хлѣбомъ. И сталъ онъ звать духовника съ собою въ Іерусалимъ; и духовникъ Арсеній съ ученикомъ своимъ, схимонахомъ Николаемъ, согласились, и отправились въ Іерусалимъ. Князь русскую братію препоручилъ духовнику Прокопію. По отъѣздѣ князя, стало между братіей разстройство : русскіе — разный сбродъ, подѣломъ жить не привычны, да и духовникъ такой-же. Русскіе грековъ уважать и слушаться не стали, но стали противорѣчить, еще къ тому-же и стращать, что монастырь нашъ, русскій, а начальникъ у насъ князь; мы васъ выгонимъ. Отчего греки, всѣ братія, смутились, и начались повседневныя скорби и искушенія. И стала ихъ высокая общежительная жизнь разстроиваться. И стали говорить игумену Герасиму и старцу Венедикту, что мы съ русскими жить не можемъ, и богатства ихъ не хотимъ; лучше сухари съ водою будемъ ѣсть, да одни; русскіе разстроили всю нашу жизнь. Хотя игуменъ Герасимъ много ихъ уговаривалъ, вну-

шая: когда князь прїѣдетъ изъ Іерусалима,—мы все устроимъ, и строптивыхъ выплемъ. Но старецъ Венедиктъ сталъ колебаться. Князь же въ Іерусалимѣ получилъ Указъ изъ Святѣйшаго Сѣнода ѣхать въ Аѳины въ посольство, въ придворную церковь. И такъ пошло одно за другимъ разстройство. Однако, князь прежде прїѣхалъ въ Аѳонскую Гору узнать, какъ живутъ братія. По прїѣздѣ его, русскіе стали жаловаться на грековъ, а греки на русскихъ. Потомъ пришли греки къ нему на гостиницу. Старецъ Венедиктъ со старшими пали предъ нимъ на землю, и всѣ заплакали, начали просить прощенія, что не устояли въ своемъ словѣ. Князь же спросилъ ихъ: «стало-быть, вы не хотите, чтобы русскіе у васъ жили?»

152. Они сказали: «прости насъ, отче св.: не можемъ, и не хотимъ; не хотимъ вашего богатства: разстроили мы свою жизнь съ русскими.» Князь же, услышавши сіе, горько заплакалъ, и сказалъ: «жалко мнѣ этой св. обители, что много она претерпѣваетъ бѣдствія.» Потомъ всталъ и пошелъ въ церковь; надѣлъ на себя ризы, и испросилъ у всѣхъ прощенія. Греки нѣкоторые весьма плакали, а наипаче игуменъ Герасимъ: ибо онъ зналъ, что, лишаясь русскихъ, лишается благъ душевныхъ и тѣлесныхъ, что вѣчно безъ русскихъ обитель будетъ бѣдствовать. Князь же со всѣми русскими пошелъ вонъ, и ничего съ собой не взялъ, кромѣ одной иконы Святителя Митрофана; а прочее все оставилъ въ русскомъ монастырѣ, ризницу и иконы, и церковные сосуды, и русскія книги. Хотя греки и предлагали все забрать, но онъ сказалъ: «Пусть все въ св. русской обители останется для памяти. Когда пакы русскіе взойдутъ,

тогда пригодится имъ.» И потомъ пошли въ скитъ, и пришли въ старому русскому монастырю; тамъ остановился князь, и отслужилъ надъ русскими костями панихиду. Пришедши въ скитъ Іліи Пророка, сказалъ всѣмъ русскимъ: «Идите, братія, кто куда знаетъ. Теперь я вамъ не начальникъ; не умѣли жить въ монастырѣ: идите, странствуйте.» А духовнику Прокопію сдѣлалъ большой выговоръ, и отослалъ отъ себя, сказавъ: «тебѣ не духовникомъ быть, а пастухомъ.» Потомъ икону Святителя Митрофана и большую сумму денегъ препоручилъ скитскому духовнику, іеросхимонаху Павлу, и просилъ его возымѣть попеченіе о сооруженіи храма Святит. Митрофану. А самъ простился съ духовникомъ Арсеніемъ и прочими отцами, взялъ двухъ учениковъ, и отправился въ Аѳины. И по прибытіи туда, не сталъ ѣсть меду, а только хлѣбъ и воду. И пожилъ тамъ одинъ годъ, и скончался. Предъ смертію заповѣдалъ о своихъ костяхъ, чтобы перенести ихъ во св. Гору Аѳонскую, что исполнили послѣ, чрезъ два года, и положили въ скиту Іліи Пророка.

153. Грековъ русскаго монастыря болѣе побудили на изгнаніе князя греки прочихъ монастырей; потому что стали полагать, что ежели русскіе вселятся въ русскій монастырь, то у всѣхъ монастырей свою землю отберутъ, а наипаче, ежели будетъ жить князь. Греки Руссика не могли понять сего; только одинъ игуменъ Герасимъ это все понималъ, но воля была не его. Хотя и русскіе были не правы, но можно было бы ихъ смирять: только однихъ надлежало худшихъ выгнать, а не всѣхъ. А когда выгнали князя съ русскими, напало на оставшихся грековъ уныніе и скорбь, и совершенно лишились тишины душевной и тѣлесной.

154. Наипаче дивно и плача достойно, что съ старцемъ Венедиктомъ, при старости, при послѣднихъ дняхъ жизни, случилось искушеніе и горькое паденіе, что во второмъ своемъ столѣтіи онъ допустилъ себѣ несправедливость и малодушіе; и о томъ плакалъ онъ день и ночь, и просилъ Господа Бога и Божию Матерь, чтобы возвратить русскихъ въ обитель; но не имѣлъ надежды при своей жизни видѣть русскихъ въ обители: уже тогда было ему отъ роду 103 года; оттого больше и плакалъ. Но было ему отъ Бога извѣщеніе, что не умретъ безъ русскихъ, а будутъ его отпѣвать и погребать русскіе. Отъ этого онъ нѣсколько утѣшился, и ожидалъ такого торжественнаго и многовождедѣннаго дня три года. Русскихъ было выгнать легко: сказали имъ одно слово, и они вышли; но паки ввести — стало тяжко. Еще другое искушеніе постигло; или прямо сказать, жезлъ наказанія былъ отъ Бога посланъ на иноковъ Руссика. Вздумали они начать то дѣло, что говорилъ князь, — отобрать свою землю отъ одного монастыря; и подали прошеніе къ Патріарху; но за это возстала на нихъ вся Гора Аѳонская: потому что всѣ монастыри участвуютъ въ обладаніи землею русскаго монастыря, и всѣ напали на руссикскихъ грековъ: всѣ ихъ почитать стали виновными и бунтовщиками, что они князя русскаго безвинно выгнали, и притѣсняли русскихъ три года. А бѣдные греки руссикскіе не имѣли за себя никакой защиты противъ возставшихъ на нихъ своихъ братій, грековъ. Вступились за свое доброе, да сами же стали виноваты; даже со стороны было — смотрѣть на нихъ, да плакать. И до того ихъ тѣснили, что остальное хотѣли отобрать у нихъ на по-

дворя, а ихъ самихъ разослать по разнымъ мѣстамъ, потому что за нихъ защиты никакой нѣтъ. Но только защитила ихъ бѣдныхъ Божія Матерь и св. Великомуч. Пантелеимонъ. Много они бѣдные претерпѣли, такъ что часто садились въ трапезѣ безъ хлѣба, съ одними бобами или гнилыми сухарями, и дожидались себѣ заточенія, еще и отъ Бога горшаго наказанія. Но видя на себя изліянный фіалъ гнѣва Божія за изгнаніе неповиннаго князя, они вспомнили русскихъ: за великое счастіе стали почитать, ежели русскій зайдетъ къ нимъ въ монастырь; и не имѣли надежды, чтобы русскіе братія къ нимъ пришли; и оплакивали свою горькую участь, что всѣхъ на свѣтѣ прогнѣвали: во-первыхъ, прогнѣвали Бога; во-вторыхъ, прогнѣвали русскихъ, и въ-третьихъ—своихъ грековъ; только и просили милости отъ Господа Бога и отъ Божіей Матери. И прежде былъ голъ и скуденъ монастырь, но хлѣба было довольно; а теперь уже до конца сталъ обнаженъ.

155. Въ 1837 году, пріѣхалъ въ Аѳонскую Гору изъ Россіи, изъ Астрахани, Игуменъ Е., съ великою суммою денегъ, съ намѣреніемъ строить русскій монастырь. Русскіе греки, услышавши о томъ, пришли его просить къ себѣ. Старцы, украшенные сѣдинами, стояли предъ нимъ на колѣнахъ, и слезно просили его къ себѣ, и клятвами обязывались, говоря: «Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить съ русскими; возьми себѣ половину монастыря, а послѣ и весь вашъ будетъ; мы своимъ грекамъ его не оставимъ, потому что они насъ обидѣли по-напрасну, за наше же доброе. Еще мы сами видимъ, что посланъ на насъ мечъ наказанія отъ Бога за неповинное изгнаніе князя. Теперь

хотемъ сей грѣхъ загладить.» Но игуменъ русскій ихъ словъ не принялъ, выгналъ ихъ вонъ, и сказалъ: « какъ вы надъ княземъ надсмѣялись , такъ хотите и надо мной.» И они вышли съ горькими слезами. Сей игуменъ послѣ и самъ съ своими деньгами уѣхалъ изъ Аѳонской Горы: хотѣлъ усильственно, чрезъ Султана и Патріарха , взять одинъ у грековъ монастырь изъ самыхъ великихъ, и сдѣлать русскимъ; но не удалось: греки перемогли. И дали бы съ любовію монастырь, только не изъ великихъ, ежели бы онъ со смиреніемъ поклонился и попросилъ аѳонскихъ отцевъ : но онъ хотѣлъ взять гордостію и властію ; чрезъ сіе и самъ принужденъ былъ уѣхать.

156. Русскій монастырь уже два года не справлялъ и праздника св. Пантелеимону , потому что было не чѣмъ успокоивать приходящихъ братій. Въ 1839 г., кое-какъ собрались почтить память св. Великомуч. Пантелеимона , и повѣстили на Кареѣ , что просятъ отцы и братія Руссика къ себѣ на праздникъ св. Великомуч. Пантелеимона , ежели кому будетъ угодно. И сошлось много отцевъ , а наипаче старшихъ грековъ: пріѣхали прощаться предъ наступленіемъ поста. Хотя праздновали весьма недостаточно по своей скудости ; но братія русскіе съ любовію и расположеніемъ всѣхъ принимали , и угощали , чѣмъ могли; и во всѣхъ они возбудили жалость, всѣ на нихъ со слезами смотрѣли. Послѣ трапезы всѣ значительные гости были приглашены на гостиницу, и тамъ прощались. Нѣкоторые гости надъ русскими греками смѣялись, и говорили: « вы русскихъ приняли, хотѣли быть богатыми , а послѣ и выгнали , надъ ними насмѣялись ; теперь уже кончено , вы больше русскихъ

у себя въ обители не увидите.» Но старецъ Вене-диктъ вскочилъ съ своего мѣста, и сталъ посреди всѣхъ, топнулъ ногою, ударилъ жезломъ, и сказалъ: «видите мою старость: отъ роду я имѣю сто пять лѣтъ; но не умру безъ того, пока русскихъ не приму, а когда приму, тогда и умру!» Братія смѣались, и говорили: «ты за-утро умрешь: а гдѣ у тебя русскіе?» Онъ же паки сказалъ: «Видите, каковъ я есмь: но истину вамъ говорю, что не умру безъ русскихъ; они меня похоронятъ; я вамъ говорю, что посажу русскихъ въ обители, и они ее обогатятъ и украсятъ, и вы всѣ будете завидовать ей. За симъ простите меня грѣшнаго, и васъ всѣхъ прощаю, кто насъ чѣмъ обидѣлъ; не вы насъ обидѣли, но грѣхи наши.» И такъ простившись разошлись.

157. По выѣздѣ князя изъ Аѳона, постигла скитъ Іліи Пророка моровая язва, чума; и почти всѣ были ея жертвою. И самъ игуменъ Парфеній скончался, и остались не многіе, только шесть человѣкъ; изъ великороссіанъ іеромонахъ и духовникъ Павелъ; изъ малороссіанъ монахъ Савва. По согласію всѣхъ русскихъ аѳонскихъ отцевъ, избранъ былъ во игумена духовникъ Павелъ, и былъ провозведенъ Епископомъ Панкратіемъ. Монахъ же Савва съ прочими малороссійскими взбунтовался: и много было въ скиту смущенія между великороссіанъ и малороссіанъ, и продолжалось почти два года. Отца Павла трижды становили игуменомъ, и паки смѣняли. А послѣ не только Павла выгнали, но всѣхъ великороссіанъ, которыхъ уже было собрано болѣе тридцати человѣкъ. Помогли малороссіанамъ и греки: они имѣли недовольствіе на великороссіанъ по причинѣ игумена

Астраханскаго Е., который хотѣлъ у нихъ монастырь отнять. Павелъ взялъ съ собою изъ скита икону Святителя Митрофана, и сталъ съ братіей проживать на Кареѣ, на квартирѣ. Теперь до конца Богъ смирилъ и великороссіанъ: остались безъ всякаго пріюта и пристанища, не имѣя гдѣ главы подклонить въ св. Горѣ Аѳонской.

158. Но пришло время грекамъ просить русскихъ, когда русскіе остались безъ всякаго пристанища, и сами стали искать себѣ мѣсто. Собрали въ Русскіхъ соборъ, и сдѣлали совѣтъ. И пошли просить Отца Павла со всею братією русскою къ себѣ въ монастырь. Отецъ Павелъ согласился, и духовникъ Арсеній благословилъ. Въ 1839 году, ноября 21 дня, на Входъ во храмъ Божія Матери, взошли русскіе во свою русскую обитель, съ честію и славою, всѣ самыя истыя великороссіане; и греки ихъ встрѣтили съ торжествомъ и радостію, о чемъ писано выше въ гл. 110. И была обоюдная радость грекамъ и русскимъ, а наипаче стошестилѣтнему старцу Венедикту. И онъ на гостинницѣ прочиталъ молитву: *нынѣ отпущаеши раба Твоего*, и проч. И сказалъ проповѣдь и свое завѣщаніе, чтобы вѣчно жить русскимъ съ греками въ обители; простился со всѣми, пошелъ въ свою келлію, и больше его никто не видалъ: ибо готовился ко исходу, а въ сороковой день и скончался; и погребали его съ греками вмѣстѣ и русскіе. Ноября 23, освятили русскую церковь во имя Св. Митрофана, и были говорены разныя проповѣди въ утѣшеніе русскимъ. Чрезъ восемь мѣсяцевъ скончался игуменъ Павелъ, и сотворилъ всѣмъ плачъ велій, грекамъ и русскимъ. Потомъ, по желанію братій, по

изволенію Божію и по благословенію старца, духовника Арсенія, взошли мы въ русскій монастырь со своимъ старцемъ, монахомъ Іоанніакиємъ.

159. Въ 1841 году, въ январь мѣсяцъ, освятили мѣсто, и заложили новый русскій соборъ во имя Св. Митрофана, въ сѣверовосточномъ углу Руссика. На Сырной недѣлѣ, въ послѣдній день, ходили погребать великаго старца, схимонаха Николая, ученика духовнику Арсенію. На первой недѣлѣ Великаго поста, въ субботу, постригся въ великую схиму старецъ нашъ Іоаннікій, и нареченъ Іеронимомъ. И мы радовались, что привелъ Богъ намъ видѣть своего старца іеромонахомъ, духовникомъ и схимникомъ. И препровождали св. Четырдесятницу въ тишинѣ и безмолвіи. Каждую седмицу дважды причащались Св. Таинъ.

160. На пятой недѣлѣ поста призвалъ меня духовникъ къ себѣ, и сказалъ, что отцу игумену и ему расположилось меня постричь въ великій образъ ангельскій. Я ему отвѣтилъ: «я, отче св., отъ юности желаю того великаго образа; но только теперь повременю; потому что мало жилъ въ семъ монастырѣ: боюсь, дабы не положили послушанія сверхъ моихъ силъ.» Но онъ сказалъ: «ты своего разсужденія не имѣй, а твори послушаніе; на это есть воля Божія; другіе просятъ, да не постригаютъ; а тебя самъ игумень желаетъ.» Я упалъ ему въ ноги, и сказалъ: «буди воля Господня и ваша; только безъ благословенія своего старца и духовника Арсенія не могу рѣшиться.» Онъ послалъ меня къ духовнику. Я пошелъ, и сказалъ ему все. Духовникъ Арсеній съ любовію меня благословилъ принять великій образъ отъ

игумена іеросхимонаха Герасима. Пришедши въ монастырь, я повѣдалъ духовнику Іерониму; онъ радъ былъ, и пошли къ игумену. Игумень приказалъ готовиться. И постригли меня многогрѣшнаго въ великій ангельскій образъ на пятой недѣлѣ поста, на преждеосвященной Литургіи, и наречень *Пареній*. Духовникъ Іеронимъ постригалъ, а игумень Герасимъ подводилъ. И всю седмицу каждый день я причащался Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. О, какой я исполнился неизреченной радости, яко сподобился принять великій иноческій образъ въ жребіи Царицы Небесной, въ св. Горѣ Аѳонской и въ великой царской русской обители св. Великомуч. Пантелеимона, и яко сподобился быть сыномъ общежительной русской св. обители!

161. Радовался я, что сподобился въ Св. Горѣ Аѳонской имѣть себѣ трехъ пастырей старцевъ, отцевъ и покровителей, великихъ и славныхъ, украшенныхъ всѣми иноческими добродѣтелями: перваго — моего отца и старца, іеросхимонаха и духовника Арсенія, постника и пустынножителя, которому препоручилъ свое тѣло и душу; втораго — іеросхимонаха и духовника Іеронима; и третіяго — блаженнаго моего старца, русскаго общежительнаго монастыря игумена, іеросхимонаха Герасима. И благодарилъ Господа Бога, Царя моего Небеснаго, и Пречистую Его Матерь, Дѣву Марію, за Ихъ неизреченныя милости, излитыя на мя недостойнаго, — что всѣ мои желанія и прошенія исполнили, еще и съ преизлишествомъ! Я просилъ и желалъ хотя одного старца искуснаго имѣть: Они мнѣ дали трехъ. Просилъ и желалъ для прожитія имѣть хотя маленькую колибочку: Они меня

ввели въ великій царскій монастырь. Желалъ хотя въ малый образъ постричься : Они меня многогрѣшнаго сподобили принять великій ангельскій образъ. Только, еще просилъ мою Владычицу, да сподобить меня препроводить остальные дни моей краткой жизни и скончать животъ свой въ св. Горѣ Аѳонской, да и по смерти моей сподобить меня вѣчнаго блаженства съ преподобными отцами аѳонскими. И такъ я жилъ радуясь и веселясь, и о всемъ благодаря Бога.

162. Но не долго я радовался и веселился. Всегда послѣ радости ожидай скорби и печали. Видно, Царь Небесный не хочетъ, чтобы мы радовались, живя въ сей маловременной жизни; поистинѣ, *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе*. Дѣян. 14, 22. Погостилъ я у Царицы Небесной полтора годочка, и показались мнѣ за полтора денѣчка. Въ полтора года каждый день моя радость умножалась. Но когда моя радость преисполнилась, и мѣсто жительства моего совершенно укрѣпилось, когда радостная весна наступила, и красное солнце возсіяло: тогда вдругъ нашла туча темная, откуда я не чаялъ; ударилъ сильный громъ, и мало что до смерти не убилъ меня.

Пришла Суббота — Лазарево воскресеніе : всѣ мы были причастники Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи была изобильная трапеза. По трапезѣ ударили въ доску на послушаніе: всѣ братія сошлись на паперть къ Успенской церкви вязать ваія къ Вербному. Во св. Горѣ Аѳонской связываютъ три древа во-едино: масличное, финиковое и лавровое; и я сталъ вязать. Вдругъ присылаетъ за мной ду-

ховникъ Іеронимъ , чтобы скорѣе шелъ къ нему. Я всталъ и пошелъ , и войдя къ нему въ келлію , увидѣлъ его въ лицѣ измѣнившагося. Я ужаснулся , и взявъ у него благословеніе , спросилъ : « за чѣмъ вы , отче св. , меня требовали ? » Онъ же со слезами на глазахъ , сказалъ мнѣ : « отче Парѣеніе ! есть тебѣ послушаніе. » Я ему сказалъ : « что благословите ? » Но онъ промолчалъ. Я ему паки сказалъ : « отче , благослови : я пойду на послушаніе ; тамъ отцы работаютъ. » Онъ же : « ты уже отработался. » Я ему сказалъ : « вы , отче , мнѣ объявите , что вы хотите дѣлать со мною. »

163. Тогда онъ началъ мнѣ говорить : « Теперь надобно уже сказать. Такое тебѣ , отче Парѣеніе , послушаніе : мы основали русскую церковь Свят. Митрофана ; а монастырь нашъ небогатый : строить не чѣмъ ; братій больше ста человекъ , а денегъ нѣтъ ничего ; еще и должны болѣе ста тысячъ . Требуется послать въ Россію для сбора , а кромѣ тебя некого ; надобно потрудиться тебѣ , съѣздить. » Я , услышавши сіе , не могъ терпѣть , заплакалъ и упалъ , и началъ говорить : « За тѣмъ ли вы меня постригли въ великій образъ , да разлучите меня съ св. Горою Аѳонскою , пошлете меня въ міръ , наполненный соблазнами , отторгнете отъ тихаго пристанища , св. Горы Аѳонской , и ринете во многоводнистое и страшное море житія мірскаго ? Не налагайте , отче св. , выше естества моего мнѣ послушаніе : не только я не могу разлучиться съ Св. Горою , а еще болѣе : вы меня во обители своей не увидите ; пойду и скроюсь въ чащѣ и непроходимой пустыни аѳонской , и тамъ скончаю жизньъ свой. »

164. Духовникъ горько заплакалъ , и взялъ меня въ свои объятія , и сталъ меня уговаривать : « Послушаніе выше всѣхъ добродѣтелей ; а безъ благословенія и въ пустынь погибнешь . Еще есть тебѣ благословная вина отлучиться на-время изъ св. Горы Аѳонской . Я бы тебя и самъ не послалъ , зная твое расположеніе къ Св. Горѣ . Но ты давно скорбѣлъ и собогѣзновалъ о своихъ родителяхъ , что они пребываютъ въ расколѣ и внѣ Св. Соборной Апостольской Христовой Церкви : необходимо нужно тебѣ къ нимъ побывать , и ихъ уговорить , и присоединить къ Христовой Церкви . Намъ родители , кромѣ Бога , всего дороже : они насъ родили и воспитали , и имѣли о насъ попеченіе ; потому и намъ надобно имѣть о нихъ попеченіе , а кольми паче о ихъ душахъ . А хотя мы ихъ и оставили Бога ради , то мы возлюбили Господа своего паче родителей , какъ самъ Спаситель сказалъ : *иже любитъ отца или мать паче Мене , нѣсть Мене достоинъ* . Матѣ . 10 , 37 . И мы оставили не родителей , но суетный міръ съ прелестями ; и пошли за себя и за родителей , безъ всякихъ препятствій отъ міра , поработать Господеву своему . И всѣ наши труды и подвиги и молитвы идутъ въ половину за родителей : потому что они насъ родили и воспитали , и до-днесь о насъ собогѣзнуютъ . Теперь пришло время тебѣ къ нимъ побывать , а отъ нихъ побывай въ Россіи . » И симъ нѣсколько меня утѣшилъ . Но я , видя его намѣреніе неотложнымъ , вышелъ отъ него , и пришелъ въ келлію свою , палъ на землю , и много плакалъ .

165. И просилъ Господа моего и Божію Матерь , да не отпустятъ меня изъ св. Горы Аѳонской ; лучше

да возьмутъ меня отъ міра сего , и прекратятъ дни мои , или да пошлютъ на меня тѣлесную болѣзнь , только дабы я не дожилъ до того дня , когда буду разлучаться со св. Горой Аѳонской ; а родителей моихъ , какъ самъ Богъ знаетъ , такъ да спасетъ ; и до того плакалъ , что не могъ встать. Узнавши сіе , духовникъ Іеронимъ пришелъ ко мнѣ въ келлію , и меня утѣшалъ и уговаривалъ. Я же ему сказалъ : « отче св. , ежели хочешь меня утѣшить и видѣть не плачущимъ , то обѣщайся меня никогда не разлучать со св. Горой Аѳонской. » Онъ же сказалъ : « это невозможно. » Я ему сказалъ : « Ежели это не можно , то оставь меня плакать и рыдать , сколько я хочу. О моего окаянства ! Видно , я одинъ паче всѣхъ чело-вѣкъ грѣшнѣе , что хотите вы меня разлучить съ симъ земнымъ раемъ , съ св. Горой Аѳонской , и хотите меня удалить отъ своего лицезрѣнія , которое для меня лучше всего , и хотите меня разлучить съ духовнымъ братствомъ , съ земными этими ангелами , и хотите меня послать въ міръ , всѣми суетами и соблазнами наполненный ? Каково мнѣ въ монашескомъ образѣ быть между мірянами , да еще и женами , подобно мертвецу между живыми , и странствовать по мірскимъ домамъ ? Каково мнѣ быть въ родительскомъ домѣ , и вспомнить прежнее свое мірское житіе , которое было позабылъ ? Или я васъ чѣмъ оскорбилъ паче всѣхъ ? Лучше изгоните меня изъ обители , и буду странствовать какъ прочіе , по крайней мѣрѣ , въ пустынѣ , и буду имѣть утѣшеніемъ св. Гору Аѳонскую , и буду хотя изрѣдка ваше лице видѣть , и слышать ваше наставленіе. Вы знаете , какъ я къ вамъ привязанъ духомъ и любовію , и никогда

не думалъ я отъ васъ разлучиться , кромѣ смерти.» Онъ же заплакалъ , и ушелъ въ свою келлію ; я же горько рыдалъ , и многое говорилъ въ утѣшеніе себѣ , дабы мнѣ больше плакать . Пришли братія , и много меня уговаривали , и утѣшали .

166. На Недѣлю Ваіѣ было всемошное торжественное бдѣніе , продолжалось четырнадцать часовъ . Я не могъ ни читать ни пѣть , но все плакалъ въ горести сердца моего . Во вторникъ на Страстной седмицѣ правдновали Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы , и причащались всѣ Св. Таянъ . И всю седмицу Страстную были всенощныя стоянія . Въ великій четвертокъ было освященіе елея , и всѣ братія соборовались масломъ , и пакы всѣ причащались Св. Таянъ . Подъ великій пятокъ было всенощное стояніе . Въ пятокъ же почти весь день не выходили изъ церкви . Часы продолжались весьма медленно ; стихиры всѣ пѣли на-распѣвъ , съ канонархомъ , по нотамъ ; на каждомъ часѣ читали продолжительное поученіе . А на вечерни , по Евангеліи , когда начали пѣть стиховны *« егда отъ древа Тя снемъ »* , тогда выносили торжественно плащаницу на средину церкви : сначала обцесли кругомъ престола трижды , и положили , и читали два надгробныя слова ; на повечеріи канонъ на плачь Пресвятыя Богородицы пѣли съ канонархомъ , и братія прикладывались всѣ къ плащаницѣ . Подъ субботу было всенощное стояніе ; многія читали поученія . По славословіи носили плащаницу кругомъ собора ; были четыре ектеніи . Послѣ вечерни , на Литургіи были всѣ причастниками Св. Таянъ .

167. Въ Пасху была торжественная утренья , такожде и Литургія ; всю Литургію стояли со свѣщами , и

были всѣ причастниками Св. Тайнъ. Въ трапезу шли всѣ со свѣщами : и трапеза была торжественная и изобильная. На Пасху вечерню съ самаго начала всѣ стояли со свѣщами. Евангеліе читали всѣмъ соборомъ на десяти языкахъ. По вечерни , у игумена было всѣмъ угощеніе. — Но эти торжества и радости не могли развеселить мое сердце печальное. Всѣ братія радовались , всѣ веселились ; одинъ я плакалъ , что долженъ разлучиться съ многовождебной для меня Горой Аеонскою , съ возлюбленною моею матерью , св. моею обителію , долженъ разлучиться отъ богособраннаго моего братства. На Пасхѣ въ понедѣльникъ , послѣ утрени , былъ крестный ходъ по келліямъ и по окрестностямъ , верстъ пятнадцать. Послѣ была Литургія. Послѣ обѣда пошелъ я въ Иверскій монастырь повидать своего старца и духовника , отца Арсенія , и испросить отъ него совѣта.

168. Въ Иверскомъ монастырѣ было всенощное бдѣніе. Послѣ былъ крестный ходъ , и носили Иверскую чудотворную икону Богородицы. Потомъ , увидавши своего старца , духовника Арсенія , сталъ ему говорить , что хотятъ меня разлучить съ св. Горой Аеонскою , и посылаютъ въ Россію для сбора. Онъ же сказалъ мнѣ : « что дѣлать ? послушаніе надобно исполнять ; только едва ли будетъ сборъ ; но впрочемъ съѣзди. » Я заплакалъ , и сказалъ ему : « отче св. , я надѣялся на тебя , что ты меня удержишь. » Онъ же наки мнѣ сказалъ : « что дѣлать ? надобно творить послушаніе. » Я съ плачемъ съ нимъ распростился. Пришелъ въ монастырь , и сталъ съ великою скорбію собираться въ дальній путь.

169. На Фоминой седмицѣ , во вторникъ , стали от-

правляться на корабль. Ударили въ колоколъ , и собрались всѣ братія въ соборъ. Вынесли главу св. Великомуч. Пантелеимона, отпѣли молебень , и стали прикладываться къ мощамъ и св. иконамъ. Игумень и духовникъ стали насъ благословлять. И сдѣлался со мной ударъ : не могъ я больше вынести скорби, что прощаюсь со св. Горой Аѳонской , прощаюсь съ возлюбленными моими отцами и съ братіею , прощаюсь съ моею дражайшею матерью, св. обителію. Вывели меня подъ руки игумень и духовникъ , и со слезами меня уговаривали; и пришли къ морю, стали садиться въ лодку. И я у всѣхъ св. отцевъ моихъ и братій лобызалъ руки и ноги, и потомъ сѣлъ въ лодку; и я со всею братіею простился , и просилъ ихъ св. молитвъ.

170. Потомъ поѣхали на корабль; и много я плакалъ и прощался. « Прости св. Гора Аѳонская, Богородичень св. доме, со всѣми своими прекрасными пустынями ! И ты прости , возлюбленная моя мати, св. моя обитель русская, породившая меня совершеннымъ монашествомъ ! Прости меня и св. Великомуч. Пантелеимонъ со Святит. Митрофаномъ ! Вы будьте мнѣ хранители и поспѣшники ! Прости, возлюбленный мой духовный отче Арсеній ! Не увижу я больше твоихъ святоѣнныхъ сѣдинъ и равноангельнаго пресвѣтлаго твоего лица. И вы простите вси , св. отцы и братія и пустынножители ! Уже не увижу вашихъ постныхъ лицъ , не услышу больше вашихъ душеполезныхъ наставленій ; уже не буду ходить по вашимъ пустыннымъ дорожкамъ. О , лучше бы мнѣ было , ежели бы я не приходилъ въ тебя , св. Гора Аѳонская ! Лучше бы мнѣ было , ежели бы я тебя не

видалъ! Не терпѣлъ бы я такой горести. Думалъ ли я, что буду въ животѣ моемъ разлучаться съ тобою, св. Гора Аѳонская? Бывало, когда во снѣ увидишь, что внѣ тебя нахожусь, и то весь день находишься въ скорби и уныніи; а теперь уже не во снѣ, но явѣ отъ тебя разлучаюсь. Охъ, увѣ мнѣ, паче всѣхъ окаяннѣйшему! Сколько тысячъ монаховъ живутъ въ тебѣ, св. Гора, и всѣ пребываютъ въ спокойствіи! Только одного меня изгнала! Знать, я паче всѣхъ грѣшнѣе? О, кто бы мнѣ теперь далъ источники слезъ: плакалъ бы я день и ночь, и рыдалъ бы о множествѣ грѣховъ моихъ! Еще восплачу, еще возрыдаю, еще возглаголю къ самой Госпожѣ и Назирательницѣ Горы Аѳонскія, ко Пречистой Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ Маріи. О Владычице, благодарю за Твои неизреченныя милости и благодѣянія! Съ какою Ты милостию меня приняла въ Свой св. жребій, въ св. Гору Аѳонскую! Какъ Ты меня привѣтствовала! О Владычице, какимъ великимъ старцамъ опредѣлила меня подъ руководство! О Владычице, какими Ты меня упокоила мѣстами! Сперва дала мѣсто — уединенную пустыню, колибочку; и жилъ я какъ въ раю, единъ со единымъ Богомъ, и довольствовался всѣми тѣлесными потребамъ; потомъ опредѣлила мѣсто лучше прежняго, въ богатую келлію, къ духовному отцу и братіи; еще, о Владычице, ввела насъ и посадила въ великую царскую обитель, ко многому братству, и совершенно насъ упокоила. Наконецъ, Владычице, сподобила меня постричься въ великій иноческій ангельскій образъ. А послѣ всѣхъ Своихъ милостей и благодѣяній, о Владычице, какъ жестоко меня наказала, что вдругъ меня всего лишила, и отъ всего отлучила!

Или я паче всѣхъ согрѣшихъ предъ Тобою, Владычице? Или я паче всѣхъ прогнѣвалъ Твое благоутробіе? Но аще и согрѣшихъ предъ Тобою, и прогнѣвахъ Тя, Владычице, моими великими грѣхами: то почто меня не наказала во св. Горѣ Аѳонской? почто не послала на меня великой скорби и тяжелой болѣзни? Егда проживалъ во св. Горѣ Аѳонской: всякими утѣхами меня утѣшала, и ни единыя скорби и болѣзни на мя не посылала; но вдругъ меня отлучила, чего я не ожидалъ, ниже когда помышлялъ. Видно, Владычице, несодѣянное мое видѣста очи Твои. Видно, Ты, Владычице, знала, что у Тебя въ гостяхъ гошу? За то Ты меня паче прочихъ любила, и всѣ Свои милости на мя изліяла, и ни единой скорби на мя не посылала, но только угощала и утѣшала, и упокояла всякимъ упокоеніемъ тѣлеснымъ и душевнымъ. О Владычице! каково мнѣ теперь быть, всего того утѣшенія и упокоенія лишенному, еще отъ св. Горы Аѳонской отлученному? О Владычице! не до конца на меня прогнѣвайся, ниже во вѣкъ наказывай меня; но паки возврати мя здрава; паки приведи мя въ сіе тихое и небурное пристанище! Сіе меня утѣшаетъ, сіе меня подкрѣпляетъ, что не вовсе отлучаюсь отъ св. Горы Аѳонской, но аще продлятся дни мои, — паки возвращусь, какъ голубица къ Ноеву ковчегу, и азъ во свою св. обитель!» Мой же товарищъ много меня уговаривалъ. А посланъ былъ со мною другой монахъ, младый, родомъ болгаринъ, знающій говорить по-гречески и по-турецки. И тако отцы наши проводили насъ съ честію, и пріѣхали на корабль; и я устремилъ свои очи на свою св. обитель, и прощался, и обливался горькими слезами, что уже я раз-

лучился съ ней, и Богъ знаетъ, буду ли живъ или нѣтъ, возвращусь ли, или нѣтъ. Буди во всемъ воля Божія!

На семъ мѣстѣ оканчиваю часть сію. Кто хочетъ узнать мое путешествіе изъ Св. Горы, да прочтетъ слѣдующую часть. Аминь. Богу нашему слава.

Сія часть написаніемъ окончена
1848 г., августа 1 дня.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

1/4

Mr. 16/586

**Издание сіе назначается въ пользу скита ГЕОСИМАНІЯ,
что при Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ.**